

МЮРИЭЛ СПАРК ТЕПЛИЦА НАД ИСТ-РИВЕР

МЮРИЭЛ
СПАРК

ТЕПЛИЦА

НАД ИСТ-РИВЕР

РОМАН

ТІЕКІСТ

МЮРИЭЛ СПАРК

Есть что-то жуткое в облике главной героини романа. Муж, дети, психоаналитик замечают, что тень Элизы ложится в неестественном направлении — в сторону источника света... Персонажи романа Мюриэл Спарк, ветераны британской секретной службы времен Второй мировой, о которых все давно забыли, вдруг словно призраки появляются в современном Нью-Йорке.

Роман впервые издается на русском языке.

9 785751 615130

*Неизвестные страницы
мировой классики*

СЕРИЯ
КВАДРАТ

55

Muriel Spark

THE HOTHOUSE
BY THE EAST RIVER

Мюриэл Спарк

ТЕПЛИЦА НАД ИСТ-РИВЕР

РОМАН

*Перевод и послесловие
Владимира Скороденко*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С 71

ISBN 978-5-7516-1513-0

THE HOTHOUSE BY THE EAST RIVER

© Copyright Administration Ltd, 1973

© В. Скороденко, перевод, 2017

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

Если б и вправду все было хорошо, что хорошо кончается. Если б и вправду.

Она топает правой ногой.

Говорит:

— Теперь другую. — И садится, чтобы продавец мог приподнять ее левую ногу и аккуратно вставить во вторую туфлю.

— Сидят как влитые, — почтительно говорит продавец, правильно и старательно выговаривая слова, как делают иностранцы.

Теперь она встает и делает несколько шагов к зеркалу, разглядывая на ходу туфли, а затем, повернувшись вполоборота, отражение ноги. В жарком Нью-Йорке — жаркий-жаркий июльский день. Потом она разглядывает каблук.

Она смотрит на другие туфли. Три пары стоят у стула, каждая — у своей открытой коробки, поношенная пара валяется рядом. Наконец она переводит взгляд на продавца. Его взгляд прикован к туфлям.

И вот снова вечер, в комнате ее муж.

Она сидит у окна и разговаривает с ним, ее голос накладывается на мурлыканье кондиционера, но смотрит она в другую сторону, поверх пролива Ист-Ривер, словно муж находится снаружи, за оконной рамой. Он стоит посреди комнаты у нее за спиной и слушает.

— Я выходила за покупками, — говорит она. — Зашла в обувной купить туфли. Ты не согласишься, что было дальше.

— Что же? — спрашивает он.

— Ты мне не согласишься, в этом все дело. Ты и сам думаешь, что не согласишься.

— Откуда мне знать, если ты не говоришь, в чем дело?

— Нет, мне ты согласишься, но только не согласишься, что это и вправду случилось. Что толку рассказывать? Ты сомневаешься во всем, что я говорю.

— Да рассказывай, чего уж там, — говорит он так, словно не испытывает к ее рассказу никакого интереса.

— Поль, — говорит она, — я узнала продавца обувного магазина. В Англии он был военнопленный.

— Какой военнопленный?

— Киль.

— Какой Киль?

— Гельмут Киль. А ты про кого подумал?

— Был еще Клаус, тоже Киль.

— А, убогий кривобокий коротышка, он еще любил читать про балет. Этот?

— Да, Клаус Киль.

— Ну, я не про него говорю, а про Гельмута Килья. Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, говоря «Киль». Почему ты вдруг вспомнил про Клауса Килья?

Она не оборачивается, она не отводит глаз от Ист-Ривер, думает Поль.

Как-то раз ему показалось, что он ее застукал, подойдя сбоку: она улыбалась островку Уэлфер-Айленд как старому знакомому. Из окна островок представлялся сплошным массивом листвы. Не могла же она разглядеть человека далеко внизу на таком расстоянии.

Может, думает он, она и сейчас улыбается? Улыбается про себя своим тайным забавным мыслям? В конце-то концов, вдруг она вовсе не сумасшедшая, а только извра-

шенная и хитрая? Но это невозможно, думает он, она как ребенок: болтает в этот вечерний час все, что приходит в голову.

Она рассказывает ему все, что приходит ей в голову в этот вечерний час, а уж его дело — дознаваться, правда это или плод ее воображения. Но сознательно ли она выбирает такой образ действий или не может иначе? Где ложь, где правда?

Правда, что прошлой зимой он, похоже, застукал ее: она подавила улыбку при взгляде на алую рекламу пепси-колы на том берегу пролива. Сейчас ему вспоминается выражение «показать язык», разница между переносным и прямым значениями фразы путает его мысли: что будет, если Эльза, обратившись лицом к проливу, и впрямь высунет язык, чего она, понятно, не сделает?

И Поль, все еще стоящий на середине ковра, переводит взгляд на ее тень. Он видит, что тень ложится на тюлевую занавеску, а не на пол в сторону Вест-Сайда, где ей следовало лежать в согласии с положением заходящего солнца в окне «фонаря» за спиной у Эльзы. В который раз он видит, как ее тень противоестественно ложится в обратную сторону. Он этого ожидал, но все равно отворачивается от этого зрелища.

— Поль, — говорит она, по-прежнему глядя на пролив, — сходи принеси нам выпить.

Их сын Пьер навестил их вечером накануне. И он сказал Полю, когда они привычно задержались в прихожей обсудить проблему матери:

— Она не такая дура.

— Значит, я дурак, что трачу деньги на Гарвена.

— Без Гарвена ей не обойтись, — возразил он с угрозой, повысив голос, чтобы пресечь поднимающее голову сопротивление.

Гарвен Бей — ее врач-психоаналитик. Пьер стремится не допустить, чтобы мать вернули в больницу: это нарушит его душевный покой. Больше того, Пьер знает о том, что не отцовские деньги столь щедро идут на Гарвена, а всего лишь поверхностные отложения, тонкая пыльца с огромного состояния матери.

Накануне вечером Поль спросил сына, когда тот уходил:

— Как, по-твоему, она нынче выглядит?

— Хорошо. Есть, конечно, какая-то неуловимая странность...

Поль быстро распрощался, едва ли не радуясь тому, что сын все еще не заметил конкретной причины этой странности.

Поль не может признать эту странность.
Эту ее тень. Мираж, видимость.

Она смотрит в окно.

— Поль, принеси что-нибудь выпить.

Но Поль продолжает стоять. Она сидит у окна. Он спрашивает:

— Ты действительно видела этого человека в обувном магазине?

— Да.

— Значит, Эльза, я бы сказал, что ты вообразила себе Гельмута Киля. Все это почти наверняка игра воображения. Не могла ты с ним встретиться в обувном магазине. Он умер в тюрьме, и это целиком и полностью его собственная вина. Тебе следует рассказать Гарвену об этом случае.

— Хорошо.

— В каком магазине это было?

— В «Мелинде» на Мэдисон-авеню. По крайней мере, мне так кажется.

— Ты что, улыбаешься?

— Нет. Почему ты нам не нальешь?

— Он умер в тюрьме лет через шесть-семь после войны.

Она смеется. Затем говорит:

— Понимаю, что ты хочешь сказать.

— Что?

— Ты, ясное дело, говоришь не в буквальном смысле.

— Я, пожалуй, чего-нибудь выпью. — Но он не уходит. Он думает: она не была на-смешницей, а теперь вот стала. Я сделал ее такой.

Она сидит неподвижно и в эту минуту, думает он, являет собой недвижимое имущество — вроде основы ее капиталов. Сидит разодетая, с красивой прической и тщательно накрашенная, но сидит основательно, как на ценной земельной собственности, изображенной в виде ветхого здания, которое ждет сноса, чтобы освободить площадь для высоких конструкций из стали — ее дочери и сына. И вот мысли Поля скользят по поверхности.

И он думает, тщательно выбирая и про-износя про себя слова: нужно взять себя в руки. Она безумна.

Световая надпись «Пан-Ам» на том берегу реки гаснет и загорается, гаснет и загорается. Эльзу, видимо, пугает внезапно выхваченное из мрака здание ООН, все время стоявшее на своем месте, и она вздрагивает.

— Тебе не холодно? — спрашивает он. — Кондиционеры тут слишком старые, плохо работают.

— Да, на них нельзя полагаться, — говорит она.

— Эльза, — говорит он, — тебе не жабко? Почему бы нам не заменить их на современные?

Она смеется в окно.

Он опять говорит, рассчитывая завладеть ее вниманием, рассчитывая вложить в ее голову мысль, способную вернуть ей здравый рассудок, если признать, что она снова его теряет.

— В полдень температура поднялась до ста одного градуса*. На автострадах сплошные пробки.

Она отворачивается и смотрит на темный массив Уэлфер-Айленда.

Он чувствует, что, попытавшись сказать ей: «На тебя давит жара, твое воображение...», — он, скорее всего, ничего из себя не выдавит. Чувствует, что, возможно, ошибается и пока еще не уверен, что происходит возвращение к старому. Такое уже бывало, думает он, здесь, в этой комнате, я стоял, а она сидела, сколько же раз так было?

— Как называется обувной магазин? — спрашивает он.

— «Мелинда», на Мэдисон-авеню где-то в районе Пятьдесят пятой или Пятьде-

* По Фаренгейту, приблизительно 36°C.

сят шестой, а может, и Пятьдесят седьмой улицы.

— Северные пятидесятые и Мэдисон, — говорит он. — Все равно номер не может быть меньше, чем девяносто восемь.

— Он имеет в виду температуру — девяносто восемь градусов, — сообщает она Ист-Ривер. Потом, все так же глядя в окно, говорит: — Поль, налей мне. Водки со льдом, пожалуйста.

Что-то она там высматривает. Солнце зашло. Да, опять высматривает. «Это не там, — говорит Поль про себя. И опять: — Там ничего нет».

— Уличная жара плохо на тебя действует, — говорит она, все так же глядя на темно-синюю воду, в которой подрагивает — красное на черном — реклама пепси-колы на том берегу. — Плохо действует, Поль, — говорит она безмятежно. — Ты как вошел, так и стоишь как приклеенный. — Она чуть поворачивает голову вправо и теперь смотрит на здание Объединенных Наций в заплатах освещенных окон. — Ты как вошел, Поль, так и стоишь, наблюдая за мной. От жары ты становишься подозрительным. Сегодня самый жаркий день за последние двенадцать лет. Завтра будет еще хуже. Люди

на улицах сходят с ума. Народ возвращается домой со службы, мужчины возвращаются домой, беспорядок в сердцах и мозгах, не говоря уже об уличных беспорядках.

Он хочет пойти налить им выпить, его сверлит мысль: «Такое уже бывало», — но он не двинется, чтоб она не подумала, будто спровоцировала его своими насмешками. Он спрашивает:

— Зачем тебя понесло покупать туфли по такой жаре?

— У меня отекли ноги, мне нужен размер побольше.

Хитрые ответы сумасшедшей... Теперь он поворачивается и идет на кухню за льдом. Обернется она к нему или нет, когда он принесет стаканы?

Он толчет лед на кухне, тянет время. Наконец возвращается, от напряжения у него саднит лицо и глаза.

Нью-Йорк, родной дом вивисекторов разума и тех, кто подвергся вивисекции и теперь дожидается переборки, а также тех, кто еще не подвергался вмешательству и время от времени задается вопросом о собственной нормальности; а также дом тех, чей разум умер весь в рубцах воскрешения. Нью-Йорк вздымается за стенами кабинета пси-

хоаналитика, приводя в движение образы, наполняя слух звуками.

Из своего кресла он смотрит на нее, сидящую в другом кресле (в кушетку психоаналитика он не верит, отказ от кушетки — его первое отличие от коллег), и спрашивает:

— А потом?

— Я прибыла в Карфаген.

— В Карфаген?

— Я бы могла написать книгу, — говорит она.

— Что вы понимаете под Карфагеном? — спрашивает он. — Вы говорите — вы прибыли. Прибыли, говорите. Вы хотите сказать, что Карфаген — это здесь?

— Здесь?

— Ну, вроде того.

— Нет, это всего лишь фигура речи. — Она улыбается про себя, будто хочет его позлить. Он сбит с толку, он смутно помнит, что Карфаген — это древний город из древних времен, но не может с ходу собрать воедино множество разрозненных сведений, какими, вероятно, располагал о Карфагене.

Не дождавшись его ответа, она:

— По-моему, Гарвен, со мной все в порядке.

Его зовут Гарвен. Он утверждает: «С моими пациентами я сразу перехожу на име-

на». Это — вторая в списке его отличительных особенностей.

— Гарвен, со мной все в порядке, — повторяет она, пока он все еще бредет к Карфагену.

— Да уж, надеюсь. Но нам еще предстоит покрыть большое расстояние, Эльза, вы понимаете?

Она, будто желая его позлить:

— Почему вы говорите «покрыть»? Странно, что вы используете это слово. Я-то считала, что психиатрия призвана раскрывать вещи. А вы говорите — покрыть. Вы сказали: «Нам еще предстоит покрыть большое расстояние».

— Знаю, знаю. — Он выставляет перед собой руки ладонями наружу, чтобы заставить ее замолчать. Затем объясняет значение глагола «покрывать» в общепринятом смысле; объясняет жестко, вдумчиво и тщательно.

— Я вас не раздражаю? — спрашивает она.

— Меня? Нисколько.

— Я прибыла в Карфаген; кругом меня котлом кипела позорная любовь*, — говорит она.

* Начало третьей книги «Исповеди» Блаженного Августина, в оригинале «Я прибыл в Карфаген...».

— Эльза, — говорит он, — не волнуйтесь. Расслабьтесь, вам нужно расслабиться.

По возвращении домой она говорит:

— Сегодня мне удалось еще раз вывести Гарвена из себя. — Она устраивается в самом удобном кресле спиной к окну и улыбается отражению неба в стекле картины, будто поздравляя его. — Я вывела его из себя. Он сказал, что хочет установить со мной доверительные личные отношения.

— Ты не можешь придумать лучшего применения своим деньгам, чем оплачивать ими время своего психиатра? — спрашивает Поль.

— Лучшее трудно придумать. — Затем добавляет «тра-ля-ля» на мотив до-ре-ми.

— Не хотел бы я оказаться в его шкуре, — говорит Поль. — Мне бы не понравилось анализировать женщину.

Она тихо смеется как бы про себя; но хотя бы не подходит к окну, чтобы разделить шутку с тем (чем бы оно ни было), что обитает по ту сторону окна на Ист-Ривер, чего никто не видит, кроме нее одной, и что она день за днем столь упорно разглядывает сквозь стекло.

Он говорит:

— Я побывал в этом обувном магазине.

— Ты его видел?

— Да, это Киль, никакого сомнения.
— Гельмут Киль, — говорит она.
— Да, Гельмут Киль.
— Вот видишь — не Клаус, — говорит она.
— Да, не Клаус. Гельмут.
— Вот видишь — я его не выдумала.
— Эльза, я никогда не говорил, что ты его выдумала, Эльза. Иной раз ты что-то выдумываешь. Мне просто хотелось знать наверняка, только и всего. Конечно, были сообщения, что он умер в тюрьме. Его окружает какая-то тайна. Всегда окружала.

Она смеется — и вот она опять у окна, чего он так опасался, и как бы доверительно рассказывает некому приятелю о тонком юморе только что произнесенных им слов. Он стоит посреди комнаты.

— Киль узнал тебя, Эльза?
— Думаю, да. А тебя?
— Нет. Я смотрел на него с улицы через окно. Он меня не видел.
— Ты уверен? — спрашивает она.

Пусть она лучше говорит, а не сидит молча у окна, хотя, когда она говорит, ничего хорошего ждать не приходится. Потому что обычно она говорит что-нибудь обыкновенное, словно все в порядке.

Все отнюдь не в порядке.

— Эльза, сядь для разнообразия у какого-нибудь другого окна.

— Из других окон смотреть не на что.

— Ну, есть же там улица, правда? Идут люди, едут машины.

Теперь он знает, что на губах у нее улыбка.

— Ради Бога, Эльза, зачем ты вообще садишься у этого грёбаного окна?

На словечке «грёбаного» он делает ударение — оно не входит в словарь, который он усвоил от своей английской гувернантки еще в Черногории. Этому слову он научился в Англии в годы войны, когда его слух утратил восприимчивость. Не считая более поздних вкраплений уличной лексики, его английский язык безупречен. Он уверен, что она улыбается проливу. «Целый день у грёбаного окна...»

И он:

— Ты еще молодая, Эльза. А весь день просиживаешь у окон... — Он уже это говорил. Иногда кажется непреложным фактом, что она знает — он не говорит ей правду. Но в разговоре он утаивает и что-то другое. Возможно, она это знает.

— Ну, не весь день, — говорит она. — Я сижу здесь в основном ближе к вечеру, в основном вечерами. — Как ни странно, это правда.

Окно-«фонарь», выступающее наружу на высоте четырнадцатого этажа, считается признаком роскоши. Эти огромные окна занимают треть восточной стены, обращенной к проливу, всю северную стену, выходящую на улицу, и прилегающую часть западной стены — отсюда открывается панорама улицы, пересекаемой авеню и суживающейся в перспективе к небоскребу «Пан-Ам». Прямоугольное пространство занято пальмами и папоротниками, как у всякого нормального жильца.

Иной раз в комнату через западное окно льется волшебно алый закат, но Эльза предпочитает глядеть на пролив. Закат в западном окне разбрасывает тени от пальм и папоротников Эльзы по всему полу, по самой Эльзе и по шторам на восточном окне. В западном окне на закате при хорошей погоде силуэты Манхэттена выглядят черными на сияющем фоне, тогда как над Ист-Ривер небо постепенно темнеет.

Он не может точно припомнить, какой это был день, когда, вернувшись в квартиру в семь часов вечера... или в шесть... припомнить бы еще время года...

Вечером — он не помнит точного дня, часа, быть может, это было весной или зимой, быть может, в пять часов, в шесть...

Он стоит посреди комнаты. Она сидит у окна, уставившись на Ист-Ривер. Вечернее солнце в противоположном окне гладит ее плечи и волосы, бросает тени пальмовых листьев на ковер, на ее руку. От кресла, в котором она сидит, ложится тень перед нею.

Другая тень принадлежит ей, и она ложится позади нее.

Позади, и от какого, интересно, света? Она отбрасывает тень в неправильном направлении. Из восточного окна не падает света, он проникает в западное окно. И на что она глядит?

Он смотрит. Уэлфер-Айленд. Район Куинс на том берегу. Вода обтекает стоящую на мертвом якоре баржу.

Не поворачивая головы, она:

— Чего ты там стоишь? Почему не принесешь чего-нибудь выпить?

Или:

— Пьер только что ушел.

Или:

— Я сегодня купила себе туфли.

Понемногу смеркается. Он включает торшер, хотя в комнате еще хватает света.

Ее тень неподвижна. Он подходит к ее креслу, останавливается и смотрит в окно. Ни со стороны Ист-Ривер, ни в небе — ни

единого проблеска. Но она продолжает смотреть и что-то воспринимать, может быть, начинает улыбаться. Она отодвигает кресло, чтобы дать ему место, и ее тень ложится позади нее. Сегодня она начала новый курс психоанализа. А может, начала еще на прошлой неделе.

Она говорит:

— Я купила себе туфли.

Или:

— Пьер на знает, как ему быть.

Или:

— У Катерины кончился дезодорант в Кастелламаре.

Поль поворачивается и идет на кухню за льдом. У двери он снова оборачивается.

Его сердце вызывает о помощи. «Помогите! Помогите!» — кричит его сердце и стучит в стенки гроба. «Шизофреничка навязала мне свою волю. Ее бред, ее вымысел, ее кошмары сбылись».

— Киль узнал тебя, Эльза?

— Думаю, да. Я сегодня была у Гарвена.

— Мне угрожает Киль, а ты только и можешь болтать что о своей проблеме.

— Нет у меня никакой проблемы. Это ты надумал послать меня к Гарвену.

Он одевается. Она проходит из своей ванной через его комнату в свою спальню.

— У Гарвена во всяком случае есть проблема, — говорит она. — Проблема со мной — это его проблема, не моя... — На нее падает свет от настольной лампы. Ее тень ложится по направлению к лампе.

У него перехватывает дыхание. «Выпусти меня! Выпусти!»

Он не станет больше спать с ней в одной постели. Никогда, ни за что. Не может мужчина спать с женщиной, у которой неправильно падает тень и которая получает свет или что-то в этом роде непонятно откуда.

Он видит, как она входит к себе в спальню. Когда они последний раз ужинали в ресторане, старшей официантке пришлось повозиться со свечами на их столике — непонятно почему они давали мало света. Или это случилось раньше? Быть может, последний раз это было, когда все они разглядывали только что купленную картину Кандинского. «Подвинься чуть в сторону, Эльза — Поль — это ты застишь свет? Какая-то тень... кто?.. как?»

Никто вроде как ничего не заметил, однако заметили все. Пьер и Катерина — быть может, они позже обсудили это между со-

бой: «От матери жутко становится. Ты видела, куда она тень отбрасывает?»

Нет, этого бы ни он, ни она не сказали. Пьер, возможно, позвонил бы Гарвену. Нет, Гарвен тогда бы решил, что Пьер сошел с ума.

А Гарвен заметил?

Нет. Гарвен слишком озабочен собственной проблемой.

Поль кричит ей в спальню:

— Тебе наплевать, что будет со мной! Разве ты не можешь понять весь смысл того, что Гельмут Киль жив и приехал сюда, в Нью-Йорк?

— Так прошупай его, — отвечает она деловым тоном, словно речь идет о дупле в зубе.

— Уже прошупал, — кричит он. — Он позаботился о «крыше». В реестре умерших в гамбургской тюрьме отмечен некий Гельмут Киль. Он, ясное дело, получил новое имя, новые документы и место продавца в обувном магазине — все, что надо. Но разве тебе это интересно?

После перебранки у него на душе становится легче. Гельмут Киль определенно представляет угрозу его жизни, но лучше он, чем попытка этим безымянным нечто, которое Эльза видит в проливе.

- Ты готова? — спрашивает он.
А может, он говорит:
— Возьми себя в руки.
— Я-то готова, а ты? — отвечает она. —
У меня нет проблем. Катерина...

Этим летом в квартире Пьера на Восточной семьдесят второй улице царит восхитительная прохлада. Поль завидует бесшумной системе кондиционирования в квартире сына, которая обеспечивает беззвучную циркуляцию воздуха по всему дому, и в очередной раз решает перебраться из квартиры у Ист-Ривер в другую, на Сорок четвертой улице, где кондиционеры гудят в каждой комнате.

— Послушай, — говорит Поль, — все это было давным-давно, еще до твоего рождения.

— Но папа, я всего-то прошу тебя быть благоразумным и рассудительным. Обратись к адвокату. Пусть ФБР проведет тщательное дознание. А если тебе этого покажется мало, пусть его проверит частное сыскное бюро.

Полю не хочется уходить из этой прохладной квартиры. Он тянет время, хотя сказал все, что хотел, и уже готов все начать сначала: «Это случилось, когда мы с твоей

матерью были молоды, в Англии во время войны...»

Квартира выдержана в современном стиле. Обстановки почти нет, как в кабинете психиатра. Эльза как-то сказала, что при посещениях психоаналитика на нее нисходит успокоение.

— И ко всему на меня еще наваливается проблема твоей матери, — говорит Поль.

— Пусть этим займется Гарвен. Это его проблема.

— Его, вот как? Значит, это проблема Гарвена? — говорит Поль. — Иногда я задаюсь вопросом.

— Каким вопросом? — Пьер, награждает его взглядом, несомненно призванным подчеркнуть невинный характер вопроса.

— Ты когда-нибудь думал о том, что в твоей матери есть что-то необычное?

— Думал. А то с чего ей посещать Гарвена? Но мы не должны позволить ей снова уйти. И уж конечно, не в больницу. В этом нет необходимости. При нынешних лекарствах, методах лечения и всем прочем.

Пьеру не терпится его спровадить; у него есть другие дела, а возможно, он боится, что отец наговорит лишнего.

— Я думаю о Киле, его настоящая фамилия Мюллер, это основная проблема, — го-

ворит Поль. — Сообщи, если чего надумаешь, Мне просто хочется держать тебя в курсе — вдруг со мной что-то случится.

— Не волнуйся. — Пьер смотрит в окно.

Когда Пьер смотрит в окно, он больше обычного походит на мать.

Лампа позади него бросает его тень на складки занавески, и тень падает на положенное ей место. Она повторяет движения Пьера.

— Я хочу, чтоб ты, Пьер, имел полное представление о происходящем, — говорит отец. Он следит за движениями сына чуть ли не с робкой надеждой, что высокий молодой человек одним лишь мановением волшебного жезла — своего тела — может управлять происходящим.

— По-моему, я имею представление.

— Да, представление, но полное представление и ничего кроме него, — говорит Поль. — Пьер, это сложный вопрос. Если твоя мать не сможет встряхнуться или прочувствовать, в какое трудное положение я попал с Килем, я окажусь в еще большей опасности, Пьер.

Пьер нервно оглядывается, раздраженно шевелит губами, словно хочет сказать «Что

ты мне всё “Пьер” да “Пьер”?»». Чуть погодя он садится и говорит:

— Мать не дура. Она всего лишь не впадает в панику.

— Паника! Я не говорю, что ей следовало паниковать. Я говорю, что она могла бы выказать какую-никакую озабоченность. В конце концов, это она его увидела. Твоя мать первой увидела этого человека в обувном магазине. И спокойно мне об этом сказала. Сидела и безмятежно рассказывала, словно речь шла о чем-то бессмысленном вроде пары туфель.

— В туфлях есть смысл, отец.

Полю хочется ударить сына и крикнуть ему, что поганое образование сделало его непригодным для современного мира, а на поганные деньги его матери он мотался по миру, меняя институты истории искусств, где можно было учиться за деньги. Поль кладет ладони на ручки кресла и, по обычным мотивам, какие удерживают человека от насилия на словах и на деле, подавляет это желание. Он говорит:

— Она сидит и смотрит в окно. Она хорошо помнит Киля. Помнит, что случилось, когда мы служили в военное время. Она знает, что Киль был двойным агентом

и после войны попал в тюрьму. Она слышала, что он умер в тюрьме, а теперь вот встречает его в Нью-Йорке. Но бессмысленно объяснять ей все значение этой встречи — объяснение ей не интересно. Она далеко, и до нее не достучаться. Она смотрит в окно, а я стою как бакалейщик, который пришел за деньгами по просроченному счету, скажем, к Микеланджело, в то время как тот высоко на лесах расписывает потолок Сикстинской капеллы. Она говорит мне: «Пойди принеси что-нибудь выпить». Вот что она мне говорит. Она с ее мыслями парит высоко, а для нее всего лишь жалкая фигурка далеко внизу.

Пьер принимает наконец заинтересованный вид — то ли потому, что ему интересно, то ли ему хватает ума понять, что теперь следует притвориться. Он отходит от окна и садится в кресло напротив Поля, случайно или намеренно положив на подлокотник левую руку таким образом, чтобы часы оказались циферблатом вверх.

— Она больше... — начинает Пьер, но его прерывает звонок домофона. Он поднимает брови, встает, идет нажать на кнопку, открывающую наружную дверь, и возвращается, соображая вслух, кто бы это мог быть. За это время лифт успевает подняться, и

Пьер впускает в квартиру полноватого белокожего молодого мужчину с коротким ежиком и светлыми глазами с красными веками, в голубых штанах и свободной белой рубашке навывпуск. Поль не может определить его возраст — одутловатость смазывает черты лица.

Мужчину зовут Перегрином. Перегрин — то ли его имя, то ли фамилия.

— Перегрин — мой отец. Отец — Перегрин, — знакомит их Пьер.

— Мне пора, — говорит Поль.

Пьер, провожая отца до двери, говорит:

— У меня большие сомнения, что человек, которого ты видел здесь, в Нью-Йорке, — тот самый Киль, о котором ты рассказывал. Думаю, ты ошибся.

2

Три года тому назад Эльза сказала:

— Может, я все выдумываю, как сказал Цезарь жене утром мартовских ид.

— Тоже мне сравнила, — сказал Поль. — Ты — одно дело, а Цезарь — другое.

В тот раз Пьер и Катерина были в комнате. У Катерины начинались последние школьные каникулы.

— Где ты прочитала такое про Цезаря? — спросила Катерина.

— Как ты мне надоела, — ответила ее мать, — с твоим чертовым буквализмом.

— Не понимаю, мама, — сказала Катерина.

— Не всем нам отпущен дар понимания, — сказала Эльза и устремила взгляд на окна.

— Раньше ты относилась к нам по-другому, — сказал Пьер. — Раньше ты была ласковой и терпеливой. Впрочем, не так уж это и важно.

— Всему свое время, — сказала Эльза. — Теперь ваша очередь быть ласковыми и терпеливыми.

— Они проявляют много ласки и много терпения, Эльза, — сказал Поль. — Да и я, — сказал Поль, — тоже стараюсь, как умею.

— Где ты прочитала такое про Цезаря, мама? — спросила Катерина.

— Я не читала.

— Тогда откуда ты знаешь, что он это сказал?

Эльза прижалась лбом к стеклу и начала смеяться. Отец вышел из комнаты, дочь следом, а за ней и сын.

* * *

Тогда это было всего три года назад. А теперь этому уже много лет, идет Вторая миро-

вая война, они недавно помолвлены и вместе служат в так называемом Комплексе. Комплекс — маленький аванпост британской разведки в самом сердце сельской Англии.

— Ты слышала, что случилось с Килем? — спрашивает Поль Эльзу.

— Нет. А что?

— Его вернули в лагерь для военнопленных.

— Какого Киля? Клауса Киля? — спрашивает она.

— Этого-то? Нет, с какой стати, он безвреден. Я говорю о Гельмуте.

— Но я видела Гельмута вчера вечером. Он был здесь.

— Был, но утром его вернули обратно.

— За что? — спрашивает она.

— Видимо, он устроил драку в свой комнате. Разбил окно.

— Гельмут разбил окно? Вчера вечером? Что-то не него непохоже, Поль. Он человек серьезный. Должно быть, его спровоцировали.

— Нет, — возразил Поль, — никто его не провоцировал.

— Почему тогда он затеял драку? — спрашивает она.

— Должно быть, хотел, чтоб его вернули. Здешние кретины это неспособны понять.

Для них существуют только правила внутреннего распорядка. О психологии они понятия не имеют. Немецкие сотрудники обязаны соблюдать правила, вот его и вернули в лагерь за их нарушение, а он, ясное дело, только этого и добивался.

— Зачем он хотел вернуться? — спрашивает она.

— Не знаю. Думал, может, ты знаешь.

Она направляется к их рабочей временке, он идет рядом. На небе весеннее солнце. Она затягивает потуже широкий белый пояс на талии и перекидывает через плечо короткий ремешок сумочки.

— Тут может быть масса причин, — говорит она. — Нас это не касается, пусть выясняет служба безопасности.

Он говорит:

— Похоже, там не думают, что у него были хоть какие-то основания перестать работать на нас. Они, похоже, считают, он просто потерял над собой контроль и полез в драку.

Она останавливается в дверях временки и говорит, не поворачивая головы:

— Что ж, может, он и вправду потерял над собой контроль. С пленными это нередко бывает, — говорит она, — потому что по-

рой забывается, что наши немцы хоть и со-трудничают, но остаются военнопленными.

— Но я бы никогда не подумал, что Киль так легко потеряет контроль над собой. А ты?

— Я бы тоже не подумала, честное слово. Для меня это стало ударом.

— Когда ты вчера его видела? — спрашивает Поль.

— Он был здесь, работал... Где, по-твоему, я могла его видеть? В каком еще месте?

— Я сказал «когда», а не «где», я вовсе не намекаю, Эльза, что ты нарушила правила. Я тебе не сотрудник безопасности.

Она говорит:

— Он пробыл тут до полуночи и поехал домой вместе с другими. Тогда с ним все было в полном порядке. Он был в бодром настроении. Абсолютно... Конечно, им всем должно давить на нервы сознание, что они изо дня в день предают родину. Нет, я и вправду не знаю, что думать. А ты как считаешь?

Поль смотрит на часы над дверью и говорит, что должен идти. Он вопросительно глядит на нее — не скажет ли она еще чего-нибудь.

Она говорит:

— Дай мне знать, если узнаешь что-нибудь новое, Поль, договорились?

— Ты ужинаешь в столовке?

— Да, но освобожусь не раньше девяти вечера.

— Вот в девять там и встретимся, — говорит он.

Комплекс. Твердый асфальт в бледно-желтом свете, ранняя весна 1944 года, Англия.

— Я как вулкан после извержения. Гора застывшей лавы с дырой посередине и тоненькой струйкой дыма, выходящей над волосами.

Так она цедит слова в эти дни своей томной живости, пока Поль снимает солнечные очки, дышит на стекла, протирает носовым платком — сперва одно, затем другое, — потом опять надевает очки, и все равно не понимает ее слов.

Вскоре Поля вызывают на беседу к офицеру службы безопасности.

Офицера — полковника Тилдена — назначили на его должность люди мудрые. Это кадровый военный с ограниченным воображением, каковым, даже в пределах своих ограниченных полномочий, он отнюдь не злоупотребляет. По этой причине его

меньше любят и меньше ценят, но зато он справедливей и исполнительнее других, более ярких и проницательных следователей, какие своей обходительной манерой в сочетании с истеричностью превращают дознание в блестящее представление, но постоянно уходят в сторону от фактов, к которым так и забывают вернуться.

— Садитесь.

Поль садится.

— Эльза, — сообщает военный, — спала с Килем.

Поль хмурится и, устремив взгляд в верхнюю раму окна, раздраженно вздыхает — это должно донести до полковника, что его методы Полю известны и не производят на него должного впечатления.

— Вам это, конечно, известно, — говорит полковник.

— Нет, — говорит Поль устало, — как неизвестно и вам.

Полковник поднимает брови и приступает заново:

— Разумеется, не с Клаусом Килем — с Гельмутом.

Эта пошлость, высказанная на основе абсурдного предположения, что Эльза вообще могла спать с каким-либо Килем, вызывает

у Поля усмешку. Быструю и напряженную. Но офицер широко улыбается и говорит:

— Да, конечно. В данном контексте уточнять было не обязательно. Едва ли от малыша Клауса можно ждать, что он приведет в бункер женщину.

— В бункер? Как могли они заниматься сексом в бункере, куда в любую минуту могут войти? Да еще на таких узких койках...

Он думает об узких спальных местах, какими оборудованы комнатки, где служащие ночной смены могут отдохнуть между передачами.

— Она имела обыкновения ходить отдыхать в бункер. В бункер Киля. Она это признает. Судя по всему, она часто ходила туда между сеансами вещания.

— Ну, я уже несколько месяцев как не выхожу в ночную смену, так что ничего про это сказать не могу. Да и в любом случае я не стал бы придавать этому значения. Эльза, очевидно, не придает.

— Почему?

— Мне она ни разу не говорила ни про отдых в бункере, ни про Киля или его бункер. — Не успев договорить, Поль уже понимает всю слабость своих доводов. Он смотрит на офицера безопасности и ожидает

увидеть улыбку сочувствия к обманутому любовнику.

Но тот ведет себя достойно и отвечает серьезным тоном, хотя, естественно, всего-то и может сказать:

— Можно понять, почему она про это не говорила.

— Равным образом можно понять, — говорит Поль, — что она ничего про это не говорила, если для нее не имеет значения, ходила она отсыпаться в бункер Киля или кого другого. — До него разом доходит, что он неверно употребил союз «если». Он исправляется: — Поскольку для нее не имеет значения. — Он готов пуститься в дальнейшие рассуждения о невинности Эльзы, но до него снова доходит: теперь полковник ждет от него вспышки искреннего негодования, указывающего на внутренние сомнения. Поль вспоминает, что он иностранец, и решает промолчать.

Полковник, не теряя надежды, ждет еще какое-то время, затем констатирует:

— Вы с Эльзой последнее время отдалились друг от друга.

— Нет, — говорит Поль, словно в ответ на вопрос.

— Последнее время вы реже встречаетесь.

Поль награждает его непонимающим взглядом.

Полковник отводит глаза и с грустью в голосе говорит:

— Последние дни вы нечасто видите.

— Совершенно верно, — соглашается Поль. Он не собирается обсуждать то, что уже известно полковнику. Раньше Поль мог совершать с Эльзой долгие прогулки по окружающим Комплекс лугам и рошицам. Эльза тогда работала в ночную смену, а он в послеполуденную, так что было у них всего два часа общего свободного времени. Но увольнительные им всегда старались совместить, поэтому раз в две недели они могли на четыре дня вдвоем уезжать в Лондон, где жили на Стрэнде в «Палас-отеле».

— Я хочу сказать, — говорит офицер в ответ на молчанье, — что теперь вас видят вместе реже, чем раньше. Конечно, в увольнительные вы отбываете вместе, но я что хочу сказать — Эльза, конечно, сама выбрала себе ночную смену.

— Неправда, — говорит Поль, он не хочет рисковать.

Полковник открывает ящик письменного стола, достает оттуда связку ключей, встает, подходит к картотечному шкафу, встав-

ляет и поворачивает ключ. У Поля впечатление, что ящик подозрительно легко выдвигается. Он не исключает, что ящик вообще не был заперт. Офицер извлекает синюю картонную папку и начинает листать подшитые документы. Один из них привлекает его внимание, он наполовину его вытаскивает, сосредоточенно изучает, затем аккуратно возвращает на место, кладет папку в ящик, задвигает его, закрывает на ключ, проверяет, хорошо ли закрылся, и возвращается к столу. Садится, открывает ящик и кладет туда ключи.

— Она написала заявление с просьбой перевести ее в ночную смену, — говорит он, достает из кармана записную книжку и что-то заносит в нее карандашиком.

Поль молчит. Этот спектакль выглядит неубедительно, но столь же вероятно, что поставлен он на полном серьезе. Эльза жаловалась ему, что ее определили в ночную смену, говорила, что хочет ее поменять, а позже сообщила, что ей это не удалось: пришла ее очередь шесть месяцев работать в смене, которая начинается в четыре часа дня и кончается между полуночью и двумя ночами.

Полковник возвращает записную книжку в карман. Он постукивает по столешни-

це карандашиком, который держит между большим и средним пальцами. Постукивает легко, сперва заточенным кончиком, затем, перевернув карандаш, — тупым концом, словно уминает табак в сигарете с обоих концов. Тап, тап — стучит карандашик.

Полковник говорит:

— Спасибо, Польш. — Откладывает карандашик в сторону и встает.

— Не за что, полковник.

Он встает, чтобы уйти, и на полпути между стулом и дверью с его губ чуть было не срывается краткая просьба обращаться к нему в более официальной манере, но он мгновенно решает, что это может прозвучать как ворчание шофера, обиженного, что к его имени не приставили «мистер». Он уходит без слов и вправду обиженный, но не выказав ни малейшей униженности.

В этот день он может не ехать на службу, ему до смерти хочется вернуться к себе и завалиться спать. Однако он садится в автобус, ближе всего подъезжающий к Комплексу, а потом добирается своим ходом через две деревеньки, а это целых четыре с половиной мили. Охранник на проходной здоровается: «Хороший денек, сэр», — и, пропуская Польша, смотрит на часы. «И все же, похоже, бу-

дет дождь», — замечает Поль, глядя на толпящиеся в небе белые облака. Действительно, почему бы охраннику и не посмотреть на часы? Но Поль заставляет себя не обращаться, чтоб не увидеть, возвращается ли тот в свою будку, откуда, быть может, согласно полученным инструкциям, сообщит по телефону о возвращении Поля и о времени возвращения. Есть слабая возможность, нет, безусловная возможность, даже осязаемая вероятность того, что полковнику Тилдену, офицеру службы безопасности, хочется выяснить, насколько Поль выбит из привычной колеи. Однако человеческий взгляд неспособен обнаружить страхи Поля в эти послеобеденные часы ранней английской весны 1944 года.

— Вот я и говорю Джону: если Гарри и Жизель поедут с нами, то Говард сможет отправиться с Гарри к Перл, а Джон мог бы приехать с Джин в воскресенье и остаться на ночь до нашего отъезда. Но если Рэй остановится в Нантакете, то мне нужно там быть ради Мерлина с Джей — им негде остановиться. Это если Пьер отправится в Италию. Если нет, то я не представляю, как нам быть. Катерина, я знаю, сможет вернуться

только в сентябре, но если Пьер вернется в последнюю неделю августа, нужно будет пристроить где-нибудь Джей или Мерлина, либо-либо. Но Джон говорит — пусть едут в Калифорнию и подыщут там работу на каникулы, как Элайн Харви и Сэм прошлым летом. С какой стати стеснять именно нас? Гарвен считает...

— С кем это ты разговариваешь? — спрашивает Поль.

— С тобой, — говорит Эльза, не отрывая взгляда от Ист-Ривер. — Нам нужно все спланировать, мы и без того затянули, и, если все эти люди объявятся, в доме будет не повернуться. Гарвен говорит, я от этого разболеюсь.

— Что там происходит? — спрашивает Поль и смело подходит посмотреть из окна поверх ее плеча.

— Не ори, — говорит она.

— Я не орал, — возражает он, понижая голос, который невольно повысил пару секунд назад, когда набрался смелости подойти к ее наблюдательному пункту в оконной нише. — Сегодня туманный вечер, — говорит он.

— Неужели? — говорит она, будто сама не видит облако теплого тумана, с утра окутывающее Нью-Йорк.

Он подается назад, отходит в сторону и останавливается подальше от окна между двух диванчиков.

— Откуда звонил Джон? — спрашивает он.

— По-моему, из какого-то колледжа. Звонил перед самым ланчем.

— Кстати, а кто он такой, этот Джон? Как его фамилия? И вся эта молодежь — кто они?

— Я не спрашивала, — говорит она. — Они могут быть кем угодно.

— Напрасно я снял этот дом, — говорит Поль.

— Если ты хочешь упечь меня в больницу, чтобы под этим предлогом их завернуть, так этот номер не пройдет, — говорит она.

— При чем тут больница? Эльза, я тебя умоляю. У тебя плохой день?

Она склоняет голову на плечо, распахивает глаза и кокетливо смотрит в окно.

— Да, — говорит она, — но только ты вошел, мне стало лучше. Прошло совсем мало времени, а мне уже лучше. Как насчет выпить?

Поль говорит сыну:

— Пьер, твоя мать переживает, не много ли мы пригласили людей погостить этим летом.

— Отмените приглашения, — говорит Пьер. — Для меня все эти люди вообще не существуют.

— Но она из-за них переживает — у нее случаются приступы тревоги. Правда, все проходит, стоит ей со мной поговорить. Ей необходимо мое присутствие.

— Ну, когда в доме гости, все переживают. Все женщины, вообще все. Я тоже переживаю.

— Почему она не переживает из-за меня? Мне грозит опасность, — говорит Поль.

— Послушай, — сердито говорит Пьер, — обратись к Гарвену. Эти переживания не по моей части.

— Господи, это же нормальный обоснованный страх. С какой стати мне обращаться к Гарвену? — говорит Поль. Он думает как человек, питающий надежду утихомирить бурю: «давайте-ка сменим тему». — Послушай, — произносит его голос... — Летом 1944 года, — говорит он сыну, — жизнь была ярче сегодняшней. Все в ней было определеннее. Дневные часы длились дольше. Жизнь была волнующей и опасной. Шла война.

Пьер смотрит на картину на противоположной стене и задается вопросом, окупает ли себя содержание, какое выделяет ему

мать на условии, что он будет поддерживать с отцом хорошие отношения.

— Мы жили настоящей жизнью, — говорит Поль.

Пьер тем временем думает: это напоминает электрическое оснащение в квартире Перегринна. В квартире же Перегринна — длинном, как амбар, помещении на третьем этаже длинного, как амбар, склада по соседству с Южным Бродвеем — к главной электропроводке на потолке присоединен переходник на три розетки, в которые соответственно включены лампа, шнур к электроплитке на две конфорки и шнур подлиннее с другим тройным переходником на конце. Этот переходник повешен на стену, и три его розетки предназначены одна для электробритвы, другая — для мощной лампы, которую Перегрин включает, когда ночью работает над своими рисунками, а третья свободна — в нее Перегрин включает утюг, кофейник, электрический пробочник или разные другие устройства — то, что требуется в данный момент. Когда Перегрин впервые развесил свой электротакелаж, все ожидали, что через несколько часов, через несколько дней, вот-вот произойдет короткое замыкание. Предсказывали отключение света во всем квартале, если не на всем Манхэттене

и даже на восточном побережье. Прошло, однако, два с лишним года, а Перегриново замыкание так и не состоялось. Но может случиться в любое время, в любую минуту, думает Пьер. Может, прямо сейчас. Отец, мать, все остальные — все мы устроим короткое замыкание, и электричество, слава Богу, вырубится. Оно вещь, конечно, полезная, но слишком опасная. Буду добывать жизненную энергию из какого-нибудь другого источника.

Его отец говорит:

— Ты, похоже, не понимаешь, насколько все было реальным. И теперь оно снова меня захватило, ты, похоже, не веришь, что я в опасности. Ты, Пьер, напоминаешь свою мать в военные годы, когда мы работали в секретном подразделении. Она проявляла беспечность.

Пьер встает и, перегнувшись через козетку, выглядывает в окно.

— Видишь того мужчину, он идет к Пятой улице? — спрашивает он. — Иди сюда, посмотри.

Поль подходит к нему и смотрит, вытянув шею.

— Вон там, — говорит Пьер, — в светлом костюме, как раз проходит аптеку. Видишь?

— Да, ну и что?

Объект наблюдения останавливается на углу, бесцельно вскидывает голову и мгновенно смотрит на дом Пьера, как обычно, словно по наитию, делают люди, на которых издали натывается чей-то взгляд. Пьер говорит:

— Он там появляется каждый вечер. Обычно стоит на углу и возвращается назад. Следит за входом. — Все это, конечно, выдумка чистой воды, но для Пьера она приемлемей, чем вроде бы правда из уст отца.

— Господи! — говорит отец, не сводя глаз с угла, за которым исчез мужчина.

— Ты его узнал? Знаешь его в лицо? — спрашивает долговязый сын, продолжая легко придерживать за краешек нейлоновую занавеску большим и указательным пальцами.

— Нет, — отвечает Поль. — Отпусти занавеску, — говорит он, — не то он поймет, что мы его видели.

Пьер выпускает занавеску из пальцев и разглаживает край как заботливая хозяйка.

— Ничего хорошего, — говорит Поль.

Сын садится и бросает взгляд на часы.

— Да уж, — говорит он. Полицейская сирена оглушает их воплем первобытной птицы и уносится, теряясь в гуле уличного движения.

* * *

— Ну что ты за дочь такая? — говорит Поль. — Что ты за дочь?

— В школе ты за меня не краснел, — отвечает Катерина. — Чего ты такого особенного для меня сделал?

— Я тебя породил, — говорит ее отец.

— Не без посторонней помощи. — Она улыбается, ее белые зубы, кажется, возникают из солнечного загара.

— В отношениях с твоей матерью инициатива всегда исходила от меня, — говорит он.

— Что ж, — говорит она, — любопытное данное.

— Существительное «данные» не имеет единственного числа. Не понимаю, почему ты в школе хорошо успевала. Ты же ни черта не знаешь.

— Ты не поверишь, папочка, — говорит Катерина. — Ты и вправду не поверишь.

Когда пришел отец, она лежала в постели, прислушиваясь к перезвону церковных колоколов и гудению кондиционера. В настоящий момент ее квартира находится в доме на Восточной сорок второй улице рядом с Мэдисон-авеню.

Когда он уходит, она берется за письмо к матери с просьбой о деньгах. Немного по-

думав, пишет на конверте «Миссис Поль Хэзлет, Н.О.Д.». Буквы означают «наибольший общий делитель». Катерина считает, что они смогут заинтриговать ее мать и заставить ее прочесть письмо. В этот же день, только позже, Катерина сама относит его и опускает в щель почтового ящика родителей на первом этаже дома у Ист-Ривер, где те живут.

3

Зима. Квартира Эльзы Хэзлет. Прекратилось громкое летнее гудение кондиционера. Воздух колышется от центрального отопления, температуру невозможно понизить до нормы, к тому же квартиры сверху, снизу и за северной стеной добавляют жары.

— Гарвен? Кто такой Гарвен? — спрашивает княгиня Ксаверина.

— Мой наставник-вожатый, — отвечает Эльза.

— Избавься от всех подобных типов, — говорит княгиня, подбирая складки своего роскошного одеяния.

— Ты уже уходишь? Посиди еще немного, — говорит Эльза.

Вновь устраиваясь среди диванных подушек, княгиня бормочет:

— Мне надо домой, к моим тутовым шелкопрядам. — Она говорит: — Когда-то я была в сетях у священника, Эльза, душенька. Я избавилась от него сорок лет назад и ни разу об этом не пожалела. Первая и четвертая недели, как я отказала ему от дома, дались тяжелее всего. Он был моим якорем, отказавшись от него, я стала как утлое суденышко в бушующем море жизни. Но я нашла свою стезю и ни разу не пожалела, что порвала с этим священником. — Она откидывается на спинку дивана, ее груди вздымаются и опадают, как паруса огромного парусника, и это придает ее словам особую достоверность.

— Ну, Гарвен не религиозен, — говорит Эльза, — он не священник.

— Религия тут роли не играет, — говорит княгиня. — Просто не следует брать в наставники одного-единственного человека. Многих — да, наблюдаешь за ними, выслушиваешь, а в конце концов советуешься сама с собой. Так и только так. В наставники надо выбирать саму жизнь.

— Ну, Гарвен меня забавляет, — говорит Эльза.

— Раз походы к нему доставляют тебе удовольствие, тем больше у тебя оснований с ним порвать. Тебе будет его не хватать, и чем острее будет чувство потери, тем больше у тебя прибавится сил. Наставник! С твоим окном тебе и то лучше.

Эльза смеется, подходит к окну, выглядывает наружу.

— Это дает мне свободу, — говорит она, так что трудно понять, имеет ли она в виду Гарвена или окно.

Однако княгиню Ксаверину не так-то просто поставить в тупик. Сейчас ее мысли уже далеко, и занимает их нечто другое, вероятно, Лонг-Айленд, где на ее ферме овечки и шелкопряды дрожат из-за отсутствия хозяйки и, конечно, от холода. Она откидывает складку шали, обнажая розовый валик груди, и запускает между ними руку: с яйцами все в порядке. У нее привычка греть яйца шелкопрядов в складках плоти у себя на груди. Таким же манером в холода в начале весны она забирает новорожденных ягнят в свою огромную унаследованную от предков кровать и укладывает у себя в ногах. И еще много чего вроде этого. Она вновь набрасывает шаль и приступает к процедуре вставания с дивана.

— Поль скоро придет, — говорит Эльза. — Может, подождешь полчаса, и мы выпьем? Он всегда страшно расстраивается, что не застал тебя, Поппи, милочка.

Княгиня, переваливаясь на ходу, почтительно огибает тень Эльзы, чтобы не наступить на нее там, где она, перегнувшись через рояль, падает на пол подобием тонкой шали серого кашемира, которая соскользнула да так и осталась лежать нетронутой, собирая пыль целое столетие.

— На той неделе я смогу посидеть подольше, — говорит княгиня, — и прямо отсюда отправиться в оперу. А сегодня приходится уходить пораньше: Франческа уехала, и мне нужно за ними приглядывать, им верить нельзя, они... — Княгиня целует Эльзу, и та с горничной провожает ее до лифта, а она продолжает объяснять им, как трудно содержать ферму. В молодые годы ее дни проходили в мечтах о более стройной фигуре и попытках обрести таковую. Она проявляла предприимчивость в своих странствиях и наконец вышла замуж за пожилого русского эмигранта, который незадолго до того потерял место пианиста в одном из ночных клубов Парижа. Она увезла его в Лондон, где открыла бюро по найму для эмигрантов. Своих клиентов она пристраивала там, где

требовались иностранные языки или экзотические ремесла.

Выйдя замуж, княгиня начала полнеть и через десять лет, к моменту смерти князя Ксаверина, раздобрела и стала величавой дамой, всех любящей и всеми любимой. Подкидыш из Новой Зеландии по имени мисс Коплстоун, она запросто могла бы выбрать путь наименьшего сопротивления и кончить одутловатой старшей диспетчершей на телефонной станции. В те годы Эльза ее не знала — она познакомилась с княгиней, когда та уже была великосветской дамой, женщиной крупной и независимой, а случилось это давно, в 1944 году, в мире секретов военного времени.

— Он вернулся, — говорит Поль. — Он вернулся.

— Ну-ну, ты же знаешь, что он не Киль, так не все ли тебе равно, что он вернулся?

— Я уверен, что это Киль, никакого сомнения. И он вернулся в Нью-Йорк. Вернулся в обувной магазин. Что там ни говори, а это и вправду Киль.

— Слишком он молод для Киля. Ты согласился с Гарвенем, что люди стареют. Он похож на Киля военных лет, но сейчас-то Киль выглядел бы совсем по-другому, да-

же если б не умер в тюрьме, а именно в ней он и умер.

— Когда я сегодня снова его увидел, то сразу понял — это Киль, — говорит Поль. — Он, должно быть, прошел курс омолаживания.

— Расскажи это Гарвену, а не мне, — говорит Эльза. — Я устала от этого Киля еще прошлым летом. Он все лето у тебя с языка не сходил.

— Ты первой его увидала.

— Значит, ты увидел вторым. Будь он Килем, он бы постарел, как ты, — говорит она.

— Ты этого не говорила, когда первый раз увидала его в обувном магазине, — говорит Поль. — Ты сказала...

— То было наваждение, каких много, — говорит она, ее тень падает в неправильном, противоестественном направлении. — Мне непонятно, зачем ты опять об этом заговорил. Этот человек не Киль. Поэтому я не понимаю, что тебя так волнует. Он не может быть Килем, он по возрасту Килью в сына-вья годится. Поэтому я не понимаю, зачем ты валишь все в одну кучу. Спотыкаешься на ровном месте.

— Ты думаешь обо всем, моя милая, пока не начинаешь думать о чем-то другом. — Он

говорит мягко, словно от нее исходит опасность. А опасность от нее действительно исходит, когда она начинает так говорить.

— Что ж, может, ты и не валишь, — говорит она с веселостью самоубийцы. — Бери свои слова назад. Не унывай. Я ложусь спать.

— Нет, в лицах я не ошибаюсь. — Он говорит, чтобы ее успокоить, а сам думает: почему я ее не бросаю? Сегодня из нее ключом бьет веселье, завтра она опять будет темнее тучи. А через неделю истерически оживленной. Он спрашивает: — Ты сегодня видела Гарвена?

— Да. Представь себе, он учреждает новое общество — Общество вожатых. Сам он — наставник-вожатый. Такое у него теперь звание. — Эльза выходит из комнаты, волоча за спиной свою тень под неправильным углом наподобие шлейфа старинного бального платья. Ее жутковатый смех оглашает коридор, и, даже захлопнув за собой дверь спальни, она продолжает смеяться; этот смех отдается у него в голове, словно она распоряжается воздухом, которым он дышит.

Вот он с цветным фотоснимком в руках, а вот уже рассматривает на свет негатив. Катерина, еще школьница; Пьер, студент пер-

вокурсник; сам Поль в костюме для тенниса, ростом пониже сына, стоит в профиль, улыбается; и Эльза, белокурая, с темными корнями волос у пробора, подтянутая, в белых шортах. Тень Эльзы, коричневая на снимке и бело-серая на негативе, пересекает тени его и детей, как бы отрезая их по резкой диагонали. Эльза, глянув на снимок, рассмеялась; дети ничего не сказали про тень, они, похоже, никогда ничего не замечают. И лишь Пьер сказал:

— Княгиня всегда снимает не в фокусе, только пленку переводит.

— Мать не дура, — говорит Пьер. — Мать умна. Умнее, чем может показаться на первый взгляд. Иной раз даже жуть берет.

На отца накатывает паника, потому что мужчине бесконечно проще бросить красивую женщину, просто уйти, не возвращаться и обрести свободу, чем бросить женщину, наделенную умом, какой он не в состоянии просчитать, а сама она контролировать.

— Нет, — кричит Поль, — она сумасшедшая, мне приходится за нее думать, все время решать за нее.

— Хорошо, отец. Хорошо.

— Она просто хитрая. Хитрит, когда ей это нужно.

* * *

— Я сегодня опять побывала в обувном магазине, Поппи, — говорит Эльза княгине. — Купила ботинки на меху, — говорит Эльза, — которые мне не нужны, но хотелось еще раз на него взглянуть. В прошлый раз я купила вот эти туфли, что на мне, — они тебе нравятся? Он там работает. Похож на Килья, но совсем молодой. Может, он сын Килья, как ты думаешь?

— Это Киль, — говорит Поппи. — Киль с подтяжкой. Я, душенька, там побывала, внимательно присмотрелась. И убедилась, что это Киль. В конце-то концов он был очень молод, когда мы в войну познакомились, совсем юный. Должно быть, подтянул лицо, у него вокруг глаз кожа морщинит. Сходи туда снова, Эльза, и внимательно присмотришься. У него поясница плохо сгибается. Я взяла пару вечерних туфель и велела доставить наложенным платежом, но, понятно, дала придуманные имя и адрес. У меня уже пять пар вечерних туфель, зачем мне еще? Я редко их надеваю. Ты заметила, как он нагибается — колени не гнутся, поясница деревянная, как у многолетнего узника? Впрочем, он ведь и *был* узником.

— Я знаю, что это Киль, — говорит Эльза. — Прекрасно знаю. Ты бы, Поппи, могла сделать

мне одолжение и притвориться, что он кто-то другой. Если Поля уговорить поверить, что это не Киль, а кто-то другой, он и станет кем-то другим. Надо только не уставать притворяться. Поля нужно убедить не верить своим глазам и все время давить на это.

— Не будь ты моей старой подругой, какую я знаю как облупленную, я бы решила, что ты женщина дурная... — спокойно заявляет княгиня, извлекает пудреницу и разглядывает себя в зеркальце, словно убеждая саму себя, что сказала чистую правду. Она снова смотрит на Эльзу и заканчивает: — ...и совершенно бессовестная. — Затем она пудрит нос и щеки компактной пудрой. В доме топят так, что воздух дрожит от жары. Снежные хлопья за окном начинают собираться в падающее на землю облако, как это происходит с перерывами вот уже много недель.

Аккуратная исполнительная Делия, работающая у Хэзлетов приходящей прислугой больше шести лет, входит убрать посуду после чаепития, чтобы вымыть ее, прежде чем идти домой. Выглядит она как обычно. Кроме «Добрый день» и «До свидания» от нее редко что-нибудь услышишь. В свое время она прибыла из Пуэрто-Рико вместе

с сестрой, вышла замуж за ночного портё, тоже пуэрториканца, и теперь живет в Бронксе, раз в два года уезжая на родину на Рождество с мужем, чемоданом и дочерьми-двойняшками. Это четверг, и потому Делия еще до работы уложила в парикмахерской свои блестящие волосы: у мужа по четвергам выходной.

— У тебя очень красиво уложены волосы, Делия, — говорит княгиня Ксаверина, когда молодая женщина поднимает со столика поднос с посудой. Делия замирает, вытянувшись во весь рост и держа поднос, чуть отстранив его от себя, на уровне груди, что для нее не характерно. Простояв так несколько секунд, она разжимает пальцы, и поднос летит на пол.

— Ой! — восклицает княгиня.

Эльза и служанка молчат. Взгляд всех трех женщин прикован к обломкам кораблекрушения на ковре: серебряный чайник лежит на боку, из него сочится листовой чай; сливки расползаются между острыми осколками антикварного сервиза коулпортского фарфора конца прошлого века, птифурами и пончиками из «Шрафтса» на Пятой авеню и колечками засахаренного ананаса от «Чарльза» на Мэдисон-авеню. Женщины гля-

дят на кусочки сахара, разлетевшиеся по ковру и напоминающие разбросанные детские кубики, если смотреть с достаточной высоты. Делия говорит:

— Вы обе дерьмо, Катерина и мистер Хэзлет дерьмо, ваш сын Пьер дерьмо, мой муж дерьмо, да и дети то еще дерьмо, и крыса у меня в доме дерьмо, и вши на ней дерьмо.

— Такое я от нее слышу впервые, — говорит Эльза.

Тут Делия подбегает к окну и принимается дергать шпингалет, пытаясь подцепить его мизинцами, царапая свеженакрашенными ногтями, чтобы открыть окно, но шпингалет заело, потому что его не открывали вот уже восемь недель.

— Она хочет выброситься из окна! — говорит княгиня и пытается встать, переваливаясь как корабль на волнах.

— Не открывайте окна, Делия, — говорит Эльза, — а то разладится центральное отопление. Ни в коем случае нельзя открывать окна, когда включены центральное отопление или кондиционер — это нарушит тепловой баланс. Если в комнате слишком жарко, Делия, можно снизить температуру, повернув вправо вентиль крана сбоку батареи. Если температура не понизится...

— Эльза, — говорит княгиня, — иди сюда, придержи ее.

Делия по очереди перепробовала все окна и теперь отпихивает княгиню Ксаверину, чтобы добраться до восточного окна позади Эльзы, за которым в сумеречном свете дня кружение плотного снега образует завесу из серой в пятнах кисеи, закрывающую, как подсказывают вера и опыт — и только они одни, — стоящее над Ист-Ривер небо.

В конце концов они заставляют девушку сперва сесть на диван, затем прилечь, а после немного попить. Эльза звонит тем временем Гарвену. Делия помалкивает, она просто лежит и обводит комнату кислым взглядом; уголки ее рта заметно опустились, скривив обычно милое лицо в гримасу бесконечного отвращения. Княгиня сидит рядом и отпускает замечания, призванные ее успокоить, вроде «Все мы, бывает, так себя чувствуем» или «К завтрашнему дню все пройдет и забудется». Так же она, вероятно, сидела за конторкой своего «Агентства княгини Ксавериной» в Бейсуотере, вкладывая в настороженные уши европейских беженцев благие сентенции, которые оказывали тем большее гипнотическое действие, чем меньше их понимали.

Эльза уходит, возвращается с совком и щеткой и начинает убирать с ковра грязь. Ее тень дергается, когда она становится на колени.

— Когда появится Гарвен, — говорит она, заметая грязь на совок, — он спросит Делию: «В чем ваша проблема?», — именно так, слово в слово. Готова держать пари. Так что придется ей в любом случае подумать о проблеме, есть она у нее или нет.

Делия не реагирует даже легким движением бровей. Княгиня говорит:

— Кажется, у бедняжки есть-таки личная проблема.

— Не обязательно, — говорит Эльза. — Вообще-то ниоткуда не следует, что у нее есть проблема.

Далеко в глубине коридора щелкает замок входной двери, впуская Поля. Княгиня внимательно глядит на Делию и усаживается таким образом, чтобы к появлению Поля была готова живая картина. Эльза поднимается с совком и щеткой в руке, глядит в окно на мрачное, в снеговых тучах, небо, хихикает и опускается на колени, возобновляя уборку. Поль входит и останавливается на пороге:

— Ты чем занимаешься, Эльза?

— Я пырнула девчонку ножом, — говорит Эльза.

— Ничего подобного, — говорит княгиня. — Успокойся, Поль, у Делии сдали нервы.

— Дерьмо, а не люди, — говорит Делия, тяжело дыша.

— Ты просто лежи себе, душенька, — говорит княгиня. — К тебе вызвали личного врача миссис Хэзлет, он скоро будет.

— Мне плохо, — кричит Делия. — Вот дерьмо, голова словно отваливается.

— Отправьте ее домой, — говорит Поль. Он подходит поближе, не отрывая взгляд от жены, которая, стоя на коленях к нему спиной, пытается соскоблить с ковра прилипшие сливки.

— Дайте ей воды, — говорит Поль, по-прежнему глядя на ягодицы Эльзы.

— Не надо мне вашей дерьмовой воды, — визжит Делия.

Княгиня сноровисто хватает Делию за запястья.

— Поль, не стой там и не пялся неизвестно на что, — говорит она. — Эльза ни в чем не виновата. Принеси бедной девочке бренди, у нее сейчас будет новый припадок.

Делия, однако, временно утихает.

Поль говорит:

— Эльза, у тебя что-то на подошвах.

Эльза продолжает заниматься своим делом.

— Ты знаешь, — спрашивает Поль, — что у тебя на подошвах туфель какая-то надпись?

Эльза хихикает.

— Сними туфли и дай сюда.

В дверь звонят.

— Это Гарвен, — говорит Эльза. — Пойди открой.

Но Поль опускается на пол рядом с ней. Он дергает ее за лодыжку, она опрокидывается. Он начинает стягивать с нее туфли. Они на ремешках и не поддаются. Эльза из всех сил отбрыкивается, ее ноги отбрасывают скачущие тени на его лицо, хотя должны были бы на ее собственное.

— Черти дерьмовые! — вопит Делия, как ни разу не вопила за все шесть лет, что у них работает. — Откройте дверь, мне нужно с врачом говорить. — Звонок дребезжит не переставая.

Княгиня вздыхает и, прижимая к себе складки одежды, медленно плывет в переднюю впустить Гарвена. Возвращается с ним, что-то говоря ему громким шепотом.

Поль стащил с Эльзы одну туфлю и пытается расстегнуть пряжку на другой. Эльза, лежа среди осколков сервиза, дергает его за черные и седые пряди. Делия лежит на спине на диване и рычит сквозь стиснутые зубы.

Гарвен неодобрительно, однако с удовлетворением обзревает открывшуюся ему картину.

— В чем ваша проблема? — спрашивает он.

Эльза бросает взгляд на восточное окно и начинает смеяться. Поль снимает вторую туфлю.

— Не волнуйтесь, — говорит Гарвен, помогая Эльзе подняться. Затем он подходит к Полю, который разглядывает под лампой подошвы туфель, и говорит, понизив голос: — Она брыкалась? У нее был припадок?

Поль на него не смотрит.

— Обморок у прислуги или что-то в этом же духе, — говорит он. — Идите и помогите.

— Мне нужно знать, — говорит Гарвен, — что именно совершила Эльза. Мы, возможно, достигли критического момента.

Эльза с деловым видом прошмыгивает мимо в одних чулках, унося на подносе осколки.

Гарвен подходит к горничной. Та лежит с закрытыми глазами, княгиня держит ее руку в своих.

— Итак, что случилось? — спрашивает Гарвен требовательным голосом полицейского.

— У девочки сдали нервы. Она выронила поднос. Эльза сидела вон там и пальцем не шевельнула.

— Здесь слишком жарко, — говорит Гарвен. — Нечем дышать. Вы не можете уменьшить нагрев? — Он касается лба девушки, но смотрит на Поля. — Меня позвала Эльза, — говорит он.

— Знаю, — говорит княгиня. — Поль пришел позже, правда, Поль?

— Это шифр, — говорит Поль. Он подходит к княгине и протягивает ей туфли Эльзы подошвами вверх. — Способ общения в секретных службах. На пару новых туфель определенным образом наносятся невидимые знаки, которые проявляются после того, как в туфлях ходили по улице. На подошвы попадает грязь, знаки проступают, и можно прочесть написанное. На подошвах этих туфель имеется надпись — вы можете ее прочесть?

На каждой подошве можно видеть три ряда едва заметных белых царапин.

— Очки у меня в сумочке, Поль, — говорит княгиня. — Пусть мистер Гарвен займется этой бедняжкой.

Гарвен идет к северному окну, где находится главная батарея отопления, и пытается закрыть кран, но тот уже закрыт до упора. Гарвен кладет руки на раскаленную батарею. — Ох уж эти мне древние многоквартирки, — говорит он.

— Мистер Гарвен, — говорит княгиня, выкатывает глаза и указывает взглядом на Делию, намекая, что ему следует ею заняться.

— В них всегда чудовищно жарко, — говорит Гарвен с чувством, дергает себя за узел галстука и обводит комнату лихорадочным взглядом в надежде на подсказку. Поль стоит, разглядывая подошвы туфель.

— Моя фамилия, — сообщает Гарвен княгине, — Бей, по буквам: «бе», «е», «и краткое».

— О, а я считала, что вы — мистер Гарвен. Значит, Гарвен — ваше имя, да?

— Да, мое имя. Эти чертовы старые многоквартирники...

— Дерьмовый язык у вашего доктора, — кричит Делия, вскакивая с дивана. — Тут все дерьмо. Чего такого ты сделал для миссис Хэзлет за дерьмовые деньги, какие она

на тебя спустила? Ты вообще хоть что-то для нее сделал?

После этого Делия выбегает из комнаты, ее шаги удаляются по коридору в направлении кухни. Оттуда доносится ее голос, но слов не разобрать.

— Нью-Йорк меняется, — говорит княгиня Ксаверина.

— Зачем вам понадобилось меня вызывать? — говорит Гарвен. — Тут же форменная психушка. И почему именно меня?

— Ты достала свои очки для чтения, Поппи? — нетерпеливо спрашивает Поль и указывает туфлей на ее сумочку. — Это важно, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты посмотрела.

В дверь звонят. Гарвен смотрит на наручные часы, достает платок и промокает лоб. Слышно, как парадная дверь открывается.

— Психушка, — говорит Гарвен и снова бросает взгляд на часы.

Княгиня извлекает очки из сумочки и неторопливо водружает на нос.

— Сейчас поглядим, — успокаивает она. — Присядьте, мистер Гарвен, нам спешить некуда.

— Я человек занятой, — говорит Гарвен.

Княгиня подносит к глазам подошву одной из туфель и пристально рассматривает.

Затем вытягивает руку с туплей, чтобы обозреть ее целиком. Она говорит Гарвену:

— А сейчас мне нужно на этом сосредоточиться. Эльза всем сердцем за ваше Общество вожатых. Наберитесь терпения.

После этих слов Гарвен садится.

— Я вижу слова, — говорит княгиня, — «“Мелинда”. Нью-Йорк, Чикаго». Это всего лишь название магазина. — Она переводит взгляд на дверь. — Не голос ли Катерины я слышу? — спрашивает она. — Должно быть, она к нам завернула. Как мило.

— А под ним? — спрашивает Поль. — Под названием? Вы что-нибудь видите?

— Не могу разобрать. Безнадёжно, — говорит княгиня. — Пусть Эльза их еще немного поносит, тогда надпись станет разборчивей. На твоём месте, Поль, я бы не беспокоилась. — Она поворачивается к Гарвену и одобрительно улыбается, видимо, потому что тот, как примерный мальчик, сел, когда ему приказали. И, словно желая еще больше его ублажить, распускает узел своей необъятной шали. — Здесь и впрямь очень жарко, — говорит она, являя взору изрядный участок плоти, упакованной в платье для коктейля с глубоким вырезом.

Входит Катерина с матерью. Делия в пальто идет следом и что-то ворчит.

Гарвен визжит. Его глаза прикованы к декольте княгини. Он визжит. Этим утром княгиня укрыла в защитных складках груди новую бесценную партию листьев тута с яйцами шелкопряда — чтобы греть и уберегать от мороза. Из-за жары вылупились гусеницы. Теперь они сами радуются жизни, извиваясь на груди княгини Ксавериной и заставляя Гарвена визжать.

— Дерьмовый врач, — орет Делия. — Я ухожу домой, большое спасибо. — Она убегает по длинному коридору, громко стуча каблуками, и с грохотом хлопает за собой входной дверью.

— Катерина, душенька, — говорит княгиня, — найди мне какой-нибудь бумажный пакет. Мои червячки!

— Без паники, — говорит Гарвен Полю. — Без паники, — говорит он Эльзе.

Катерина достает из сумочки пакетик косметических салфеток и бросает на колени княгине.

— Страхните салфетками, — говорит она. — Что-нибудь не так? Вы подхватили какую-то болезнь?

— Мои крошки, мои червячки, — говорит княгиня, осторожно извлекая из-под груди листья тута и обирая гусениц с кожи.

Она осторожно заворачивает их в листья и салфетки, затем, немного поколебавшись, засовывает в перчатки, а перчатки любовно укладывает в сумочку.

Эльза идет к своему стулу у восточного окна.

— Снегопад прекратился, — сообщает она.

— Эльза, — говорит Поль. — Я твой муж, и я тебя спрашиваю. Что написано на этих туфлях?

— Без паники, — говорит Гарвен.

— Малютки, до времени появившиеся на свет, — говорит княгиня.

— А ты знаешь? — говорит Катерина. — Ты знаешь, что Папа Римский собирается запретить кардиналам носить красное?

Ее отец говорит:

— Катерина, на этих туфлях — зашифрованные сообщения от Киля. Можешь ты хоть раз серьезно отнестись к моим словам? Подумать обо мне хоть на минуту? Дочь ты мне или нет?

— Я кое-что для тебя разузнала про Киля, — говорит она. — Ей-богу! Я с ним два раза переспала. У него сифон. Это точно, потому что он меня заразил. Теперь мне нужно срочно лечиться, а на это нужны деньги. Ты только не паникуй.

— Мистер Гарвен, — говорит княгиня, — немедленно доставьте мисс Хэзлет в больницу. Ей нельзя пользоваться посудой, из которой могут пить другие.

— Сифилис не по моей части, — говорит Гарвен, — но буду рад порекомендовать вам...

— Я ей не верю, — говорит Поль. — Ни единому ее слову не верю.

— Эльза! — говорит Гарвен. — Что здесь происходит?

— Вызовите Катерине врача, если он ей нужен, — говорит Эльза и машет руками, чтобы все от нее отстали.

Гарвен опять испускает крик, но не визг, а глубокий, идущий из грудных недр стон, словно доносящийся из неведомой дали. Он встает и начинает пятиться.

— Что-то не так с вашей тенью, — говорит он. — Она падает в неправильном направлении. — Эльза весело помахивает рукой. Он больше не пятится, а смотрит на танцующую тень. — Положение достигло критической точки, как я, Эльза, вам говорил. Это важное событие в истории вашей болезни. Вы объективировали.

— Чепуха, — говорит княгиня, снова укутываясь в шаль. — В симптоме Эльзы нет

ничего нового. Опытный хилер давно бы это заметил. У нее это много лет.

— Это видно даже на фотографиях, — говорит Катерина.

— Тише, тише, — говорит Поль дочери шепотом. — Не болтай об этих особенностях на людях. Имей уважение к родной семье. Или у тебя его нет? Ты никогда мне не говорила, что замечала у матери этот изъян. А теперь заявляешься сюда и выбалтываешь всем и каждому. Ты что, неспособна держать язык за зубами?

— Способна, — говорит она. — Я ни слова не сказала Килю про мамину тень.

— Ты видела Киля? Ты виделась с Килем? — спрашивает он.

— Он себя называет Мюллером, — говорит она.

— Тени, — говорит Гарвен, обводя комнату взглядом. — Истерия. Червяки. Вы активировали, Эльза.

— Что именно? — говорит она.

— Вашу проблему. — Ее наставник-вожактый глядит на нее, как на источник несметных богатств, которые можно приумножать и использовать. — Редкое, если не единственное в своем роде явление — случай активизации. Вероятно, абсолютной.

— Ей бы выступать в цирке, — говорит Катерина.

— Мне нужна новая прислуга, — говорит Эльза. — Куда мне обратиться?

4

— Меня в дрожь бросает, — говорит Поль, — когда твой психоаналитик прислуживает мне за столом или по утрам чистит мой костюм. Не понимаю, как ты можешь с этим мириться.

— Делия была чистое золото, — говорит Эльза. — Жаль, что с ней такое случилось.

— Ну так найди другую девушку. Найди другую. Это отвратительно.

— Другую найти не получается. Гарвен служит со всей охотой. Он на что угодно пойдет, лишь бы заполучить материал о моем случае для своей книги.

— И ославит нас перед всем светом. Себе наживет капитал, а нас пустит по миру. Где твоя предусмотрительность?

Эльза смеется:

— Он еще не получил материала. Он ищет причину, а я демонстрирую ему только следствия. Очаровательно. — Она подходит к окну и с улыбкой смотрит наружу.

Из дальнего конца коридора доносится звук ключа в замочной скважине.

— Вот и он, — говорит Поль. — Собственной персоной. При нем и рта не раскроешь.

— При слугах всегда можно говорить по-французски.

— Думаешь, он не знает французского? — спрашивает Поль.

— Ну, про это мне не известно, — говорит Эльза. — Я только думала, как поставить его на место. Какая разница — понимает он нас или нет, если мы все равно не говорим ни о чем важном?

Гарвен заглядывает в гостиную и озабоченно смотрит на них.

— Я был у зубного врача, — говорит он. — Вам что-нибудь нужно?

— Лед, — говорит Поль.

— Вы не очень обидитесь, Гарвен, — спрашивает Эльза, — если мы с мужем будем в вашем присутствии говорить по-французски?

— Почему? — спрашивает Гарвен.

— Во многих семьях по-прежнему принято говорить по-французски при слугах и маленьких детях.

— Почему по-французски? — спрашивает Гарвен.

— Эльза, — говорит Поль, — это уж слишком.

— Во французском я не очень подкован, — говорит Гарвен.

— Мистер Хэзлет хочет, чтобы вы уволились, Гарвен. Если мы будем говорить по-французски, вы уволитесь?

— Нет, — говорит Гарвен.

— Вот видишь? — говорит Эльза и с довольным видом перемещается от окна к дивану, причем ее тень покачивается с ней вместе. — Вот видишь? Он уже спланировал будущую диссертацию и карьеру.

— Я сообщу вам, когда закончу эту работу, — говорит Гарвен и исчезает; слышно, как звук его шагов затихает по направлению к кухне, откуда вскоре доносится звяканье льда.

— Бедный малый! — говорит Поль.

Звонит телефон.

— Это Пьер, — говорит его мать, — я узнаю по звонку. Возьми трубку.

— Алло, — говорит Поль в трубку.

— У вас все в порядке? — говорит голос Пьера.

— В каком смысле «все в порядке»? — говорит Поль. Повторяя вопрос сына, он смотрит на Эльзу, как если бы вопрос был предназначен ей.

— Сегодня хороший день или плохой?

— В каком смысле «хороший день или плохой»?

— Скажи ему, что хороший, — говорит Эльза. — Он имеет в виду меня. Скажи, что это один из моих хороших дней. Ну же, скажи.

Но внимание Поля отдано голосу на том конце, он беспомощно машет на Эльзу вытянутой свободной рукой, чтобы та замолчала. Таким жестом король Канут* повелел морскому приливу остановиться с единственной целью — продемонстрировать тщетность подобной попытки.

— Я тебя не слышу, — говорит Поль в трубку, — твоя мать говорит у меня над ухом. Мне осточертели этот дом и этот Гарвен. Ты звонишь от себя? Сейчас приеду.

— В тысяча девятьсот сорок четвертом, когда люди были нормальными и шла мировая война, — говорит Поль сыну, — занимать-

* Канут (Кнуд) Великий (994/995—1035) — король Дании, Англии и Норвегии; согласно легенде, он устал от лести придворных, и, когда один из них сказал, что король мог бы требовать покорности у моря, Кнуд продемонстрировал невозможность этого, показав, что не все в силах королей.

ся шпионажем было делом опасным. Очень-очень опасным.

— Неужели? — говорит Пьер. — Ты слышишь, Перегрин? — обращается он к своему приятелю, который бесформенной тушей развалился на диване, моргая розоватыми веками и прихлебывая виски с содовой из стакана рифленого стекла. — Отец говорит, что в прошлом заниматься шпионажем было делом опасным.

Поль говорит гостю сына:

— Я помог отправить за решетку одного шпиона. Это был немец, весьма опасный необузданный тип. Конечно, двойной агент. Потом его ранили при попытке бежать из тюрьмы. В него стреляли. Через несколько месяцев мы узнали, что он умер от ран. Но это был обман. Он вовсе не умер. Его заменили другим человеком. Я знаю, потому что видел его в Нью-Йорке.

Пегрегрин переводит взгляд на высокого юного Пьера, который подливает тоник в стакан с джином, небрежно вывернув запястье и надменно щурясь — жесты, не означающие, однако, ничего определенного.

— Ты не о нем совсем недавно навел справки в немецкой тюрьме? — спрашивает Перегрин своего приятеля.

— О нем, — говорит Пьер.

Поль смотрит на двух молодых людей, и его охватывает паника. «Это все произошло очень давно, — думает он. — Что такое “сейчас”? “Сейчас” — это никогда, никогда. Существует одно “тогда”. Куда мне податься? Нью-Йорк меняется. Помогите! Помогите!» Он говорит:

— Поездка была бесполезной, Пьер.

— Ну, я бы этого не сказал, — говорит Пьер. — Правда всегда полезна.

— Правда — да, — говорит отец. — Но тебе не удалось выяснить правду. Записи сфабрикованы. Киль здесь, в Нью-Йорке, он ищет меня. Они всегда мстят.

Перегрин прихлебывает виски, затем вертит стаканом туда-сюда, будто и он ощущает, что вся эта суэта уже бывала, и бывала много раз, как эта новая весна, которую ветер принес в Манхэттен с пролива Лонг-Айленд, ветер, поднимающий на мостовых фонтанчики пыли.

— Кстати, о шоу, какое мы с Пьером думаем поставить в театре «Тот еще клуб», — говорит он. — Затягивать с ним нельзя, если мы хотим заполучить весеннего зрителя. Май, самое позднее — июнь. Но мы не можем провалиться, мистер Хэзлет, шоу — верняк. Точно для весны.

Однако Поль все еще находится в лагере разведслужбы весной 1944-го. Ему двадцать восемь. Еще старшекласником он несколько раз бывал в Англии, куда отец отправлял его из Черногории к своей английской родне. Поль учился в Париже, потом в Лондоне. «Его ум ничего не упустит», — писала знакомым его мать. Он и вправду вполне преуспел, начав карьеру в службе зарубежного вещания Би-би-си. Потом, поскольку снова вернулась война, его направили в Комплекс — секретный правительственный отдел, занимающийся пропагандистским вещанием на Европу.

— Я ни к чему не стремлюсь, — говорит Поль Эльзе, он ее любит. — Решительно ни к чему.

Его слова — самооговор: на самом деле он хочет сказать, что боится не преуспеть в достижении любой цели, какую бы ни поставил. Ей же его цели не интересны ни в каком смысле, ее просто тянет к нему с каждым днем все сильнее и сильнее. Скажи он, что стремится к чему-нибудь определенному, ей бы название цели ничего не сказало. Ей двадцать три года, и в это время ее тень падает под тем же углом, что и тени всех остальных в зоне видимого света. И сол-

нечный и искусственный свет действуют на Эльзу так же, как на любого другого.

Норму в мире Эльзы и Поля диктует война с Германией.

Иногда, когда вечером не надо дежурить, Эльза выходит с немецкими пленными погулять на свежем воздухе, не удаляясь, однако, от Комплекса больше чем на пять миль. Попав в плен, эти люди по разным причинам решили поменять жизнь в лагере для военнопленных на сотрудничество с противником. То, чем они занимаются в Комплексе, известно под названиями «черная пропаганда» и «психологическая война». Они распространяют идеи Союзников под видом немецких идей, для чего требуется сложная смесь убийственной лжи, лести и приемлемой правды.

— По-моему, вы здесь не в своей стихии, — говорит Эльзе Майлз Бантинг, долговязый мужчина с кривой улыбкой и репутацией самого умного человека в Комплексе. Последний, в свою очередь, считается самым умным предприятием идущей войны. Откуда эти репутации взялись, так и останется тайной.

— По-моему, вы здесь не в своем уме, — говорит Эльза.

— Мы тут вносим в ход войны крайне ценный вклад, — говорит он.

— Ценный для вас, — говорит она.

— Нет, для страны, — говорит он. И добавляет: — У нас есть способ оценить результаты. Вы об этих вещах ровным счетом ничего не знаете.

Она как-то сказала, что здесь все нелепо. Находящаяся в сердце Комплекса, она тем не менее лишена возможности понять, чем тут занимаются. В небольших организациях действует правило — сообщать служащим ровно столько, сколько те должны знать, чтобы каждый мог исправно выполнять свою работу.

Майлз Бантинг повторяет:

— Вы здесь не в своей стихии.

— А вы не в своем уме, — говорит она.

Здесь она и вправду не в своей стихии. Начать с того, что она одна в Комплексе не знает немецкого языка. С другой стороны, правда и то, что ему не хватает разума, потому что его обуревают желания общаться с ней с помощью намеков и отсылок, смысл которых ей неясен, поскольку в Комплексе она не принадлежит к узкому кругу посвященных. Он просто не обратил внимания на ограниченность ее знаний, увлекшись ее невероятной привлекательностью.

В здании, где ее разместили, живет и до-
родная княгиня Ксаверина.

— Поппи, — спрашивает Эльза, — ты бы
на моем месте вышла за Поля?

— Я ни к чему не стремлюсь, — говорит
Поль Эльзе, полюбив ее. — Решительно ни
к чему.

Он возит Эльзу в Лондон раз в две неде-
ли на время короткого отпуска, который —
они позаботились об этом — у них совпада-
ет. Сперва они останавливались в съемной
квартире на Кларджес-стрит, теперь оста-
навливаются в «Палас-отеле» на Стрэнде,
где им не так удобно: надо предъявлять удо-
стоверение личности и заборную книжку.
У нее они на одну фамилию, а у него на дру-
гую, поэтому приходится украдкой проби-
раться ни свет ни заря в свой однокомнат-
ный номер или выбираться из чужого и да-
вать изрядно на лапу дежурному по этажу.

Основная работа Эльзы в Комплексе —
принимать от сотрудников военной развед-
ки сообщения и отчеты по специальному зе-
леному телефону, каким повсеместно поль-
зовались в войну для секретной связи. Те-
лефон называют шифратором, потому что в
трубке звучат неумолчный звон, писк и мя-
уканье, не позволяющие подслушивать раз-

говор. Этот терзающий уши шум почти не дает слышать друг друга, но стоит овладеть должной сноровкой — и уже легко разобрать на другом конце голос, сообщающий о подробностях рейда только что возвратившейся эскадрильи бомбардировщиков: машин вылетело столько-то, вернулось столько-то, самолетов противника сбито столько-то. Столько-то над Германией и столько-то над Францией. Города и заводы. Ориентиры и позывные разрывают шифратор.

А иногда после полудня она выходит с немцами прогуляться в пределах пяти миль от Комплекса — дальше пленным удаляться запрещено. Может, потому, что она не говорит по-немецки, они на английском рассказывают ей больше, чем стали бы на родном языке. Широко распространенная ошибка — считать, будто люди, не знающие вашего родного языка, непременно уступают вам по уму и проницательности. Поэтому большинство из немногочисленных немцев, которых Эльза приглашает на прогулки по полям и в лесу, недооценивают ее ум.

Кроме того, у большинства из них не в порядке с нервами: из каких бы побуждений ни начали они работать на противника, их не оставляет сознание того, что они пре-

дали своих боевых товарищей. Лишь двое из них сохраняют душевное спокойствие — убежденный молодой коммунист и австрийский граф.

Поэтому еще до прибытия Поля в Комплекс и примерно тогда, когда Майлз Бантинг начинает ее снисходительно подначивать, она разнообразит скучные послеполуденные часы, поочередно приглашая немцев на прогулку.

Они идут вдоль опушки. Руди — молодой человек двадцати с небольшим. Он идет как-то странно, враскорячку, Эльза неспешно шагает рядом, выдерживая ритм, тупо отмечая про себя каждое его движение, которое фиксирует ее внутренний демон. Руди сегодня мрачный. Мужчины, с которыми его поселили — другие работающие на Британию военнопленные, — действуют ему на нервы. Он говорит, что накануне вечером они подрались; один обвинил другого в том, что тот не смыл за собой грязную каемку по краю ванны, — с этого и началось. А вообще, он уверен, что его все равно расстреляют, теперь ждать недолго. Операция скоро начнется, говорит он. Он машет рукой в сторону густого леса слева и сообщает, что скоро в этих лесах будет полно гитлеров-

ских парашютистов. В его голосе слышится горькая и гордая уверенность — так Иуда мог бы хвастливо рассуждать об уготованном ему адском пламени как о доказательстве предательства им своего божественного Учителя. Эльза говорит Руди, чтобы он не падал духом. Она напоминает ему, что еще на прошлой неделе он не мог сдерживать радости, говоря о близком конце войны, — вот он вернется домой и пойдет с друзьями на пляж, как ходил до войны. Но Руди продолжает мрачно идти, загребая ногами и опустив глаза на тропинку.

— Родные узнают, что я работал на англичан. Здесь нас кормят свиной тушенкой, а в Германии теперь нету тушенки. Они скажут, что я сделал это из-за тушенки. Ни за что не примут меня обратно.

— Вы сильно заблуждаетесь, — говорит она.

— Блудаюсь? — Это слово поднимает его настроение, он улыбается Эльзе.

— За-блуж-дается, — повторяет она. Он останавливается, достает из внутреннего кармана мешковатой твидовой куртки словарь и сосредоточенно ищет слово.

Они идут вдоль опушки. На этот раз с ней другой из их команды — коммунист

Хайнц, низкорослый крепыш, выживший член экипажа захваченной в плен подлодки. Он не устает поздравлять себя с тем, что решил выступить против Гитлера, и с беззаботной уверенностью ждет неизбежного разгрома Германии, рассчитывая вернуться к своей довоенной работе официанта, только уже не в Гамбурге, а в Лондоне. Коммунист Хайнц и граф Эрих — ее любимые спутники на прогулках. В иные дни они гуляют втроем. В обществе Эльзы мужчины совершенствуют знание английского языка. Тропинка вдоль опушки узкая, потому что поля подходят к самому лесу — в войну распахивают все полоски и участки земли, какие только возможно.

Сейчас эта тройца идет по лесу и разговаривает о своем прошлом так, словно всем им за тридцать пять лет, хотя на самом деле только недавно исполнилось двадцать. Война наделила их прошлым. А после войны все будет не так. Все они этого и хотят. Хайнц весело рассказывает о своем детстве в недобрых берлинских трущобах. Эрих замечает, как кролик ныряет в нору.

— Будь у меня ружье, подстрелил бы его на ужин, — говорит он. — Мальчишкой я стрелял кроликов.

— А я воровал кроликов, — говорит Хайнц и начинает распространяться на английском языке, каковой приобретает у него по ходу рассказа все более странную конструкцию, о том, как ловко он мальчишкой незаметно снимал с крючков кроличьи тушки, выставленные у дверей больших мясных лавок, и продавал мяснику в своем переулке, выручая за это невеликие, но для него огромные деньги. Так рассказывают они о своем прошлом. Хайнц о выживании хитростью в голодных трущобах, о драках его банды с парнями из гитлерюгенда, об обучении на радиста во флоте в самом начале войны. Он выстраивает свое прошлое как ряд картин — четких, простых, без оценок, без надежды, без боли и без комментариев, если не считать ухмылки и смеха человека, рожденного для выживания, у которого есть и всегда будут планы на будущее.

Эриха, чей дом — замок в горах Южной Австрии, отданный в настоящее время военным, похоже, не больно волнует, что там когда-то состоялось его прошлое. Как зимой по одиночке слетают с дерева еще не опавшие листья, так фрагменты этого прошлого все еще цепляются за его юную личность, но их большую часть он уже стрях-

нул. Незадолго до войны он женился. Это не был брак по любви. «Но, — замечает он как-то, — если я узнаю, что жену убили, я, разумеется, застрелюсь». Он бродит по лесу с Хайнцем и Эльзой, определяет птиц по голосам, называет разновидности папоротников, разглядывает норки в земле и сережки на деревьях и выказывает обо всем этом большую осведомленность. Они бродят под весенней листвой по прошлогодним листьям, как и все в то время строят догадки, откуда Союзники нанесут удар — из Северной Африки, из Норвегии или со стороны Ла-Манша. Эльза тоже прихватывает с собой свое прошлое и делится им с другими так же естественно, как сэндвичами с маргарином и ломтиками холодной свинины, когда ей удастся сэкономить из своего пайка. Она приносит обрывки своей жизни в семействе бедных родственников, занимавших половину дома на две семьи в городке Севенуксе, и спорадического пребывания в интернате, где играла в лакросс и на пианино. Все трое часто смеются, потому что каждый вспоминает о чем-нибудь смешном и в свою очередь делится этим с другими, пока не приходит время возвращаться в деревню и ждать казенного автобуса, который от-

везет их на место службы, в Комплекс. Деревенские презрительно их разглядывают: они совершенно не понимают, что происходит, но видят, что вся округа нашпигована немцами, а власти почему-то не реагируют.

Эльзу со спутником немцем задерживают всего один раз. Новенький в этих краях полисмен улавливает иностранный акцент и требует предъявить удостоверения личности. Последние его никоим образом не удовлетворяют. Эльза и ее немец спокойно принимают его приглашение проследовать в участок. День тихий, солнечный. Дежурный сержант смутно припоминает, что иностранцы занимаются чем-то секретным где-то тут по соседству, но рисковать он не собирается. Эльза сообщает номер телефона, и сержант исчезает. Она спокойно сидит рядом со своим спутником, философом средних лет из Дрездена. Какое-то время они так сидят под наблюдением доставившего их полисмена. Затем немец начинает возмущаться. Он негодует. Он по горло сыт полицейскими, не для того он сделал решительный выбор и пошел на сотрудничество с англичанами, чтобы опять попасть в лапы полиции, не важно какой. «Все в порядке, — повторяет Эльза. — Не волнуйтесь».

Сержант возвращается, на сей раз в некотором замешательстве, но еще неготовый приносить извинения. Молодой полисмен караулит у двери, сержант становится за конторку и начинает что-то записывать в похожую на grossbux книгу, подняв брови, что должно означать невозмутимость.

— Обходятся как с сопливым школьником! — говорит немецкий профессор.

Сержант себе пишет, полисмен себе караулит, а Эльза все успокаивает своего спутника:

— Через минуту-другую за нами приедут и заберут отсюда.

Начальник охраны Комплекса в сопровождении начальника полиции графства появляется через двадцать минут в автомобиле, проводит процедуру опознания Эльзы и пленного и увозит их прочь, а сержант все повторяет:

— Поймите, мы не можем идти на риск.

Начальник охраны всю дорогу до Комплекса бубнит о том, какая трепка ждет полицию из-за этого инцидента, хотя термин «трепка» в смысле нагоняй уже тогда считается устаревшим. Человек, не столь погрязший в своей ограниченности, как начальник охраны, сказал бы «разнос» — в ту ан-

глийскую весну 1944 года ракетные снаряды падают на Лондон, разнося все и вся на кусочки, и остается либо пустить в оборот это слово в качестве эвфемизма, либо сесть, заплакать и смириться.

Они идут по тропинке вдоль опушки. Гельмут — новенький в Комплексе. Все зовут его просто Киль, хотя Клауса Киль называют не иначе как Клаусом. Правда, фамилии не настоящие, но оба в начале, после добровольного зачисления в спецгруппы немецких военнопленных с дальнейшими многочисленными проверками, медосмотрами и прослушками, выбрали фамилию прикрытия «Киль». Клаус Киль — тихий невзрачный юноша со слабыми конечностями, движения которых не согласованы между собой, бледный, худосочный и нервный, с неопределенной и вялой склонностью к художественной критике. В любой воюющей стране, за исключением нацистской Германии, призывная комиссия его бы забракела. Вот почему — и это несомненно — он при первой возможности переметнулся на сторону англичан, чтобы избежать возвращения в Германию после очередного обмена военнопленными и повторной отправки на фронт в овеществленный кошмар боев.

Гельмут Киль — совсем другая статья. По информации, собранной Союзниками за месяцы, предшествующие его приему на секретную службу Его Величества, он был форменным проклятием немецкого военного лагеря.

В Комплексе для немецких перебежчиков Гельмут Киль появился за несколько недель до Поля Хэзлета. Они дерутся. Все начинается с сущего пустяка — спора по какой-то рабочей проблеме. Настоящая причина драки — Эльза. Они колотят друг друга на поле за Комплексом. Нагоняй получает не Киль, а Польша: у него несправедливое преимущество перед Килем — он не военнопленный. Происшествие списывают на нервный срыв из таких, что случаются в Комплексе и в квартирах для персонала.

В доме, где квартирует Эльза, ей грозят неприятности. Ее комната вполне вмещает две койки, но она не желает пускать к себе другую женщину. Пожилые дамы, занимающиеся военно-квартирным вопросом, вызывают ее в свое управление — лондонский особняк цвета бутылочного стекла. Свободные посеребрившие платья из набивного материала облекают их сутулые фигуры. Они сидят, сгорбившись, за своими столами. Одна из них говорит Эльзе:

— Согласно правилам, девушки моложе тридцати лет должны жить по двое. Только женщины от тридцати и старше имеют право занимать отдельную комнату.

— Мне нужна своя комната, — говорит Эльза. — Я не хочу и не буду ее с кем-то делить.

— Идет война, — напоминает ей одна из облаченных в серое администраторш голо-сом, звучащим как скрип заигранной патефонной пластинки под тупой иглой.

— Но мне нельзя жить в одной комнате с другой девушкой, — говорит Эльза. — Ей это будет доставлять неудобства. Я вижу то, чего нет.

— Что? — спрашивает одна.

— Вы что? — переспрашивает другая.

Эльза закидывает одну обнаженную загорелую ногу на другую. По ее промтоварной карточке обычные чулки не отпускаются.

— Вот именно, — говорит она. — Я и в самом деле не совсем обычная, общаюсь с потусторонними силами.

На стене висят большие круглые конторские часы, их размер до абсурдного раздувает важность каждого часа и каждой секунды рабочего времени. Необъяснимо обшарпанный плакат под часами гласит «Потеря

бдительности уносит жизни». Инспекторши-квартирьерши, до этого казавшиеся во всех отношениях одной и той же персоной, после Эльзиного объяснения незаметно разделяются на старшую чиновницу и младшую по чину. Старшая пододвигает к себе папку с личным делом Эльзы, водружает очки и начинает изучать сведения, изложенные на первом листе. Ее получающая меньшее жалованье товарка подается вперед, вытягивает шею и задает Эльзе наводящий вопрос, словно выясняя ее познания в области половых извращений:

— Вы пользуетесь каким-нибудь инструментом?

— Нет, для духовного общения мне это не требуется, — отвечает Эльза. Она смотрит на огромный циферблат настенных часов и отмечает, что опаздывает на встречу с Полем. Это их вторая совместная увольнительная в Лондон. Она говорит: — Я не могу долго ждать, боюсь, мне надо идти. Я ведь, знаете, на увольнительной.

К ней никого не подселяют. По этой причине ее не очень любят другие, у нее всего одна подруга — Поппи Ксаверина, она одна занимает лучшую комнату в доме, но это ни у кого вопросов не вызывает.

* * *

— «Питер Пэн», — говорит сыну Поль Хэзлит. — Ты вызвал меня только для того, чтобы о нем побеседовать?

— Я тебя не вызывал, ты сам сказал, что хочешь прийти.

— Гарвен действует мне на нервы. Психолог-аналитик, а работает у меня простым слугой! Он намерен задокументировать историю ее болезни. Выставить наши жизни на всеобщее обозрение.

— Ну так уйди из дома.

— Я не могу бросить твою мать. Ты о чем? Ты что говоришь?

— Уйди. Оставь ее одну с Гарвеном.

— Ей этого хочется?

— Я бы не удивился.

— Не могу я так поступить, — говорит Поль. — Не могу уйти и бросить твою мать в затруднительном положении. Она была в таком положении из-за Киля, а теперь, если попадет в него из-за Гарвена...

— Это что-то новенькое, — говорит Пьер.

— Что именно?

— Ее трудности из-за Киля, — отвечает Пьер. — Ты мне ни разу не говорил, что у нее были из-за него какие-то трудности.

— Да были, были. Она женщина трудная, а он был шпионом. Знаешь, что он вытво-

рил? Сперва сдался нам в плен, затем устроился в наше секретное подразделение под предлогом, что он враг наци. Полгода вещал по нашему передатчику, затем устроил драку и добился, чтоб его вернули в лагерь для военнопленных. А еще через три дня выступил по радио в программе «Военнопленные шлют привет». Послал привет матери и сестре. Но его голос было легко узнать, представляешь? Он же вещал от нас, а мы выдавали себя за настоящую подпольную немецкую радиостанцию. Его можно было узнать по голосу. Твердой уверенности у нас не было, но вполне возможно, что Киль сделал это сознательно, чтобы нас выдать.

— Как ему позволили? У вас что, не было службы безопасности?

— Уместный вопрос, — сказал Поль. — Наша безопасность его прозевала.

— Впрочем, все это было очень давно, — произносит Пьер, проглядывая переплетенные листы сценария, лежащего у него на колене.

— У твоей матери были трудности из-за Кили. Подозревали, что она состояла с ним в связи. Мне пришлось вытаскивать ее из этого положения. Я ее вытащил.

— Это ты упек Кили в тюрьму после войны?

— Я этому посодействовал. Все остальные считали его просто бешеным. Но он, конечно, был агентом. Я выяснил, что он был эсэсовец. С самого начала состоял в СС. После войны он начал действовать на Востоке, я его оттуда достал. Кое-какой ущерб он успел причинить, но мы его в конце концов изловили.

— Ну теперь-то он мертв, — говорит Пьер. — Бедный старина Киль.

— Он здесь, в Нью-Йорке, — говорит Поль.

— Нет его здесь, — возражает Пьер.

— Княгиня Ксаверина считает, что он здесь.

— Вот как? Мне казалось, она не считает.

— Иногда считает, — говорит отец Пьера, — а иногда нет. Женщинам нельзя верить.

— Мать не думает, что это Киль. Она считает, что он слишком молод для Килья.

— Когда как, — говорит Поль, — все зависит от ее самочувствия. Одну неделю она говорит «да», а на следующей скажет «нет». Я говорю «да».

— А я «нет», — говорит Пьер. — Я туда летал и удостоверился. Он умер в тюрьме.

— Документы неверные. Должно быть, на его место положили другое тело.

— Почему бы тебе не забыть про него? — говорит Пьер.

— Моя жизнь в опасности, — говорит Поль. — Надписи на подошвах туфель.

— Катерина говорит, что он всего лишь продавец обувного магазина.

— Твоя сестра Катерина — лгунья. Она к нему и близко не подходила.

— Она говорит, что подходила.

— Вот именно, что говорит. От нее никакого толка. Она что угодно скажет.

— Какое это имеет значение? — говорит Пьер. — Шпионы теперь ничего не значат. Теперь нет ни войны, ни мира, ни добра, ни зла, ни коммунизма, ни капитализма, ни фашизма. Осталась всего одна область конфликта — между разумом и абсурдом.

— Господи, ради всего святого, — говорит отец. — Что вы на пару с Катериной пытаетесь со мной сделать? Моя жизнь в опасности. Посмотри на свою мать — у нее сплошные затруднения.

— Ее тень падает, куда захочет, — говорит Пьер.

— Стоп! — говорит Поль. — Не хочу даже слушать.

— Думаешь, я этого не заметил?

— Должно быть, ты спятил, — говорит Поль. В горле у него возникает биение, чей

ритм достигает слуха. Помогите, помогите, зовет пульс.

— «Питер Пэн», — говорит Пьер, — обещает стать грандиозным успехом. Мы в пьесе и словечка не поменяли. У нас есть и разрешение на постановку, и контракт. Мы не стали сообщать в фонд Дж. М. Барри, что всем занятым в спектакле актерам за шестьдесят. Контракт не ставит ограничений по возрасту. Закрыть нас не могут. Будет столпотворение.

— Если б мы избавились от Гарвена, — говорит Поль, — я бы полностью или хотя бы частично оплатил вам расходы на постановку. Хотя, судя по твоим словам, она выглядит непристойной.

— «Питер Пэн» и сама по себе очень непристойная пьеса. Наша постановка всего лишь поможет привлечь внимание к этому факту, — говорит Пьер, косясь на отца. — Наши таланты выявят абсурдность сюжета. Спектакль просто обречен на успех.

— Если б только избавиться от Гарвена, — говорит Поль.

— А Киль? От него ты по-прежнему хочешь избавиться? — спрашивает его сын.

— Еще бы! От Киля в самую первую очередь.

— А Гарвен?

— Гарвену нужно уйти.
— Страви их друг с другом, — говорит сын.

— Как? — говорит отец. — Я об этом и спрашиваю. Думаешь, я не думал об этом?

— Деньги, — говорит Пьер, — они все решают.

— Не все, — говорит Поль, — этого вы, молодое поколение, не в состоянии понять.

— Никакое я не молодое поколение, — говорит Пьер, — я только моложе тебя. Молодое поколение на целое поколение отстает от моего. Не имеет ко мне никакого отношения.

— Мне нужно идти, — говорит Поль, встряхивая стакан, на дне которого звякают кубики льда. Осушив стакан, он смотрит на свои золотые часы в тонком корпусе и повторяет: — Мне нужно идти.

— К своему психоаналитику, — говорит Пьер.

— Что?!

— У тебя сеанс психоанализа.

— Кто тебе сказал? — спрашивает Поль.

— Моего осведомителя, — говорит его сын, — зовут... так, минуточку... как же это... моего осведомителя зовут... зовут... не могу вспомнить имени.

— Твой осведомитель ошибся.

— О нет, — возражает Пьер, — от моего осведомителя ничто не скроется.

— Что ты слышал, что такого ты слышал? — говорит Поль. — Про меня и моего аналитика?

— Да ничего такого, с ней все в полном порядке. И вообще, почему бы тебе не поступать как заблагорассудится? Поступай как заблагорассудится. — Правой рукой Пьер дает ему снисходительную отмашку, постукивая левой по аккуратно сброшюрованному рабочему сценарию, который лежит теперь на столике у его стула. Вытянув перед собой длинные ноги, он добавляет: — Довольно узкая. — И, похлопав по сценарию: — Я хочу сказать, довольно узкая на вид. Из тех узкобедрых и узколистых женщин, что такими рождаются и такими же умирают. Вот узкие — и все тут, разве что в профиль кое-что выступает: нос, грудь, ягодицы и икры. Но голос у нее просто мерзкий, как ты можешь такой выносить, отец? Сплошное кря-кря-кря. По-моему, она не стоит денег, что ты на нее тратишь, отец. Но конечно, это твое дело. Полностью и исключительно.

Теперь Поль стоит. Он смотрит на сценарий. Его рука тянется к внутреннему карману пиджака.

— Расскажи-ка о своей постановке «Питера Пэна», — говорит он.

— Я тебе уже рассказывал.

— Так, тебе нужны на нее деньги.

— Да.

— Мне понадобится несколько дней. Хотя, возможно, я смогу кое-что дать в качестве аванса.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас. Ты плохо сделал, что за мною следил. Не следовало бы тебе выслеживать родного отца.

— Да вовсе я тебя не выслеживал. Это она меня выследила, паскуда. Сама стала мозолить мне глаза, эта твоя узкая-преузкая аналитичка.

— Господи всемогущий! — говорит Поль. — Твоя мать не должна знать об этом.

— Вот и я про то же, — говорит Пьер.

— Это, конечно, шантаж, — говорит Поль.

— А что теперь не шантаж? Но вообще-то постановка «Питера Пэна» хорошая идея и хороший бизнес. Мы ни слова в ней не поменили. Будет столпотворение. Всем за шестьдесят. Ну, может, за небольшим исключением. На роль Венди, возможно, придется пригласить актрису лет пятидесяти четырех.

— И ты зазвал меня сюда, чтобы все это мне сообщить? — спрашивает отец.

— Ты сам сказал, что придешь. Это было твое решение.

— Рано или поздно ты бы все равно мне все рассказал.

— Рассказал бы, и очень рано.

— Но я жалею, что пришел.

— Тебе налить?

— Положи побольше льда.

Пьер бросает в отцовский стакан два кубика льда и говорит:

— Во всяком случае, разве обязательно говорить про шантаж? — Отец извлекает из кармана пустую руку: чековой книжки в ней нет.

— Я не обязан ни про что говорить. А могу вообще промолчать. Островитянам не обязательно переговариваться, чтобы выжить. Они действуют все как один. Общаются телепатически.

— Здесь мы в Нью-Йорке, а не на острове.

— Вы с сестрой так и не американизировались в том смысле, в каком я англизировался.

— Не очень-то ты англичанин, — говорит Пьер, — хотя можешь думать, что очень.

— Все сводится к тому, — говорит Поль, — что тебе не нравится слово «шантаж».

— Не нравится, можно было его оставить для телепатического общения.

— Тем не менее, — говорит Поль, на этот раз и вправду извлекая из кармана чековую книжку, — я его сказал и, видит Бог, не жалею об этом.

5

Она топает правой ногой.

— Сидят как влитые, — говорит продавец.

— Нет, чуть великоваты, — говорит она. — Когда теряешь вес, как я, то уж теряешь везде. И все вещи становятся чуть великоваты.

— Вам нужно размером поменьше, точнее, на полразмера, Эльза, — говорит продавец, задумчиво обходя ее и не отрывая взгляда от ее ног. — Не уверен, — говорит он, правильно выговаривая слова, как делают иностранцы, — что у этой модели такой есть. Нужно посмотреть.

Она топает левой ногой.

— Определенно великоваты. Особенно сапожки — когда они велики, нога, понимаете, ходит вверх и вниз.

— Минуточку, — говорит он и удаляется в глубь магазина. Эльза зеваёт. В магазин входит очень худая женщина — бледно-палевые безжизненные волосы, вытянутое лицо словно сдавлено с боков, но вы-

глядит незаурядно. Она обводит помещение взглядом, видимо, в поисках продавца. Время ланча. Продавца не видно, но слышно, как тот, что обслуживает Эльзу, переставляет картонные коробки где-то в дебрях магазина, стоя, судя по звукам, на верхней ступеньке стремянки.

— Через минуту он подойдет, — говорит Эльза женщине и садится.

Женщина тоже садится и смотрит на Эльзину тень, затем на свою и на другие, сравнивая их с Эльзиной.

— Да, — говорит Эльза.

— Что? — говорит женщина.

— Теперь вы знаете, — говорит Эльза.

— Простите? — говорит женщина.

— Знаете, что это правда, сами убедитесь, — говорит Эльза. — А сейчас можете застегнуть свою вульгарную жакетку из искусственной норки и убираться к себе в офис, откуда позвоните моему мужу и доложите, что да, у него и вправду большая проблема, как он говорит. Мне надоело, что вы таскаетесь за мной по пятам. Три недели ходите за мной как тень, но вы никудышная тень.

Ее настоящая тень дергается в презрительном жесте, повторяя движение настоящей руки. Женщина вскакивает.

Продавец возвращается с двумя сапожками, черным и коричневым.

— Примерьте вот эти, Эльза. Если захотите взять черные, я закажу для вас нужный размер. — Тут он замечает женщину и, решив, что ожидание ее раздражает, говорит: — Присядьте, мадам.

Но та уходит, застегивая на ходу жакет из светлой норки и громко хлопая за собой стеклянными дверями, так что продавец неодобрительно хмурится.

— Психоаналитик моего мужа, — говорит Эльза. — Три недели ходит за мной по пятам.

— У нее расстроенный вид, — говорит продавец.

— Я ее прогнала. Грубо, — говорит Эльза.

— Что ж, теперь она знает.

— Да, теперь знает. И рискну предположить, что вас она считает Гельмутом Килем.

— По тому, что вы, Эльза, мне рассказали, — говорит продавец с нежностью в голосе, — мне жаль, что я не он.

Она натягивает сапог, встает и топает левой ногой.

— В четверг на следующей неделе у Пьера наконец-то премьера, — говорит она.

— Вы, должно быть, гордитесь сыном, — говорит он с вежливым легким поклоном.

— Не могу сказать ни «да», ни «нет», пока не увижу рецензий.

Он хихикает: очевидно, ее манера доставляет ему удовольствие.

— Премьера должна была состояться прошлой весной, но случилась задержка. Муж дал меньше денег, чем было нужно, и мне пришлось их выручать. Театр называется «Тот еще клуб», только он никакой не клуб, а самый настоящий театр, если не ошибаюсь, в Гринич-Виллидже.

— Пьеса хорошая? — спрашивает продавец, поглаживая сапожки, которые Эльза успела примерить и отдать ему.

— Жуткая, если их послушать. Но может принести деньги. Мой сын в деньгах не нуждается.

— Почему же вам не схватить свои драгоценности и не дать стрекача? — спрашивает ее приятель.

— С какой стати мне забирать мои драгоценности?

— А что еще с ними делать? Любая женщина, когда убегает, первым делом хватается свои драгоценности, разве нет?

— Только если у нее нету денег. В моем случае все деньги — у меня.

— Тогда отправляйтесь туда, где ваши деньги, — говорит он.

— В Швейцарию, — говорит она. — В Швейцарию, вот куда.

* * *

Она в Цюрихе, идет по Банхофштрассе, ее обдувает ветер, равнодушно обгоняют пешеходы, но никто не толкает. Это так непохоже на Манхэттен, где на человека натыкаются занятые своими делами люди, а то и не дают пройти, где они выскакивают из пассажиров и зданий, в спешке срывая и бросаая на землю обертки с шоколадных батончиков, откусывая от них на ходу.

Она стоит в Цюрихе у края озера, переводя взгляд со своего отражения в воде на свою тень рядом, улыбаясь тому и другой. Она похудела, и теперь ее тень тоньше, чем была прошлым летом. Этого не скрывают даже драповое пальто и меховой воротник шалькой, круглящийся за спиной, которые отражаются перед ней в подернутой рябью воде. Тут не обойтись без хорошего знания физики атмосферы, думает она. Массивный толстый юноша идет на работу тяжелым размеренным шагом, он глядит в ее сторону и отмечает взглядом ее присутствие с не меньшим, но и не большим интересом, чем проявила бы обычная счетная машинка.

Тем же утром, но позже, она снова идет по Банхофштрассе и смотрит на свое отражение в зеркальных витринах. Наконец она переходит улицу, немного возвращается назад, поворачивает за угол и входит в гостиницу, где сняла номер. Время — почти половина первого. У дверей ее ждет приятель из обувного магазина.

— Господи, — говорит она, — а ты и впрямь напоминаешь мне Киля, каким я когда-то его знала. Ты так стоял, что на миг стал вылитый он.

— Мне жаль, что в каком-то смысле это не так, Эльза, — говорит он, — теперь, когда ты рассказала мне то, что рассказала о своей молодости.

— Давай зайдем в бар и выпьем, — говорит она, — а заодно решим, где будем есть.

Часть Манхэттена закрыта по воскресеньям, но Поль Хэзлет отводит вторую половину дня, как часто это делает, работе над своей антологией — собранием его личных проблем, старых и новых.

В квартире на Ист-Ривер пусто и жарко. Поль пытается повернуть ручки радиаторов отопления в гостиную, но они уже повернуты вправо до упора. Когда они в таком по-

ложении, жара должна упасть, но старые радиаторы, как обычно, раскалены на ощупь не хуже чугунных печурок.

Звонит телефон, Поль встает, с тревогой смотрит на аппарат, затем бросается к нему, чтобы не пропустить звонок. Он поднимает трубку, и голос говорит:

— Вас вызывает Цюрих.

— Это я, Поль, — говорит голос Эльзы.

— Что ты делаешь в Цюрихе? — спрашивает он.

— Ложусь в постель, — говорит она.

— С тобой что-нибудь не в порядке? — говорит Поль.

— Да нет, все в порядке, просто здесь уже время ложиться.

— Но что ты делаешь в Цюрихе?

— Сплю с мистером Мюллером.

— Ты что?

— Занимаюсь любовью с мистером Мюллером.

— С кем?

— С Мюллером, из обувного магазина. Кого ты называешь Килем. Он проводит здесь отпуск вместе со мной.

— Не шути, Эльза.

— Я с ним сплю, чтобы проверить, настоящий он Киль или нет. По-другому никак не проверишь, — говорит она.

— Значит, в войну ты все же спала с ним? — орет он.

— Поосторожнее с телефоном, Поль. Я спала с ним прошлую ночь. По-моему, это не Киль. Сейчас он в душе. Может, я позволю тебе завтра и сообщу об окончательных выводах.

— Я могу устроить, чтоб его уволили. Могу устроить, чтобы его арестовали как шпиона.

— Я хозяйка магазина, — говорит она. — Как ты устроишь, чтоб его уволили? Я приобрела этот магазин.

— И Госдеп ты тоже приобрела? Он шпион.

— Я же тебе сказала, Поль, что, по-моему, это не Гельмут Киль. Этот слишком нетерпелив. Гельмут как любовник не был таким похотливым. У него был другой подход к женщине, к нему требовалось подольститься. А с этим...

— Ты в какой гостинице, Эльза?

— В «Ритце», — говорит она.

— В Цюрихе нет «Ритца». Я вылетаю. Подаю заявление в полицию и привожу Гарвена.

— Думаю, я вернусь послезавтра, — говорит Эльза. — Во всяком случае, как только выясню, что мне нужно.

* * *

— Ты ей веришь? — спрашивает он Катерину по телефону.

— Это, папа, зависит от того, какой хороший подарок или еще чего он от нее получил. Девочек у него видимо-невидимо.

— Готов спорить, что он здесь, в Нью-Йорке.

— Нет, в магазине сказали, что он уехал из города. По делам.

— Это шпион Киль, никакого сомнения. Он ровесник твоей матери.

— Вот уж с этим ни в жизнь не соглашусь. Должно быть, его фамилия Мюллер.

— Ты и в самом деле гуляла с ним, Катерина? Спала с ним?

— Ой, папа, я не знаю. Если не с ним, значит, с кем-то еще. Может, мама тебя разыгрывает, папа.

— Сейчас он в душе, сказала она.

— Восхитительное зрелище, — смеется Катерина.

— Восхитительное зрелище — это она с Килем в сорок четвертом, — говорит Поль. — Как раз это до тебя не доходит.

— Господи, а что было в сорок четвертом? — говорит она. — Меня тогда и на свете не было.

Он охотится за ней по телефону до глубокой ночи, обзванивая цюрихские гостиницы одну за другой. Наконец он ее находит.

— У тебя там, должно быть, глубокая ночь, — говорит она, — потому что здесь на моих часах почти восемь утра.

— Где Киль? — говорит Поль. — Передай ему трубку.

— Киль?

— Ну, не Киль, так Мюллер, какая разница. С твоего разрешения, я хочу с ним поговорить.

— Извините, — говорит она, — но вы не туда попали. Это не притон наркоманов.

Он говорит:

— Ты же сама мне звонила, Эльза. Сама рассказывала, Эльза. Не волнуйся. Постарайся вспомнить, что ты вчера делала.

— Никогда не делаю сегодня то, что делала вчера, — говорит она. — С какой стати мне вспоминать?

— Почему ты в Цюрихе? Возвращайся домой, — говорит он.

— Я жду, когда принесут завтрак, Поль. Здесь подают завтрак по-американски. Зачем возвращаться домой, если я могу здесь получить завтрак по-американски? Зачем

возвращаться домой, если я могу получить завтрак по-американски в Швейцарии?

— Киль в ванной?

— Кто?

— Киль. Мюллер, Киль — он опять принимает душ?

— Не вешай трубку, — звучит голос Эльзы, — я схожу проверю, есть ли кто в ванной.

— Эльза! — кричит Поль, но в ответ слышит, как трубку кладут на столик. Он ждет, наблюдая за тем, как секундная стрелка обегает циферблат и начинает новый круг. — Эльза! — кричит он.

В трубке раздается щелчок, и американский оператор спрашивает:

— Вы закончили разговор?

— Нет, еще говорю, — отвечает Поль. — Я жду ответа. Моя жена... — Но связь уже прервана.

Связь восстановили через полчаса с лишним.

— Вы можете подождать? — спрашивает оператор на том конце.

— Уж как-нибудь перетерплю, — говорит Поль.

— Детка, — говорит оператор, — не серди меня.

— В Соединенных Штатах, — говорит Поль, — мы так уже не говорим.

— Алло, — говорит Эльза, — алло. Vous êtes en erreur*.

— Эльза, — говорит он.

— А, это ты, — говорит она. — Чего ты звонишь?

— Кто там с тобой? — говорит он.

— Ты такой ревнивый, — говорит Эльза.

— Ты сказала — ранимый?

— Ревнивый, — говорит она.

— Я не понимаю тебя, Эльза. Что ты имеешь в виду?

— Нельзя же до бесконечности называть человеку из Нью-Йорка рано поутру.

— Кто с тобой в комнате? — говорит он.

— Никого. А что?

— Я просто подумал, что кто-нибудь может быть, — терпеливо говорит он, стараясь ее не пугать. — Вообще-то ты мне вчера звонила. Разве не помнишь?

— Вчера не имеет ко мне никакого отношения, — говорит она.

— Эльза, — говорит он и смотрит в окно на черное небо над Ист-Ривер в надежде, что она еще что-нибудь скажет, не важно что, любую чепуху, чтобы успокоить его

*Вы ошиблись (фр.).

страх. Трубка молчит. — Эльза, ты еще слушаешь? — говорит он.

— Да. Чего ты хочешь?

— Прояви здравомыслие, — говорит он. Пока он прислушивается к молчащей трубке, раздается вой полицейской сирены, удаляющийся на север по Первой авеню. Он говорит: — Прояви здравомыслие. Ты говорила, что с тобой мужчина. Вспомни, ты сказала, что занималась с ним сексом, чтобы выяснить, это Киль или нет. Это означает, что ты должна была заниматься сексом с Килем еще в сорок четвертом году, разве не так?

— Секс, — говорит она, — это такая же тема, как любая другая. Ничуть не менее интересная, чем сельское хозяйство.

— Вы закончили разговор? — спрашивает оператор.

— Нет, еще продолжаем, — говорит Поль. — У нас личный разговор. — Оператор пропадает, о чем, видимо, говорит щелчок в трубке. Поль тем не менее добавляет: — Пожалуйста, не прерывайте.

— В конце концов, — говорит Эльза, — мы оплачиваем звонок.

— Знаю, — говорит Поль.

— Тут у нас проездом остановились английские туристы, — говорит Эльза. — Вче-

ра вечером я проходила мимо их столика и услышала, как один из них говорил «Экзамены Джонатана на обычном уровне...». Дальше я не расслышала, но, Боже, как мне сделалось тошно. Англичане за границей — это нечто чудовищное, и повсюду они таскают с собой свою английскую жизнь. То есть какой смысл посещать за границу, если это не сообщает жизни новые стимулы?

— Знаю, — говорит Поль. — Когда ты вернешься?

— Думаю, завтра.

— Твой эксперимент завершился?

— Ах да, мой эксперимент. Что ж, закончу его как-нибудь в другой раз.

— А где Киль?

— Думаю, он мертв. Или ты имеешь в виду Мюллера?

— Мюллера, — говорит он, — Мюллера из обувного магазина.

— Мюллер, — говорит она, — надел штаны и куда-то ушел.

— Ты поосторожнее с телефоном, — говорит он. — Я не знаю, Эльза, чему верить.

— И никогда не знал, — говорит Эльза.

— Каким рейсом ты вылетаешь, Эльза?

— Я позвоню тебе позже, — говорит она, — и сообщу номер, чтобы ты мог меня

встретить. До скорого. А сейчас я хочу закончить завтрак.

— Ты не с Килем вернешься? Не одним рейсом с ним?

— Киля здесь нет.

— Не нужно с ним возвращаться. Попадешь в неприятность и уже не сможешь от него отделаться.

— Хорошо, а ты не бери с собой Гарвена. Снова пререзается оператор.

— Все еще болтаете? — говорит он и обрывает разговор.

Поль глядит вниз на темную и весьма опасную улицу. «Помогите!» — зовет его внутренний голос, страх отбрасывает его назад, к ужасам жизни на Балканах. Он обводит глазами комнату, страшась увидеть ее знакомую тень. Он хочет, чтобы она возвратилась из этой дикой Европы с ее темными лесами и стального цвета горами. Вернись в Манхэттен, эту лечебницу духа, зовет его сердце, где мы анализируем и врачуем жестокости бытия. Вернись, здесь в высшей степени центрально натоплено, здесь магазины на первом этаже и можно получить все, что можно получить там, и даже лучше, и смысл не в деньгах. Зачем отправляться в такую даль, где душа вынуждена сама

о себе заботиться, а человек втайне думает лишь о себе, хотя на людях приспосабливается к другим? Возвращайся сюда, в Нью-Йорк, болеутоляющую палату, где совсем не нужно думать и можно вести себя, как последний псих, и днями и ночами болтать в свое удовольствие.

Вернись. Он наливает себе виски, садится и размышляет о том, что она в конце-то концов обретается не в диких джунглях, а в Цюрихе, в гостинице первого класса. Он выключает свет и, забрав стакан с виски, идет в комнату поменьше, где на его письменном столе беспорядочно громоздятся бумаги. Включает телевизор и начинает смотреть ночную передачу.

Тут, однако, Гарвен стучит в стену. Поль выключает телевизор, наливает себе еще виски и ложится спать.

На другой день в одиннадцать утра Поль, одетый, сидит у телефона в маленькой комнате, ожидая очередного соединения с Цюрихом. Его предупредили, что это произойдет через час, остается ждать целую четверть часа. Секундная стрелка на его часах дергается, словно стежок за стежком вяжет носок. Поль импульсивно снимает трубку и набирает номер.

На том конце отвечает женский голос.

— Анни, — говорит он.

— Привет, а я только что собиралась тебе звонить, — говорит она.

— Зачем? — говорит Поль.

— Хотела с тобой поздороваться, вот зачем. Ты ее разыскал?

— Да, она в Цюрихе с обувным продавцом. Сказала, что это не Киль. Но зачем ей понадобилось отправляться в Цюрих? По ее словам, чтобы выяснить, ей пришлось переспать с ним. Значит, она в прошлом меня обманывала, понимаешь? Я не знаю, что и думать. Ну почему именно в Цюрих?

— Может, ей захотелось выйти на нового психоаналитика, — говорит Анни. — Захотелось привезти его с собой и начать новый курс.

— Не нужно было давать ей себя застучать, — говорит Пьер.

— Послушай... — говорит она.

— Не могу, — говорит Поль. — Я жду звонка из Цюриха. Поговорим позже, Анни. — Он кладет трубку, отпирает ящик письменного стола, вынимает три ключа на колечке, выбирает один, проходит через комнату к книжному шкафу со стеклянными дверцами и открывает его. Вытаскива-

ет из шкафа большой том в переплете из зеленой кожи с золотым теснением, новехонький, в прекрасном состоянии, закрывает шкаф и идет к столу, зажав том под мышкой. Берет телефон и идет с ним к столику у кресла, разматывая шнур. Садится в кресло и раскрывает том.

Но это не книга, а фотоальбом. Первые фотографии имеют коричневатый оттенок и покрыты паутинкой трещин, будто сняты любительским «Кодаком» 1888 года, хотя на некоторых снимках люди одеты по моде начала 1920-х. На самом деле это несоответствие означает лишь то, что снимали за городом, где все на тридцать лет отстает от времени. Это семейный фотоальбом. Семейство, должно быть, ездило за границу для обновления гардероба. Слуги тоже старомодны, как и запечатлевшая их камера: женщины в длинных юбках и мужчины с усами по-деревенски окружают членов семьи и их знакомых. Фотографии представлены выборочно — в том смысле, что на всех снимках фигурирует один и тот же ребенок. Вот он на руках у кормилицы, вот среди игроков в теннис, тетушек с накрашенными губами и дядюшек, вот один с ракеткой

в руке. Это я, думает Поль, когда мне было восемь месяцев, и я же в девять лет, недопроявленный снимок.

Утро следующего дня, а ему не удалось с ней связаться. Она так и не позвонила из Цюриха, чтобы сообщить номер рейса. Он просыпается от беспокойного сна в половине восьмого. Гарвен все еще спит; в отсутствие Эльзы он уже не выдает себя за слугу. Приходит и уходит, ложится спать или встает когда ему заблагорассудится, гремит на кухне кофейником и стучит кружкой, словно он в этом доме хозяин. Поль избегает встреч с ним.

Он поднимает трубку, заказывает разговор с Эльзиной гостиницей в Цюрихе, выпрыгивает из постели и спешит в ванную.

Поль бреется, прислушиваясь, не позвонит ли телефон, а в спальне Гарвена по-прежнему царит полная тишина. Забегая вперед, он мысленно представляет ее прибытие в аэропорт, суматоху с багажом и носильщиком, пока он будет ждать ее у выхода из зоны таможенного досмотра. Ей придется быстренько вручить носильщику чаевые между приемом багажа и таможней. Если хотите дать мне чаевые, мэм, сделай-

те это сейчас, скажет носильщик, готовясь толкнуть нагруженную с верхом тележку. Эльза сунет купюру в его руку, уже сжимающую рукоятку тележки. Ладонь раскроется и закроется, носильщик шепнет «не положено» и радостно покатит тележку, а пассажирка будет поспешать за ним, чтобы не отстать от багажа.

Мысли Поля забегают вперед, но уши чутко прислушиваются в ожидании звонка. Она должна прибыть около восьми вечера. Я дождусь, когда номер ее рейса появится на табло, встану у выхода в зале прибытия и буду наблюдать, как она в своей меховой шубке будет суетиться во время досмотра, предъявлять, и объяснять, и с подозрительным усердием заискивать перед таможенниками. Поль одевается и идет готовить кофе.

Звук ключа во входной двери. Гарвен, думает он. Его и не было в спальне, вот почему там было тихо. В этот миг радио в спальне Гарвена раздражается сводкой утренних новостей. Значит, шаги в прихожей принадлежат злоумышленнику. Рано или поздно это должно было случиться, думает Поль. Со всеми другими случалось же. Он слышит звук шагов в коридоре, слышит голос Эльзы из дверей ее спальни.

— Поль, — говорит она, — сейчас привратник принесет мои чемоданы,пусти его.

— Ты почему не позвонила? — говорит Поль, выбегая из кухни. Он целует ее и кричит: — Ах ты стерва, я всю ночь прождал, чтобы узнать номер рейса.

— Ты не ложился? — говорит она.

— Ну, вообще-то ложился. Но ты сказала: «Я позвоню и сообщу номер рейса и время прибытия». Я бы тебя встретил.

— Да, — говорит она, бросая шубку на постель, и ее тень, несмотря на то что утреннее солнце освещает Эльзу спереди, повторяет это движение, на мгновенье повиснув у нее на руке словно рукав-реглан. Пылинки танцуют на солнце, и ее тень по воле случая ложится на постель по касательной к сброшенной шубке. В дверь черного хода звонят, слышно, как Гарвен идет по коридору открывать, шлепая домашними тапочками.

Эльза говорит:

— В моей спальне нужно проветрить.

— Мы не ждали тебя, — говорит Поль. — Могла бы сообщить номер рейса.

— Ни за что, — говорит она. — Никогда. — Она распахивает дверцы платяного шкафа, готовясь развесить одежду. — Помнишь, как ты в прошлый раз встречал меня в Кеннеди?

— В прошлый раз? — Он морщит лоб, напрягая память, в глазах его появляется отсутствующее выражение, вся энергия приливает ко лбу. Он хмурит лоб и взглядом просит ее помочь. — А что в прошлый раз случилось? Только и делаю, что встречаю в аэропортах. Когда был последний раз в Кеннеди?

— Первым делом выпью кофе, — говорит она. — Затем приму ванну и переоденусь. Я выспалась в самолете, так что пойду прогуляюсь.

— Куда? — говорит он. И задается вопросом, что такого особенного случилось, когда он последний раз встречал ее в аэропорту Кеннеди? — Куда прогуляешься? — спрашивает он, не трогаясь с места.

— До «Ван Клифа»*, — говорит она.

— Зачем?

— Купить подарок.

— Кому?

— Самой себе, — говорит Эльза.

— А, — говорит Поль, — вот и прекрасно. Так что именно случилось, когда я последний раз встречал тебя в аэропорту?

*«Ван Клиф» — международная фирма, производящая и реализующая через сеть собственных магазинов элитные ювелирные изделия, часы и парфюмерию.

— С того раза прошло несколько лет.

— Лет? Ты о чем говоришь? В прошлом октябре я встречал тебя в Провиденсе. В сентябре — в Сан-Хуане. Затем в июле...

— Нет, в Кеннеди ты вот уже несколько лет меня не встречал. Когда я в последние годы бывала в Европе, как-то так получалось, что ты не мог меня встретить.

— Ну, — говорит он, роясь в памяти, пока она одну за другой извлекает на свет драгоценности, — ну, может, ты и права. Не могу вспомнить, когда я в последний раз встречал тебя в Кеннеди.

— Тогда, в шестидесятом, он еще назывался Айдлуайлд.

— Так давно? Не может быть. И что случилось?

— Ты прямиком отвез меня в больницу на Лонг-Айленде, и там меня заперли.

— Послушай, Эльза, — говорит он.

— Сказал, что везешь меня к Поппи Ксавериной, а привез совсем не туда.

— Эльза!

— И мы остановились у главного входа, и эти кошмарные типы в голубых халатах загнали меня внутрь.

— Хватит, Эльза, замолчи. Мы всего лишь хотели тебе помочь.

— Кто «мы»?

— Мы все, — говорит он вяло.

— Значит, ты один. Вот что значит «мы все».

— Ну, я пытался тебе помочь. Пьер это знает. Катерина тоже. Какой смысл снова к этому возвращаться?

— Такой, что я решила впредь не позволять тебе встречать меня в аэропорту Кеннеди. Я полетела в Париж и там наняла реактивный самолет. И вот я здесь.

— Я пытался тебе помочь. Я всегда пытаюсь тебе помочь, — кричит он.

— Тебе будет предъявлено обвинение в повышении голоса и оскорблении словом. Разве оскорбление словом не преступление? Уверена, что да. Во всяком случае, главное — я всей душой не хочу, чтобы ты мне помогал. Главное — я могу сама себе помочь, большое спасибо.

— Ты рехнулась, — говорит он спокойно.

Она улыбается и захлопывает футляр с драгоценностями.

Он говорит:

— Наняла реактивный самолет. Ты нуждаешься в помощи.

— Помощь мне только мешает.

В дверь протискивается привратник с двумя чемоданами. Следом входит Гарвен.

На Гарвене купальный халат из махровой ткани в розовую полоску. Его седые волосы с желтоватым оттенком торчат в разные стороны наподобие нимба. Он не успел вставить контактные линзы и нацепил очки, которые странным образом меняют его внешность.

Эльза смеется.

— Доброе утро, Гарвен, — говорит она. — Как вы тут поживали?

— Доброе утро. Как поживал? Да как обычно. Ждал вас и беспокоился. Зачем вы уехали вот так, никого не предупредив?

— Эта квартира начинает действовать вам на нервы, Гарвен? — Она поворачивается к привратнику: — Огромное вам спасибо. Мистер Хэзлет...

Поль достает бумажник и кончиками пальцев словно пинцетом извлекает банкноту.

— До свидания, спасибо, хозяйка, всегда к вашим услугам, — говорит привратник и уходит.

— Гарвен всего лишь хочет тебе помочь, — говорит Поль.

— Какое в высшей степени уязвимое заявление, — говорит Эльза. — Мне так и хочется помочь ему стилистически.

Поль говорит Гарвену:

— Такое у нее настроение.

— Мы думали, что вы, возможно, прилетите ночным рейсом, — говорит Гарвен, ощущая небритый подбородок.

— Я ждал твоего звонка, Эльза, — говорит Поль.

Она идет в гостиную, тень движется рядом, позади идут Поль и Гарвен. — Притворимся, что я бедна, — говорит она. — Бедна и безумна, не стою внимания.

— Вам принести кофе, Эльза? — говорит Гарвен.

— Да, пожалуйста, — говорит она.

Гарвен в халате удаляется, шлепая тапочками, Поль садится, не спуская глаз с Эльзы.

Он говорит:

— Сегодня вечером у Пьера премьеры его спектакля. Он зарезервировал для нас места на тот случай, если мы успеем в театр. Я сказал, что сообщу ему, если ты появишься вовремя.

— Пусть считает, что я еще не прилетела.

— Нам бы следовало сходить на пьесу родного сына. Ее ждет успех.

— Чью пьесу? Мне казалось, «Питера Пэна» написал Дж. М. Барри.

— Да, но идея постановки принадлежит Пьеру. Все — старики. Очень оригинально, надо отдать ему должное.

— Я подумаю, — говорит она. — Посмотрю, как буду себя чувствовать после похода в магазин.

— Выглядишь ты хорошо.

— Спасибо. Я на новой диете. Перезрелые помидоры. Очень омолаживает. — Она нажимает на кнопку вызова прислуги, откидывает голову назад и закрывает глаза. Немного спустя входит Гарвен с кофейным подносом.

— Вы звонили? — говорит он.

Эльза открывает глаза.

— Для новой диеты мне нужны перезрелые помидоры.

— Пере-зрелые? Не просто зрелые?

— Мягкие. Бактерии в них оказывают омолаживающее действие.

— Эти швейцарские средства, — говорит Гарвен, — того... хм...

— Она нормально выглядит, — говорит Поль. — Моя жена выглядит хорошо.

— Где я куплю гнилые помидоры? — спрашивает Гарвен, уставившись на ее тень.

— Соедините меня с княгиней Ксаверинной, — говорит Эльза. — У нее все что угодно найдется.

Эльза входит в гостиную. У Поля перехватывает дыхание. На ней огненно-яркое вечернее шелковое платье, расшитое по подолу и на запястьях блестящим черным бисером. В ожерелье и серьгах сияют бриллианты и рубины, на пальцах — сочетание тех же лучистых камней, на руке — браслет с бриллиантами. Она говорит «Добрый вечер» Полю (он переводит дыхание) и Гарвену (он ест ее глазами). Поль облачен в обычные черные брюки, зеленый вельветовый пиджак и черную водолазку. На Гарвене коричневый пиджак из твида, светло-бежевые брюки и рубашка в синюю и бежевую клетку с растянутым воротом, их которого выглядывает узел повязанного на шею темно-синего небольшого платка.

Говорит Поль.

— Тебе нельзя выходить в таком виде, Эльза, — говорит он. — Тебя линчуют. Тебя ограбят. Ты хоть представляешь, где этот театр? В переулке за Хьюстон-стрит в стороне от центра.

— Это премьера, — говорит Эльза, — пьесы моего сына, написанной Дж. М. Барри.

— Эльза, — говорит Гарвен, — эта работа мне не по силам.

— Вы получаете больше как мой дворецкий, чем зарабатывали психоанализом, — говорит она. — Но если хотите прибавки, то вам будет прибавка.

— Я даже не хочу оставаться вашим психоаналитиком, — говорит Гарвен. — И дело не в деньгах, а в том, что вы по кусочкам отъедаете мою жизнь. Кусочек тут, кусочек там. Иногда по утрам, просыпаясь, я задаюсь вопросом, все ли я еще жив?

— Теперь вы знаете, каково это, — говорит Поль. — У меня вся жизнь такая.

Она смотрит в овальное зеркало в позолоченной раме, прикасается к каждой серьге и говорит:

— Вы уходите из этого дома, не запятнав своей репутации. Вам не нравится мое платье? Драгоценности я взяла напрокат в «Ван Клифе». Кстати, они настоящие. Просто не хотелось заниматься всей этой тяготинкой — идти в банк, договариваться об охраннике-сопровождающем, да и времени уже не оставалось. Я бы выпила водки с то-

ником. — Она садится. — В «Ван Клифе» клиентам обычно идут навстречу.

— Вы прямо картинка из модного журнала. Зачем вам эта большая сумка из крокодиловой кожи?

— Это сумка Поппи. Я обещала ее вернуть. Позаимствовала месяц тому назад — относила своему сапожнику туфли, чтобы он скопировал фасон.

· Звонят во входную дверь.

— Это Поппи, больше некому. Гарвен, откройте княгине дверь и принесите мне водки с тоником.

Звонок повторяется, на этот раз громче, и Гарвен, стряхнув полугипнотическое наваждение, отрывает взгляд от Эльзы, поворачивается и идет открывать.

— Эльза, — говорит Поль, — это маленький театрик в глухом закоулке. Он не просто не на Бродвее, он очень далеко от Бродвее. Экспериментальная площадка. Не понимаешь?

Вплывает княгиня Ксаверина и сбрасывает пелерину из соболей, чтобы явить себя во множестве складок роскошных кружев и плоти. Она тоже увешана драгоценностями, и, хотя они уступают Эльзиным новизне и сиянии — отдельные бриллианты

еще старой огранки, какая темнеет со временем, — весь ее вид, в глазах Поля и Гарвена, явно неуместен. Поль стоит как вкопанный, Гарвен бросает на княгиню испуганный взгляд и исчезает в направлении кухни. Слышно, как он осторожно ступает по коридору, словно не верит звуку собственных шагов. Чуть позже доносится бряканье кубиков льда, пересыпаемых из ванночки в ведерко.

Между тем имеют место объятия княгини с Эльзой, отмеченные колыханием кружев и драгоценностей, словно укороченный танец семи покрывал.

— Нынешний вечер, Эльза, должен вызывать у тебя чувство гордости, — говорит княгиня, усаживаясь наконец на диван и подбирая складки.

— Я вернулась реактивным самолетом, специально наняла, чтобы поспеть вовремя, — говорит Эльза. Она сидит рядом с ней на диване, выпрямив спину, повернувшись вполоборота к откинувшейся на спинку княгине и одной ягодичей балансируя на краю. Одновременно она опускает веки, томно наклоняет голову и вздыхает. Потом разворачивается и удобно устраивается, подсунув под спину подушки.

— Знаешь, Поппи, — говорит она, — я тут подумала. Моя душа подобна небоскребу, она тянется все выше и выше и фактически вся она — сплошное стекло и сталь, так что можно видеть все, что вовне, но нельзя наклониться.

Поль сидит напротив.

— Гарвен будет жалеть, что этого не услышал, — говорит он.

Слышно, как Гарвен возвращается. Он приносит поднос и ведро со льдом.

— Вы чувствуете себя лучше? — спрашивает Гарвена княгиня. Поль вскакивает и начинает заниматься напитками. Гарвен, поставив поднос на столик, не знает, как ответить.

— Вы и вправду хорошо выглядите, — говорит княгиня.

— Я не болел, — говорит Гарвен.

— Такое отношение мне по душе, — говорит княгиня. — Свои проблемы следует держать при себе.

— Какие проблемы? — говорит Гарвен.

— Поппи, что будете пить? — говорит Поль, а Эльза начинает смеяться, но сразу прекращает.

— Поппи, — говорит Эльза, — ты играешь с огнем.

— Вам тоже водки? — спрашивает Поля княгиню. Его сердце начинает панически трепыхаться. «Я сел не в тот поезд, — кричит он про себя, — экспресс накручивает мили в совсем другом направлении, а я не могу сойти».

— Вы все сумасшедшие, — говорит Гарвен, с вызовом глядя на Поля, словно ему не хватает мужества напрямую обратиться к Эльзе.

— Мне ржаной со льдом, — говорит княгиня. — Твои гнилые помидоры я оставила на столике в холле. Ты как их ешь? Пропускаешь через миксер?

— Это особый процесс, — говорит Эльза.

— Ну, я ухожу, — говорит Гарвен. — Поэтому не нужно мне объяснять про ваши особые процессы.

— Последний раз, что я здесь была, — говорит княгиня, — Гарвен сказал, что уходит. Я хорошо помню.

— Нет, это была горничная. Она так и не вернулась, — говорит Эльза.

— А, что Гарвен, что горничная, какая разница, — говорит княгиня. — В наши дни ни на кого нельзя положиться, правда? — Она принимает от Поля свою порцию, Эль-

зе он дает водку с тоником и бросает взгляд на часы.

— Время у нас еще есть, — говорит Эльза.

— Начало в половине восьмого, — говорит Поль. — Может, тебе лучше переодеться?

— Еще чего, — говорит Эльза. — Представь, — обращается она к княгине, — у моего сына премьера, а он хочет, чтобы я вырядилась как хиппи. Мог бы надеть хоть темный костюм.

— Я всегда хорошо одеваюсь, — говорит княгиня. — Так всегда было и всегда будет.

Гарвен внезапно бросается к ним, но останавливается. Широко открывает рот, говорит высоким пронзительным голосом «Тошнит!», захлопывает рот и поворачивается налить себе водки дрожащей рукой.

— Гарвен, — говорит княгиня, когда они стоя ждут Эльзу — та пошла надеть пальто, — я могу устроить вас на отличное место у восхитительной пары, они занимают квартиру на трех этажах на углу Шестидесят восьмой и Парк-авеню. У них все — *objet d'art**, даже чайные ложечки.

— Спасибо, но я возвращаюсь к моей психотерапии, — говорит Гарвен и вздыхает.

*Произведение искусства (*фр.*).

— Он профессионал, — говорит Поль.

— Только время напрасно потерял, — говорит Гарвен. — Если в будущем ей понадобятся мои услуги, придется ей ко мне приходить.

Поль вынимает носовой платок и промокает лоб и виски.

— Эта квартира убивает меня своей старомодностью, — говорит он. — Чудовищная жара, и ее невозможно отрегулировать. Поппи, не могли бы вы поговорить с Эльзой о переезде в новую квартиру? Я пытался долгие годы. Она просто не желает меня слышать.

— К своему дому привыкаешь, — говорит Поппи. — Не можете наладить отопление? Откройте окно.

— Оно открыто, — говорит Поль, — но жара не слабеет.

— Дали бы мне поступить по-своему, я бы включил все кондиционеры на полную мощность, — говорит Гарвен.

— Она любит, чтобы зимой было жарко, — говорит Поль.

— Пальмам это только на пользу, — говорит княгиня и смотрит в угол комнаты на пышные пальмы в горшках.

— Я вам вот что скажу, Поппи, — говорит Поль. — У нее слишком много денег. Некоторые женщины не справляются с этим. Раньше, когда у нее не было столько денег, она охотней прислушивалась к голосу разума.

— Ха-ха, со мной было то же самое, — говорит княгиня. — Но теперь я, как и Эльза, чувствую себя лучше и счастливее.

— Я с Полем согласен, — говорит Гарвен. — Не во всем, но в этом — да.

Эльза окликает их из холла:

— Идемте. Я готова.

Поль и Гарвен осторожно вызволяют княгиню Ксаверину из глубины дивана и проводят в холл, где ждет Эльза.

— Ты не можешь отправляться в таком виде, — говорит Поль.

На Эльзе длинная ослепительно белая песцовая шуба.

— Я купила ее в Париже, — говорит Эльза, — специально для этого случая.

— Я верю в стиль, — говорит княгиня Ксаверина, с помощью Гарвена кутаясь в широкую соболиную пелерину, от которой временами пахнет какими-то странными благовониями, на самом же деле — смесью камфары и аромата под названием

«Diane du Bois»*. «Сколько еще, — вопиет душа Поля, — эти люди, этот город будут меня преследовать?»

— Эльза, — говорит он, — будь самой собой. Просто будь собой. Я тебя умоляю.

Они едут по улицам в «роллс-ройсе» княгини Ксавериной. Долгая поездка в гуще автомобилей, и шофер княгини всю дорогу по Второй авеню бормочет себе под нос. Он останавливается на ближайшем углу и высаживает компанию у всех на глазах. Поль и Гарвен, нервно суетясь, торопливо ведут женщин по узкому тротуару. Какая-то девушка тягучим низким голосом заявляет: «Это уж слишком» — и пытается встать на пути у Эльзы. Поль подталкивает жену вперед, девушка спотыкается и падает на Гарвена, тот идет следом вместе с княгиней. «Постой!» — говорит ему девушка, но тот отнюдь не расположен стоять и движется в потоке пешеходов, ведя на буксире свою подопечную — запыхавшуюся княгиню. Поль на ходу отмечает взглядом номера домов. Он останавливается у портика между гастрономической лавкой и выставкой-продажей мексиканских поделок. К двери лавки под-

*«Лесная Диана» (фр.).

ходит женщина с маленьким мальчиком. Женщина говорит:

— Полюбуйтесь, они ограбили могилу родной бабушки.

— Должно быть, сюда, — говорит Поль и подталкивает Эльзу в портик, над которым висит доска с надписью:

ТОТ ЕЩЕ КЛУБ Прогрессивный театр

Они и следом за ними Гарвен с княгиней гуськом идут по ярко освещенному проходу к занавешенному портьерой входу. Здесь два тощих молодых человека выступают билете-рами и кассирами одновременно, им помогает группа приятелей. Один из них — Пьер, он отрастил бородку и облачен в белую водолазку и красные вельветовые штаны. Рядом стоят его толстый приятель Перегрин и повисшая на нем окосевшая Катерина. Перегрин говорит Пьеру:

— Вот грядет твое племя.

Появляется девушка со связкой программ. Она здоровается:

— Добрый вечер. — И говорит: — Я Алиса. Молодой человек рядом с ней говорит: — А я Кен.

— Неужели? — говорит Эльза. — Что-то непохоже.

Пьер оборачивается на слова матери. Она уже привлекает к себе внимание, но Пьер глядит на нее с невозмутимостью человека, привыкшего отражать удары судьбы. Катерина, слегка покачиваясь, на секунду выпрямляется во весь рост и снова припадает к массивному Перегрину со словами:

— Или я торчу, или это точно она.

— И то и другое, — говорит Эльза.

— Нам лучше занять наши места, — говорит Поль с беспокойством и берет княгиню Ксаверину за руку, чтобы выбраться с ней из маленькой толпы. Гарвен идет следом с тревожным выражением загнанной жертвы.

— погоди, — говорит Эльза, — мне хочется взглянуть на те фотографии. — Она проталкивается сквозь группу зрителей, которые расступаются перед ней словно под гипнозом.

Афиша на стене возвещает о спектакле «Питер Пэн без изъятий» и приводит список исполнителей. Список окаймляют крупные снимки эпизодов. Питер Пэн с лицом состарившегося херувима и в эльфийской шапочке подносит узловатыми пальцами к

сморщенным губам огромный рог. Подпись гласит: «Майлз Бантинг, ветеран Бродвея, в роли Питера, мальчика, который так и не вырос».

— Слушай, Поппи, — говорит Эльза княгине, — что ты об этом думаешь? Майлз Бантинг. Не тот ли самый Майлз Бантинг, с которым мы работали во время войны? Помнишь, в Комплексе?

— Он был профессором каких-то наук, — говорит княгиня Ксаверина, пристально разглядывая фотографию, — но актером никогда не был. — Она оборачивается к Полю и говорит: — Вы помните Майлза Бантинга?

Поль рассматривает фотографию из-за плеча Поппи. Что-то пошло не так, думает он. Не может жизнь быть такою. Я отказываюсь ее принимать. Он говорит:

— По-моему, это он самый. Конечно, он сильно изменился. Лицо здорово пополнилось. Но черты лица, рот, нос, глаза и прочее все те же. Фамилия сама по себе могла бы совпасть, но лицо...

— Мадам, вы не в тот театр пожаловали, — говорит мужской голос у них за спиной.

· Раздаются женский смех, затем голос Пьера:

— Моя мать не ошиблась адресом.

— А вот и Венди, — говорит Эльза. — Кто ее играет? Мы знаем или знали в прошлом эту актрису?

— Кудряшка Куртисс, — громко читает княгиня подпись под снимком. На снимке запечатлена худая костлявая женщина с блестящими глазами и длинными спутанными волосами. — Я что-то не помню никакой Кудряшки Куртисс, а вы, Поль?

Поль молчит.

— А где же кудри? — говорит Эльза, вперяясь взглядом в фотографию?

— Нам, по-моему, пора проходить, — говорит Гарвен. — Нет, правда, нам лучше пройти на наши места как можно незаметнее.

После этих слов Катерина выходит из транса и раздражается потусторонним смехом.

Пьер невозмутимо отодвигает портьеру, и они проходят в маленький зал. Он входит следом и громко отдает указания:

— Вниз до сцены, там в первом ряду зарезервированы четыре кресла.

Свободных мест почти нет. При появлении Эльзы и княгини кто-то из зрителей начинает аплодировать, к нему весело при-

соединяются еще несколько. Слышится голос:

— Свою тиару она в банке оставила.

— Не цепляйся к ней, — вопит другой голос. — Есть у нее право носить чего хочет или нет? Как у тебя право и как у меня.

Эльза устраивается в кресле, позволив белой лисе соскользнуть с плеча.

— Это настоящие драгоценности? — говорит кто-то.

Княгиня Ксаверина, которая не без труда втиснулась в свое кресло между Полем и Гарвенном, создает для них новые неудобства, из него выбираясь. Она встает, поворачивается к залу и громко заявляет:

— Наши драгоценности такие же настоящие, как вы сами.

Это вызывает новые хлопki.

Княгиня позволяет помочь ей снова усесться и жалуется:

— Мы дольше них ходим в оригиналках.

Какой-то мужчина крадучись подбирается к партеру и снимает со вспышкой всех четверых. Поль вздрагивает от страха, Гарвен злобно смотрит на Эльзу. Но театр полон, и гул переходит в шепот. Вскоре зал затихает и занавес поднимается.

— Так обойтись с любимой историей малышей — преступление, — говорит кто-то после первого акта. — Это болезнь.

— Болезнь интересна. Болезнь реальна.

И все же на протяжении первого акта смех несколько раз возникает, перерастает в хохот и постепенно сходит на нет.

— На мой вкус немного мрачно, — говорит княгиня.

— Грандиозный замысел, — говорит Гарвен. — Один вид этих старческих рук переносит вас в другое измерение. Питер Пэн был просто великолепен, вылетая на сцену. Старикану, вероятно, пришлось-таки попотеть. Должен сказать, было весело. Спектакль принимают хорошо. Он...

— Восторги Гарвена, — говорит Эльза, — многое говорят мне о Гарвене. Интересно, как поведут себя те, кто разрешил постановку, когда выяснят, что пьесу поставили как непотребное шоу?

— Совсем не непотребное, — говорит Гарвен. — То есть Питер Пэн — это глубоко актуальная психологическая проблема.

— Будут неприятности, — говорит Эльза.

— А что они могут сделать? — говорит Поль. — Они дали разрешение на постановку. Мы с Пьером обсуждали этот вопрос,

когда я дал деньги. Попечители не имеют права набирать актеров. Вся новизна трактовки — в подборе актеров, все остальное как было, так и осталось. Старики вместо молодых.

— Ну, до конца мы еще не досмотрели, — говорит княгиня.

— Спектакль не может провалиться, — уверенно говорит Гарвен Эльзе. — Я от него в полном восторге. Я... — Он замолкает, видя, как тень Эльзы перемещается рядом с нею, когда она поворачивается, чтобы подтянуть и разгладить роскошный белый мех. Поль обращает внимание на внезапное молчание Гарвена и тоже смотрит на Эльзу. Он видит у нее на коленях большую сумку из крокодиловой кожи и говорит:

— Ты, кажется, говорила, что это сумка Поппи.

— Верно.

— Ну так ей тут не место. Она вульгарно выглядит. Впрочем, ты и сама смотришься не лучшим образом, так что сумка не имеет значения. Ты ставишь нас с Гарвенем в неудобное положение. Не говоря уж о Пьере.

Свет постепенно гаснет. Эльза откидывается на спинку кресла, погружаясь в песцовый мех, а Гарвен как зачарованный возвра-

шается взглядом к сцене, над которой поднимается занавес.

На сцене — традиционные декорации: Страна Нетландия, Остров пропавших мальчишек. Пожилые мальчишки скачут и прыгают, убегая от сердитых пиратов, затем нерешительно топчутся вокруг старой карги Венди. Гарвен задыхается от нервного возбуждения. Появляется Питер Пэн. В этот миг Эльза встает и начинает бросать мягкие помидоры в актеров. Перезрелые помидоры она один за другим достает из большой сумки крокодиловой кожи. Помидоры довольно точно ложатся в цель. Главной ее мишенью, похоже, является Питер Пэн в исполнении Майлза Бантинга. Два поражают его в голову, обращая в бегство, а третий Эльза посылает ему в спину. Занавес срочно опускают, а в зале воцаряется некоторое столпотворение. Сидящий за Эльзой мужчина перебирается через спинку кресла и тянет ее за волосы. Какая-то женщина вцепляется в ее ожерелье из драгоценных камней. Гарвен пытается оттащить княгиню в сторону, а Поль пытается по мере сил объяснить напавшему на Эльзу мужчине, что у его жены неустойчивая психика.

Внезапно непонятно откуда, будто принесенные ветром наподобие самих Питер-

ра Пэна и феи Динь-Динь, материализуются полицейские. Зрители из последних рядов спешат покинуть театр, в то время как люди из первых рядов оказываются в самой гуще скандала: многие зрители, решив, что это некая группа недовольных выражает оправданный политический протест метанием помидоров, осыпает полицейских оскорблениями. Трое полисменов пробивают себе дорогу к первому ряду; Эльза сидит на полу, а мужчина, хватавший ее за волосы, орет на нее.

Эльза поднимает глаза на стражей порядка и говорит:

— Я мать автора.

Ее, как и княгиню, которую она забирает с собой, тут же выводят в безопасное место. Поль смиренно идет за ними, объяснив, что он отец. Многочисленных хиппи, негров и бородатых студентов, а также законопослушных обитателей Гринич-Виллиджа и других зрителей, включая Гарвена, не сумевших выбраться из двух первых рядов, задерживают и препровождают в участок в большом полицейском фургоне.

На улице перед театром Поль лихорадочно втолковывает полицейскому:

. — Все эти люди не настоящие. Моей жены, моего сына, моей дочери нет на свете.

— Так-таки нет? — говорит полицейский.

В это время Эльза и княгиня сидят на диване в примыкающей к вестибюлю крохотной комнатке и ждут, когда за ними приедут и отвезут домой. Эльза проверяет свои драгоценные камни — все на месте. У княгини тоже ничего не пропало.

— Безумная толпа, — говорит княгиня. — В наше время нигде не чувствуешь себя в безопасности. Даже в театр спокойно не сходишь.

— Твоя правда, — говорит Эльза.

6

— Возвращайся, возвращайся в могилу, — говорит Поль, — из которой я тебя вызвал.

— Слишком поздно, — говорит Эльза. — Из-за тебя и твоих жутких ревнивых домыслов все взлетело на воздух.

— Ты не настоящая. Пьера и Катерины не существует.

— Вот как? — говорит она. — Тогда нам не о чем спорить. Просто продолжай жить, словно все эти годы ничего не происходило.

Он кладет газету, которую держит в руке, и говорит:

— Заголовок гласит «Необычная постановка “Питера Пэна” завершается швырянием помидоров». Ты убила спектакль Пьера. Спектакль родного сына.

— Если Пьера не существует, а я мертва, — говорит она, — не понимаю, как я могла убить спектакль. Где твоя логика?

— Сама посмотри газету, прочитай заголовки. Ты знаешь, что именно ты бросала помидоры.

— Знаю, — говорит она, — и я остановила спектакль. Скажи Гарвену, чтоб принес еще кофе. — Она поднимает с подноса кофейник и вручает ему. Он берет кофейник и стоит на месте, не сводя с нее глаз и теребя свободно завязанный пояс халата. Она говорит: — Однако я не имела отношения к большому отключению света в шестьдесят пятом году. Ты был уверен, что это я устроила, а потом узнал из газет, что кто-то там забыл всунуть предохранитель, или нажать на переключатель, или еще чего-то, когда уходил с работы. Так что сам видишь, Поль, в отношении меня ты можешь быть неправым. Можешь ошибаться. Ты можешь ошибаться в чем угодно.

Он относит кофейник на кухню, оттуда доносятся голоса его и Гарвена. Слыш-

но, как они говорят, но слов не разобрать. Однако голоса звучат согласно, так беседуют мужчины, которые долгие годы живут под одной крышей и давно изучили привычки друг друга. Тон голосов не опускается особенно низко и не поднимается особенно вверх, время от времени какая-нибудь фраза подчеркивается негодующей или обиженной интонацией, но на нее сразу же следует успокоительный ответ. Голоса доверительно понижаются. Они напоминают шум далекого океана. Затем они постепенно сходят на нет как при взаимном раздражении. В гостиной Эльза следует за своей утренней тенью до телефонного столика. Садится у него с задумчивым видом, и, когда Гарвен и Поль появляются с одинаковым выражением на лицах и с кофе, они застают ее в этой позе.

Гарвен несет поднос, на котором стоят тарелка крученых плюшек, масленка, горшочек с джемом, три тарелочки и еще одна кофейная чашка с блюдечком. Поль несет кофеварку.

— Я буду завтракать вместе с вами, — говорит Гарвен, — нам надо поговорить.

— Не могли бы вы принести пыльную тряпку, — говорит Эльза. — На телефоне

грязь, черная каемка на каждой цифре. Не забываете прочищать краем тряпочки каждый паз, а то противно смотреть.

Поль взмахом руки удерживает Гарвена, а другой рукой извлекает из кармана чистый белый носовой платок и вручает Эльзе.

— Вот, чисти этим, — говорит он.

Она вставляет уголок платка в проем наборного диска и проводит по поверхности цифр.

— Вид моего мертвого тела, которое пышет здоровьем и наводит чистоту, — говорит она, ни к кому не обращаясь конкретно, — может показаться забавным.

Поль переставляет поднос на столик подалее, словно она может продолжить в том же духе, тем самым испортив ему завтрак. Гарвен садится с ним рядом.

— Теперь я бы выпила кофе, — говорит Эльза, отбросив платок. Она начинает набирать номер. Поль наливает ей кофе и приносит на ее столик. Она тем временем говорит в трубку: — Алло, могу я поговорить с мисс Хэзлет?

Поль возвращается к прерванному завтраку. Эльза прикрывает трубку ладонью и говорит ему:

— Это мужчина. — Убирает ладонь и говорит: — Я ее мать, графиня Янович-Хэзлет. А вы кто такой?

— Эльза! — говорит Поль. Эльза отводит взгляд от трубки и говорит, не прикрыв ее:

— У нее там мужчина. В такую-то рань. Его зовут Мерлин. Ты помнишь Мерлина, парня, которого она летом приводила домой? — Затем снова говорит прямо в трубку: — Я не узнала вашего голоса, Мерлин. Подумала, что это Джин или Гарри. Они теперь часто остаются позавтракать с Катериной. Передайте ей, что я звонила. — Она нажимает пальцем на рычажок и начинает набирать другой номер.

— Я намерен восстановить мое Общество вожатых, — говорит Гарвен. — Намерен вернуться к тому, на чем кончил. — Он намазывает маслом свою булочку, а Поль — свою. Они в полном согласии жуют и прихлебывают кофе.

— Алло, — говорит Эльза, — вам звонит графиня Янович-Хэзлет. Я хочу поговорить с мистером Мюллером, он же Киль.

— Эльза! — говорит Поль.

— С мистером Мюллером, — повторяет Эльза и, выслушав ответ, говорит: — Почему его нет на месте? Время за половину

десятого, а магазин открывается в девять. Пусть мне перезвонит. Графиня Янович-Хэзлет. Как пишется, не имеет значения, он поймет, кто звонил. — Она кладет трубку. — В чем дело? — говорит она. — Почему ты все время меня прерываешь?

— Ты не должна именовать себя графиней.

— Но это же твой титул.

— У вас имеется титул? — спрашивает Гарвен Поля.

— Мой отец был англичанином, — говорит Поль.

— Как раз этот титул, — говорит Эльза, — он наследовал от матери. По особому соизволению Елизаветы Венгерской.

— Я же от него отказался, — говорит Поль. — По крайней мере, формально я его так и не принял.

— Его мать называла себя графиней.

— В Черногории, — говорит Поль, — человек считается дворянином, если владеет двумя козами и клочком горного пастбища. У моей матери не было даже этого. Одни долги.

— Ну а я называю себя графиней, — говорит Эльза.

— Это Америка, — говорит Поль.

— Пусть называет себя графиней, — говорит Гарвен. — Раз ей от этого лучше, почему бы ей и не зваться графиней?

— Возмутительно, — говорит Поль, — как раз сейчас снова поднимать эту тему.

— Да здравствует возмущение! — говорит Эльза. — Да здравствует святое возмущение. Я продала Катерину Мюллеру на ночь за полторы тысячи долларов, и то еще продешевила.

— Она сама не понимает, что несет, — говорит Поль Гарвену.

Эльза подходит к окну, взяв с собой телефон на длинном шнуре, и придвигает кресло, чтобы можно было видеть Ист-Ривер.

— Одна изморось и кислая копоть, — говорит она, посмотрев в окно.

Поль наливает себе и Гарвену по второй чашечке кофе.

— Тебе налить еще, Эльза? — говорит он.

— Я повела Катерину в квартиру Мюллера на Западной тридцать третьей, — говорит она. — У Катерины он вызывал любопытство, она столько раз слышала от тебя, что это Киль, Киль, Киль. Вот мы и пошли, и он на кухне стал готовить обед. Он попросил Катерину помочь, и, пока она была с ним на кухне, я тихо ушла. Так что

Катерина осталась там и на обед, и на всю ночь. Я заставила его выдать мне семьсот пятьдесят долларов до и семьсот пятьдесят после, уж очень ему хотелось переспать с Катериной. Она кому попало дает, почему бы и не ему? После она заявила, будто подхватила от него сифилис. Гнусная ложь! Не с каждого, кто с ней спит, я получаю полтора куска. — Она набирает номер.

— Поппи? — говорит она. — Ну, Поппи, — говорит она, — доброе утро, как ты там?.. Знаешь последнюю новость? Поль говорит, что я не настоящая. Говорит, что я давно умерла. Это значит, что ты тоже мертвая, а Катерина и Пьер вообще не рождались на свет. Что Гарвен тоже не настоящий, иначе как он мог быть моим наставником-вожатым целых полтора года и слугой последние месяцы? А еще приятели Пьера, и приятели Катерины, и эта жуткая аналитичка Поля Анни Армитидж, и его коллеги, и мои деньги тоже не настоящие. Что ты скажешь о рецензии на постановку Пьера? Рецензия в утренней газете не настоящая, и сама пьеса, конечно, не была настоящая, но...

Поль вырывает у нее телефон и начинает говорить с княгиней Ксавериной.

— Поппи, — говорит он, — нынче утром Эльза не в себе, в этом все дело... Нет, Поппи, я не считаю, что ей следует продолжать разговор... Нет, Поппи, я и вправду не думаю, что стоит вернуть ей трубку... Ну, Поппи, как вы решите... Ну конечно, дорогая, вы настоящая. Даю вам Эльзу. — Он отдает Эльзе трубку.

Она бросает взгляд в окно на Ист-Ривер и продолжает:

— По-моему, они хотят снова упрятать меня в психушку, Поппи... Да, ты абсолютно права... Ну, ты знаешь, что я думаю о постановке. Я ведь это продемонстрировала, правда? У меня не меньше права протестовать, чем у любого другого. Хорошо, Поппи... Хорошо, да, позже поговорим. Пока.

Она кладет трубку и говорит:

— Поппи считает, что не меня, а тебя нужно отправить в психушку.

— Я ни словом не обмолвился про психушку, — говорит Поль.

— Я разговаривала с Гарвенем.

— Я ухожу, — говорит Гарвен, собирая на поднос посуду. — Получить привод в полицию по вашей милости — это уж слишком. Вчерашнего вечера мне вот как хватило.

Поль проходит за ним на кухню, и снова оттуда слышны мужские голоса. Они что-то обсуждают. Эльза начинает напевать про себя, словно неспособна объяснить причину своей грусти. Голос у нее тихий, слух безупречный. В слабом свете ее тень ложится от кресла по ковру и, хоть в этот утренний час случайно ложится под правильным углом относительно вставшего солнца, в дальнейшем на протяжении дня она наверняка не изменит этого направления, где бы ни находилась ее хозяйка.

Телефон оживает. Звонит Катерина.

— А, это ты, — говорит Эльза. — Доброе утро. Я тебе звонила... Да, знаю, у тебя там был Мерлин, он мне сказал. Я думала, Мерлин — парень Пьера, с таким-то именем. Твой отец и Гарвен обсуждают меня на кухне, нынче утром эти двое напоминают пару недовольных горничных. Да, я читала рецензию... Что ты хочешь сказать? Да, конечно, помидоры бросала я. Мне не понравилась постановка. Еще до начала спектакля я уже знала, что не понравится... Что ж, рада, что ты меня понимаешь. Полиция замела Гарвена в участок, но отпустила в два часа ночи, поэтому мне не понятно, на что ему жаловаться. Я плачу ему немалые деньги.

Он заявляет, что уходит. Хорошо бы... Нет, Пьер не появлялся и не звонил. Думаю, вся эта затея успела ему надоесть. А твой отец говорит мне, что я не настоящая, что в свое время я умерла и он вернул меня из могилы... Да, он говорил это раньше, но теперь начинает заново... Слушай, сейчас только восемнадцатое, на что у тебя уходят деньги? Хорошо, но тебе следует жить на те деньги, что тебе выделяются. И эти твои мужики, один за другим, неужели среди них нет никого с деньгами? Мне не денег жалко, дело в принципе... То есть сегодня? Нет, не могу. Позвоню тебе позже и сообщу. Ты можешь забрать чек, я оставлю его внизу, если буду выходить. Позвоню позже. Пока.

Возвращается Поль, Гарвен идет следом.

— Я только что разговаривала с Катериной, — говорит Эльза. — Кто-нибудь из вас слышал наш разговор?

— Я нет, — говорит Гарвен.

— Я тоже, — говорит Поль. — А что?

— Я всего лишь задавалась вопросом, настоящая я или нет. Воображаемые лица не могут вести телефонные разговоры вне сознания воображающих.

— Кто сказал, что ты воображаемая? — говорит Поль. — Жаль, что это не так.

— Вот и прекрасно. Значит, все мы настоящие?

Поль смотрит на ее тень и говорит:

— Ты стала настоящей. В этом все дело.

— Поль дошел до точки, и неудивительно, — говорит Гарвен.

— Тогда почему он не ляжет в больницу отдохнуть? — говорит Эльза.

— Мы тут подумали, Эльза, что вы могли бы решить подлечиться в другой больнице, про которую я знаю, она лучше, намного лучше прежней и совсем рядом, на Манхэттене, так что дети смогут каждый день вас проведывать. И Поль сможет. Там вы будете свободно приходить и уходить по собственному желанию. А если вам там не понравится, то в любую минуту сможете выписаться.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — говорит Эльза. — У меня хорошая удобная квартира. Зачем мне сдалась какая-то клиника?

— Свободно уходить, — говорит Гарвен, — когда захочется, и...

— Только когда мне захочется, уйти будет трудно. Стоит мне там очутиться, как вы сможете предъявить свои надуманные доказательства и поставить меня перед выбором: либо я остаюсь добровольно, либо меня помещают в сумасшедший дом. Я не за-

была моего прежнего аналитика в больнице на Лонг-Айленде. Он все время твердил «Или здесь, Эльза, или в Бельвью»*. Нет уж, второго раза не будет. К тому же он погиб в автокатастрофе. И поделом.

— Эльза! — говорит Поль. — Это была трагедия. Он был очень хорошим психоаналитиком.

— Но так и не заметил моей роскошной тени.

— С какой стати ему было ее замечать? На тени не смотрят. Гарвен совершенно случайно...

— О нет, случай здесь ни при чем, — говорит Гарвен. — Просто я необычайно, удивительно наблюдателен.

— Это я и хотел сказать, Гарвен, — говорит Поль.

— Всякий, кому укажут на эту тень, — говорит Гарвен, — то есть всякий разбирающийся, например, в области парапсихологии, будет склонен признать, что Эльзу следовало бы изолировать для наблюдения.

— Знаю, — говорит Эльза, — что моя тень может стоять целое состояние. Но это гипотеза.

* Бельвью — известная психиатрическая клиника в Нью-Йорке.

тетически. К счастью, у меня есть деньги, и не гипотетические, а самые настоящие. Я могу купить кого угодно, в том числе вас.

— Здесь слишком жарко, — говорит Польш. — Я намерен исправить батареи, чтобы жить при умеренной температуре.

Звонит телефон. Эльза берет трубку.

— Алло. О, это вы. Я звонила вам в магазин, но вас еще не было. Вы откуда звоните? Правда? Зачем?.. Я тут поговорила с мужем и дворецким. Муж по-прежнему считает вас шпионом Гельмутом Килем. Должна сказать, что вы действительно на него похожи. Только мы с ним были знакомы в далеком тысяча девятьсот сорок четвертом году, и он бы за эти годы постарел, верно? Муж думает, что я состояла в связи...

— Эльза! — говорит Польш.

— Мой муж — настоящий граф, — продолжает Эльза. — Дворецкий считает меня полоумной и грозит взять расчет. Что вы делаете нынешним вечером?

Польш выхватывает у нее телефон и с треском хлопает на рычаг.

— Гарвен, — говорит Эльза, — поднимите с пола газету, она нарушает общий порядок. Уборщицы сегодня не будет, так что

вам придется справляться одному. Я выйду, мне нужно вернуть драгоценности «Ван Клифу».

— В сорок четвертом, — говорит Поль, — ты была милой и довольно мягкой.

Затененная своей тенью, она пересекает комнату по ковру. Вскоре из ее спальни доносятся звуки выдвигаемых и закрываемых ящичков, и наконец она деловой походкой покидает квартиру в доме на Ист-Ривер, а Гарвен и Поль остаются вдвоем в душливой жаре зимнего утра.

— А знаете, Поль, — говорит Гарвен, глядя на Поля, сидящего с газетой в руке, — вы человек интересный. Вы сами могли бы стать объектом изучения.

— В каком смысле? — говорит Поль, поднимая взгляд. «Теперь он за меня берется, — говорит он про себя, впадая в панику. — Теперь ему нужен я». — Не будем отвлекаться от Эльзы, — говорит он. — В ней наша проблема. Все мое время. Как мы согласились на кухне, худший враг Эльзы — она сама и лучшим для нее было бы сменить обстановку. Она...

— Интересный человек, — бормочет Гарвен.

* * *

Она топает ногой и говорит:

— В самый раз, но какой у них жуткий вид.

— Вам нужно иметь больше сапожек, Эльза, — говорит он. — Все носят сапожки, с этим ничего не поделаешь.

— Вообще-то, Гельмут, я нечасто делаю то, что делают все. К тому же и погода идет на потепление.

— Понимаю, понимаю.

— Мне нужно посоветоваться с мужем, — говорит она.

— Он здесь вчера был. Зашел поздороваться.

— Зашел прямо в магазин? Поль? Зачем?

— Попытался назначить мне свидание, — говорит продавец. — Он не захотел называть меня Мюллером, все время называл Килем. Попытался назначить свидание на вечер, но я ему сказал, что я не такой.

— Пьер, должно быть, унаследовал эту склонность от отца, — говорит Эльза.

— Ваш муж, — говорит продавец, тщательно выговаривая слова, — находится под впечатлением, будто в сорок четвертом году у меня с ним была нежная встреча, и он хочет повторить связь в порядке эксперимента, чтобы удостовериться, кто я такой. Я, од-

нако, объяснил, что в сорок четвертом меня еще на свете не было.

— Вы лгун, — говорит Эльза. — Вы прекрасно знаете, Гельмут, что в сорок четвертом году были с нами в Англии, в Комплексе.

— В нашем положении, — говорит Гельмут Киль, — лгать невозможно. Хотите, я отложу сапожки, чтобы вы еще подумали, а хотите — отправлю вас домой, чтобы вы показали их мужу?

— Отправьте домой, — говорит Эльза. — Текст напишите на подметках.

Он кивает. Она смеется.

— Так вы назначили Полю встречу? — говорит она.

— Нет. Но он говорит, что попытается снова. — Он перешагивает через ее тень и открывает ей дверь.

Она сидит у окна и глядит на Ист-Ривер.

— Гарвен, — говорит Поль, — опасен. Он ходит за мной как тень.

— Я хочу выпить, — говорит она. — Сходи за льдом.

— Гарвен для меня опасен. Тебе трудно самой сходить? С утра до вечера просиживаешь у этого грёбаного окна, когда я в опас-

ности. — Слово «грёбанный» он произносит как «гробанный».

— Сперва был Киль, теперь Гарвен. Тебе вечно кто-то грозит.

— Гарвен теперь против меня. По крайней мере, говорит, что заинтересовался мной, — говорит Поль. — Когда такой тип говорит, что интересуется тобой, это опасно. Не сулит ничего хорошего.

Эльза начинает смеяться, словно за компанию с Пустотой за окном высоко над Ист-Ривер.

— Он говорил, что намерен от нас уйти, но так и не ушел. Я спрашивала себя почему. Теперь я знаю, — говорит она небу.

— Эльза, — говорит он, прислушиваясь, — дверь открывают ключом.

— Знаю, — говорит она. — В чем дело?

— Грядет Гарвен, — говорит Поль.

— Ну так иди на кухню и сговаривайся с ним против меня. Наколи льда. Пригласи его с нами выпить. Скажи, что поругался со мной.

— Весь день ходит за мной по пятам. — Поль выходит, его шаги удаляются по коридору в направлении кухни. С такого расстояния его голос доходит монотонным жужжанием, как и голос Гарвена.

Эльза встает, ее тень темным силуэтом падает на запад, хотя солнце садится в западном окне. Она подходит к телефонному столику, берет аппарат и несет его к креслу у окна, волоча за собой длинный черный шнур. Она набирает номер, когда входят Гарвен и Поль, первый с подносом льда, второй с ведерком.

— Мисс Армитидж? — говорит она.

— Эльза! — говорит Поль.

— Мисс Армитидж, — говорит Эльза, — я звоню по поручению графа Яновича-Хэзлета. Говорит графиня Янович-Хэзлет. Граф просит передать, что, если вы соблаговолите заглянуть к нам на бокал вина, мы будем рады вас видеть... О да, он рядом. Минуточку... — Она дает Полю трубку.

— Анни, — говорит он, — тут непредвиденные обстоятельства. Да, разумеется, она этого хочет... Нет, Анни, последнее время мы очень воспитаны и нам скрывать нечего. Я... — Эльза вырывает у него трубку.

Гарвен говорит:

— Надеюсь, мы не будем устраивать сцену.

Эльза говорит:

— Вот придете — я прочитаю вам стихи дочери про вас и Поля. Наша дочь Катерина

очень, знаете, талантлива... О да, мисс Армитидж, мы, кажется, и вправду встречались в обувном магазине... Да, но это было какое-то недоразумение. Вы психолог-аналитик моего мужа, да, я знаю... Но мы будем безумно рады повидаться с вами просто по-дружески. Надо было пригласить вас заранее, но Поль... Как мило. Значит, мы ждем вас очень скоро. — Она кладет трубку на рычаг.

— Поль, ты ужасно выглядишь, тебе нужно выпить. Она сказала, что будет моментально, что, по-моему, грамматически неправильно, если только она не имела в виду, что намерена прийти всего на один момент, что грамматически правильной. Когда люди учатся по словарю Вебстера, очень трудно бывает понять, что именно они имеют в виду. Поль, тебе плохо?

— В этом не было необходимости, — говорит Поль.

— Мне водки с лимоном, — говорит Эльза. — Займитесь этим, Гарвен. И не экономьте на водке.

Поль срывается на крик.

— Гарвен, — кричит он, — вы считаетесь профессионалом. Что вы рассказали Элизе об Анни Армитидж?

— Первый раз о ней слышу, — говорит Гарвен. — И уж тем более сам про нее не рассказывал. Буду очень рад познакомиться с вашим психоаналитиком, Поль. Мне казалось, мы с вами пришли к соглашению, Поль, но, похоже, пришли к конфликту. — Голос Гарвена срывается от возбуждения. — Не нужно повышать на меня голос.

— Гарвен сейчас сломается, заплачет, — говорит Эльза.

— Это не имеет значения, — говорит Поль, — ведь вы не настоящие, все до одного.

— Моя дочь, как бы это лучше сказать, несколько туповата, — объясняет Эльза, извлекая из сумочки листок бумаги. Она отворачивается от окна и смотрит на мисс Армитидж.

— Вы говорили, что она способная, — говорит мисс Армитидж. — Я это отметила.

— Я сказала, что она талантлива, но не говорила, что она использует свой талант, — говорит Эльза. — Послушайте. — Она читает:

Начиная жизнь другую,
Разлюбил свою жену я.
Анни Армитидж пригожа,
С ней хочу делить я ложе.

Всего минутку, мисс Армитидж, не...

— Я не стану этого слушать, — говорит мисс Армитидж и со стуком ставит стакан на столик.

— Эльза! — в один голос говорят Гарвен и Поль.

— Позвольте мне закончить — всего один глупенький стишок:

Женушке за тридцать пять,
Мне обрыдло с нею спать.
Анни Армитидж моложе,
С ней делить приятно ложе.

Мило, не правда ли?

Эльза складывает бумажку с глуповатой улыбкой.

— Она не настоящая, Анни, — говорит Поль. — Разве я не говорил тебе? Не твердил много лет? Я ее выдумал. Я вызвал ее на свет из могилы. Она мертвая, как и все с нею связанное. Посмотрите на ее тень!

— Нет, Поль, — говорит Гарвен и быстро становится вровень с Эльзой, чтобы закрыть ее тень. — Это не профессионально. Как психоаналитик Эльзы, я протестую.

— Я не понимаю, из-за чего столько шума, мисс Армитидж, — говорит Эльза.

Мисс Армитидж порывается уйти, но Поль ей не дает, продолжая называть про-

исходящее проявлением общего состояния нереальности.

— Она компетентный врач? — спрашивает Эльза. — Может, к ней следует обращаться «доктор»?

— Что я вам говорил все эти годы, Анни? — говорит Поль. — Она представляет собой развитие идеи, и только. Она больше не моя оригинальная концепция. Она зажила собственной жизнью. Она нелепа. Она умерла милой молодой англичанкой, очень милой, уж вы мне поверьте.

— «Милой» — вот уж нелепость. Всем нелепостям нелепость, — наконец вздыхает мисс Армитидж. — Она уже один раз меня оскорбила. Не нужно было мне сюда приходить.

— Ей за это платят, — рассеянно говорит Эльза. — Поль, разве ты не платишь своему доктору? Может, мне следует обращаться к ней — «доктор»?.. Может...

— Мои пациенты называют меня Анни, — вопит Анни. — Просто Анни. У нас так принято. Все мои пациенты называют меня, а я их по имени.

— Анни, посмотрите на ее тень, — говорит Поль. — Гарвен, сойдите с Эльзиной тени.

Эльза отходит.

— К чертям ее тень, — говорит Анни. — У нас и без нее хватает проблем в этом городе. Мы уже имеем молодежную проблему, проблему расизма, проблему распределения доходов, политическую проблему, экономическую проблему, проблему преступности, матримониальную проблему, экологическую проблему, проблему разводов, жилищную проблему, проблему потребления, проблему рождаемости, проблему среднего возраста, проблему здоровья, половую проблему, проблему тюрем, проблему образования, проблему налогообложения, проблему безработицы, проблему физиопсиходинамики, проблему гомосексуальности, транспортную проблему, проблему гетеросексуальности, проблему ожирения, проблему мусора, проблему женской эмансипации, проблему ренты, проблему личности, проблему бисексуальности, проблему женоубийства, пенсионную проблему, проблему алкоголизма, проблему доходов от прироста капитала, проблему антропоэгалитаризма, проблему трисексуальности, проблему наркотиков, проблему гражданской культуры и зрелищ, но это уже по другой части, про...

— Там внизу, у здания Объединенных Наций, — говорит Эльза, — выступают три полицейских, совсем голые, в одних фуражках — чтобы было понятно, что они полицейские. За что, интересно, они выступают?

Гарвен выглядывает в окно.

— Похоже, она права, — говорит он. — На огромном транспаранте написано «Полицейские за справедливое к себе отношение». Их активно поддерживает толпа полицейских, окружила со всех сторон, перекрыла переход через улицу.

Шум демонстрации доносится до квартиры.

— Это проблема полиции, — говорит Эльза. — Вы забыли упомянуть проблему полиции, доктор Армитидж.

— Я включила ее по умолчанию, — говорит Анни и снова вытягивает шею, чтобы видеть происходящее внизу.

— Нет, не включили, — говорит Эльза.

— Эльза! — говорит Пьер.

— Знаю, что вы имеете в виду под ее тенью, — зло говорит Анни. Она поочередно смотрит на тень каждого и возвращается взглядом к Эльзе. Затем поворачивается к Гарвену и спрашивает: — Вы ее психоаналитик, сэр?

— Да, Анни, — смиренно говорит тот. — Как приятно познакомиться с коллегой, Анни.

— Почему бы вам не отвезти меня домой? — говорит Анни. — Эта квартира перегрета, вся эта инфрапаранормальность действует на нервы. Мы сможем обсудить у меня наши проблемы.

— Гарвен утратил монополию на мою тень, — говорит Эльза в сторону окна, а Гарвен, подхватив Анни под локоть, потихоньку отходит к двери.

— Где ваше пальто? — говорит Гарвен.

— Им придется договориться, — говорит Эльза. — Поровну поделить доход от моей тени. Я знала, что этим кончится, когда она увидела тень в обувном магазине.

Поль глядит вниз на демонстрацию полицейских:

— Если полиция начинает протестовать нагишом, это полный конец. Надеждам... всему. И это участок Сорок восьмой улицы.

— Они подхватят пневмонию, — говорит Эльза.

— Смотри, они начинают одеваться, — говорит Поль.

— Да, смотри, натягивают штаны.

— Вечером увидим по телевизору, — говорит Поль. — Слегка подрезанную версию.

— Да, смотри, операторы пакуют камеры и отъезжают. Ребята просто позировали для съемки.

Входная дверь с щелчком захлопывается за Гарвеном и Анни.

— Позвони в мясной ресторан, — говорит Эльза, — и закажи на половину девятого ужин с доставкой на дом.

— Увидим все в новостях, — говорит Поль, — или хотя бы частично.

— Она упустила проблему смертности, — говорит Эльза.

7

— Шотландского, — говорит Поль. Он с довольно несчастным видом сидит за столиком в полутьме задней комнаты бара, откуда, почти неразличимый, может видеть компанию, за которой наблюдает.

— Со льдом? — говорит официант.

— Со льдом, — говорит Поль.

— Нью-Йорк — забавный город, — говорит официант, легко разворачивается, держа поднос на уровне плеча, и на ходу под-

хватывает пустые стаканы с соседнего столика.

Время приближается к половине десятого вечера. Музыканты передохнули и теперь заиграли снова. Крупный седой мужчина с охряного цвета бугристым лицом в глубоких складках играет на пианино — музыкант старой школы из Нового Орлеана. Коротышка с рыжими усиками и в клетчатой паре играет на тромбоне, а молодой толстяк в белой мешковатой рубашке и серых мешковатых штанах с привычной скукой набившего руку ударника отбивает ритм на барабанах. Эта музыка раннего джаза, быстрая и пронзительно резкая, судя по всему, совсем не зажигает Поля. Он выкладывает на столик деньги за выпивку, не отрывая глаз от четырех человек, что сидят в ярко освещенной передней комнате заведения, близко к стойке и оркестрику. Эльза с княгиней Ксавериной и двое мужчин. Один, несомненно, — Мюллер из обувного магазина. Не Мюллер, а Киль, думает Поль. Что бы они ни говорили, я уверен почти на сто процентов. Лед в его стакане понемногу тает. Он цедит виски и прикидывает, кем может быть второй мужчина за столиком Эльзы.

Это лицо он видел совсем недавно. Где я мог его видеть, думает Поль, в последние дни? Помятое староватое лицо на долговздой фигуре? Может, я видел его давным-давно, мы могли познакомиться в другом месте, в другое время, в другой стране и при других обстоятельствах. Внезапно ему вспоминается Майлз Бантинг. Он совсем недавно играл Питера Пэна в постановке Пьера — в первом и единственном ее представлении. Майлз Бантинг из Комплекса военных лет, тогда он был статным красивым офицером разведки.

Поль цедит виски, в котором плавают ледяные облатки, и посматривает на компанию. Они взяли все под контроль, думает он. Этого я совсем не хотел. Этот бар мог бы взлететь на воздух и покончить с ними со всеми. Но нет, не взлетит.

Как белы полуночные поля за Комплексом под прибывающей луной! Майлз Бантинг выходит из времянки. На белом его лице черные брови выделяются меховой вставкой. За полуоткрытой дверью времянки видна сидящая Эльза. Она плачет, положив руки на стоящую перед ней пишущую машинку.

Время — день. Эльза идет к нему по дороге в сопровождении Поппи Ксавериной. На Эльзе выцветшее синее платье, загорелые руки качаются в такт шагам, она несет корзинку ежевики. Княгиня Ксаверина грузной походкой шествует рядом в мешковатых штанах, какие носит всю войну.

— Вот и Поль, — говорит Эльза.

— Что будете с этим делать? — говорит он, показывая на ягоды.

— Варить варенье, — говорит Эльза.

— А где сахар возьмете? — говорит Поль.

— Из моего пайка на следующий месяц, и еще один пакет обещает Поппи из своей благотворительной посылки. Нам не хватает только банок. У нас ни одной баночки под варенье.

Они с Эльзой в кабинете, где полковник Тилден, офицер службы безопасности, сидит за своим столом, а вместо телохранителя у него — картотечный шкаф, набитый информацией о людях, которые безумно бы ей удивились — настолько точными и вместе с тем одиночными и бессвязными предстают в ней мертвые факты и фактики.

Здесь, в сельской Англии, не слышен визг падающих на Лондон управляемых бомб. Штаб службы безопасности располагается

в домике в парке большого особняка. Домик окружен живой изгородью, которая аккуратно подстрижена несмотря на нехватку садовников. Впрочем, садовника здесь едва ли увидишь. Паркетные полы и деревянные лестницы не ухожены так, как в мирное время, однако ж подметены и протерты. Кто подметает и протирает — неизвестно, потому что днем уборщицу здесь не увидишь. Здесь ежедневно царствует Пуританское Воскресенье. Сотрудники службы безопасности передвигаются степенно, если говорят, то согласные произносят четко, как учитель красноречия, ходят размеренным шагом и когда изредка закуривают, то следят, чтобы на пол не упало ни крошки пепла.

Здесь, в зеленой английской глубинке, этой весной сорок четвертого года абсолютно невинный человек способен впасть в панику. Лучше уж очутиться в лагере для военнопленных в зеленой глубинке Германии со своим подразделением, чтобы всем вместе. Поль обкатывает в голове эту мысль. Лучше уж в армии, которая готовится к вторжению, прикидывать, что тебя, возможно, ждет гибель. Не так уж безумно страшно трястись и болтаться по полю в

конвойном броневике и встретить внезапную смерть. Все лучше, чем, хоронясь в укрытии как крот в норе, вести секретную работу под всезнающим оком этих подлиз в военной форме или в чистых коричневых брюках из рубчатого вельвета. Входит полковник Тилден, глава службы безопасности. Здоровается с ними за руку. Извиняется за вызов. Пододвигает к себе стул и садится. Вступление к Первому акту.

После последнего раза, что Поля сюда вызвали, Эльзу тоже допрашивали в одиночку. После месячного перерыва речь, судя по всему, пойдет все о том же Киле. Но на этот раз их неожиданно вызвали вместе. Ну прямо церемония бракосочетания, настолько близкими делает их понимание того, что офицеру безопасности плевать, разделяют их или нет его вопросы. Его интересует только и исключительно Киль. Ему вовсе не важно, думает Поль, улавливая чувство страха, излучаемое Эльзой, которая сидит на противоположном углу письменного стола полковника Тилдена вполоборота к каждому из мужчин, ему вовсе не важно, что было между нею и Килем и кем для меня был Киль. Ему важно лишь то, что нас вызвали без предупреждения, чтобы мы не

успели заранее договориться. Но это многого стоит, думает Поль, неожиданно выяснить, насколько мы доверяем друг другу. В конечном счете это многого стоит...

— Тут у нас один или два нерешенных вопроса... — Полковник Тилден дергает ручку правого ящика письменного стола. Ящик не выдвигается. Полковник издает извиняющийся смешок: — Вечно забываю, что он закрыт. — Он тянется к стоящему за спиной столику и берет зеленую, военного образца, небольшую металлическую коробку. Ставит ее перед собой отработанным жестом. Открывает таинственный ларец, который оказывается не чем иным, как картотекой. Запустив пальцы за последнюю карточку, он извлекает ключ, отпирает им закрытый ящик и произносит с улыбкой: — Теперь вы знаете, где у нас хранится ключ ко всем тайнам. — Он выдвигает ящик, вынимает папку и кладет перед собой, передергивает руками, чтоб не жало под мышками, раскрывает папку и приступает к делу.

Нас он принимает за школьников, думает Поль, потому что у него самого ум школьника. Полковник Тилден лично привел Килл в Комплекс и теперь пытается составить

рапорт на основе массы запутанных и не имеющих прямого отношения к делу деталей, чтобы отвлечь внимание от того факта, что Киль его провел.

— Вы оба нередко видели его одного, — говорит полковник. — Вы часто встречались с ним вместе?

— Да, довольно часто, — говорит Поль, — и, разумеется, в обществе других тоже.

— Нам приходилось работать с ним, — говорит Эльза.

— Да, да, я знаю. И вы двое работаете в разных сменах. Вам случалось вместе встречаться с ним в нерабочее время? Не порознь, а вдвоем?

— Мы встретили его в деревне незадолго до его отбытия, — говорит Эльза. — Мне так кажется.

— Да, встретили его дней за десять... Дайте подумать, да, за неделю с лишним до его отъезда. Встретили его в деревне около трех часов дня и задержались минут на пять поболтать, вот и все.

— О чем вы разговаривали?

— Хоть убей, не помню, — говорит Поль. — А ты?

— Нет, — говорит Эльза, — мы просто болтали, всем было весело.

— Во всяком случае, ничего серьезного сказано не было, а то бы мы запомнили, — говорит Поль. Он и вправду пытается припомнить, о чем они с Эльзой говорили с Килем в тот день, когда повстречали его на деревенской улице.

— С Килем кто-нибудь был?

— Нет, должно быть, в тот день он имел разрешение на самостоятельную прогулку.

— Он был в радостном настроении?

— Он был вполне веселым, — говорит Эльза, и это чистая правда. — Полковник Тилден, не пошевелив пальцем и не изменив выражения, но промолчав после ответа Эльзы на три секунды дольше, чем они ожидают, дает понять, что не считает это правдой.

— Веселым? — продолжает он.

— Да, — говорит Поль. — Я, по крайней мере, помню, что погода в тот день стояла прекрасная и не было никаких видимых оснований для уныния.

Полковник Тилден что-то коротко записывает в блокноте крохотными значками. Поль приказывает себе не смотреть на это, да и Эльза вежливо отводит взгляд от блокнота. Вполне очевидно, что полковник оставляет напоминание — не забыть проверить,

стояла ли хорошая погода за десять дней до отбытия Килья или тогда шел дождь?

— Насчет даты трудно сказать с уверенностью, — говорит Поль.

Полковник, скрестив на груди руки, откидывается на спинку стула.

— Красивый парень, этот Киль, вы не находите? — говорит он, адресуясь к Полю.

— Очень красивый, — говорит Поль. — Хотя сейчас на рекламу здорового завтрака.

Полковник облегченно смеется и смотрит на Эльзу:

— А вы что о нем скажете?

— По-моему, для немца он какой-то странный, — говорит Эльза.

— В каком смысле?

— У него странное чувство юмора, — говорит она. — Можно подумать, он ни к чему не относится серьезно.

— Видимо, все же относится, — говорит Тилден, перелистывая бумажки в досье.

Как же с нерешенными вопросами, какие ему нужно решить? — думает Поль. Когда же он к ним перейдет?

Но очевидно, нерешенным вопросам полковника Тилдена выпала судьба обретаться в туманном космосе. Он понимает, что своими вопросами ему не поставить эту пару в

тупик. На его лице разом проступает усталость, видно, что проблема его измотала. Он перебирает страницы досье и вздыхает. В конце концов ему приходится взять на себя ответственность за Киля. Он без особого интереса сопоставляет сказанное ими сегодня со сказанным каждым в отдельности ранее.

К Эльзе:

— Вы ходили с ним на прогулки. Не замечали за ним никаких странностей?

— Нет, — говорит Эльза. — Как-то раз он в час ночи, между двумя вещаниями, взобрался на ореховое дерево, но мне показалось — из озорства, а не из-за болезни.

— Да, вы мне это рассказывали.

К Полю:

— Вы ведь тогда с ним подрались, верно?

— Да, — говорит Поль, — но я уже объяснял, что к работе это не имело никакого отношения. Такое случается, когда приходится сотрудничать в рамках тесной группы.

— Вот именно, — говорит Тилден. Он отказывается от борьбы и прощается с ними, они уходят.

Они натягивают поношенные плащи и идут, ведя велосипеды, по парковой дорожке, что

соединяет штаб службы безопасности с главной подъездной дорогой. Они под открытым небом, и рядом нет ни души, но инстинкт приказывает им хранить молчание, пока они не минуют калитку в изгороди, отделяющей участок Комплекса от сельской местности.

Но и на асфальтовой дорожке они не садятся на велосипеды. По обеим ее сторонам стоят платаны, стряхивая с листьев светящиеся капли дождя. Они идут не спеша. Мы бы могли, размышляет Поль, искренне поговорить о Киле, если б не было нынешней встречи. Теперь же это воспаленная тема. Я, вероятно, так и не узнаю, кем для нее был Киль, а ей всю жизнь предстоит задаваться вопросом, был ли Киль для меня чем-то важным. Но в конце-то концов от всех этих вопрошаний, отказов и опровержений будет отдавать чем-то русским. Киль свое слово сказал. И только Богу ведомо, что Киль сказал о нас.

Эльза простодушно говорит:

— Можно подумать, у него были причины натравить нас друг на друга, когда он выпрашивал нас вдвоем о Киле.

— Не думаю, что ему были важны наши чувства, — говорит Поль. — Тилдену всего

лишь требовалась информация, а если его вопросы ставили нас в неловкое положение, ему было на это плевать. Я-то его понимаю. Ему положено по службе быть безжалостным.

— Очень сложно, — говорит Эльза.

Поль кричит про себя: «Помогите! Помогите! Не хочу слышать, не хочу знать ее историю, какой бы та ни была». Он говорит:

— Киль нет. Забудь его.

— Да, но всем любопытно узнать, что с ним.

— Думаю, рано или поздно узнают.

Они доходят до парковых ворот, сажаются на велосипеды и едут в Комплекс под теплым дождем.

— Я тебе вот что скажу, — говорит Поль. — Шпион там Киль или нет, но он подлец.

— Вероятно, он в глубине души патриот Германии, — говорит она. — Вероятно, считает, что это его оправдывает.

— Немец или зулус, — говорит Поль, — если он и сделал в жизни что хорошее, так по недосмотру.

Дождь прекращается. У моста они слезают с велосипедов и какое-то время стоят, глядя на покрытое галькой речное дно. После отбытия Киль Поль поменял рабочие

часы, чтобы они совпадали с Эльзиными. С четырех дня до полуночи. Киля нет, но как знать, не будет ли другого? Он думает о работающих в Комплексе мужчинах — англичанах, беженцах и немецких пленных. Возможно, думает он, никто из них неспособен заменить женщине Киля, разве что Майлз Бантинг, но Эльза с ним не очень-то ладит. Может, никто, но как знать?

— Не переживай, Поль, — неожиданно говорит Эльза. — Килю никто не поверит, ни единому его слову. Люди не дураки.

— Выбрось Киля из головы, он для нас всего лишь пустой звук.

Он сидит за столиком в полумраке бара на Западной пятьдесят пятой улице.

— Повторите, — говорит он официанту.

— Что у вас было?

— Шотландский виски со льдом, — говорит он. Он отодвигает в сторону тарелку с маринованными огурчиками, которую принес официант. Музыканты отдыхают. Бар уже наполовину полон, двойные двери впускают время от времени новую порцию клиентов, те останавливаются, войдя, и обводят помещение взглядом, высматривая удобные свободные столики или, возможно, зна-

комых. Поль пытается уловить слухом среди всеобщей болтовни, смеха и стекольного перезвона звуки, доносящиеся от столика в центре, где сидит Эльза с княгиней Ксавериной, Майлзом Бантингом и то ли Мюллером, то ли Килем. Княгиня сидит спиной к Полю и оживленно беседует, поворачиваясь то влево, то вправо; ее меховые накидки свисают со спинки кресла. Поль следит за губами трех других, напрягается, чтобы уловить слова, но ничего не удается расслышать.

Официант подходит к ним принять заказ — они идут по второму кругу. Эльза потягивает миндальный ликер и смеется. Она смотрит прямо на Поля, но, кажется, не видит его. На ней ее новое красное платье и в тон ему короткое пальто, на спинке ее кресла висит соболья шубка, загадочный великолепный мех растекается по коричневому атласу подкладки. Где она раздобыла деньги?

Где? И что она делает в этом месте и в это время? Человеку положено сперва жить, потом умирать, а не умирать и только потом жить; всему свое время.

Приносят напитки, Майлз Бантинг платит за всех. Сам он пьет пиво. Перед Килем ставят темный шотландский виски или бур-

бон и шипящую бутылочку содовой. Напиток Эльзы как обычно прозрачен — водка или джин, к нему подана маленькая бутылочка тоника с желтой этикеткой. Княгиня заказала нечто непонятное красно-коричневого цвета. Официант вытирает со столлика пролившиеся капли, перекидывает салфетку через другую руку и идет к следующим клиентам.

Майлз Бантинг поднимает кружку и улыбается Эльзе улыбкой, в какой под слоем стареющей плоти на миг проступают угловатые нервные черты молодого лица. Но почему он поднимает тост за Эльзу? Он всегда недолюбливал Эльзу, она его боялась. Он постоянно ее унижал. Перед Полем снова возникают картины: Эльза сидит за пишущей машинкой во времянке и плачет, Майлз Бантинг выходит из двери на погруженную в лунный свет территорию Комплекса. В этом прошлом не было и намека на будущее. Откуда оно такое взялось? Поль считает, им придется возвратиться к мертвым, они все обязаны возвратиться. Диксиленд обрушивается раскатом грома. Ударник бьет по барабану и тарелкам, удары по клавишам ввинчиваются в кровоток, посетители либо замолкают, либо начинают

орать во всю глотку. Эльза облакачивается о стол, упирает подбородок в ладонь и обводит мечтательным взглядом своих спутников одного за другим.

В дверях появляются новые посетители, озираются и выходят, убедившись, что места им не хватит. Когда они выходят, в бар протискивается мужчина в плаще с воротником из овчины. Увидев столик компании, он улыбается, идет напрямик к нему и, придвинув кресло, присоединяется к остальным. Он молчит, но поясняет знаками, что из-за оглушительной музыки его не будет слышно.

Входит молодая пара, они садятся за столик к Полю. Он вежливо передвигает кресло, чтобы дать место женщине, затем тревожно приглядывается к парочке, робея от какого-то непонятного страха. «Видел ли я их раньше? Они тоже часть моей жизни?» Поль пододвигает стакан поближе к себе. Пара ему решительно незнакома. Он возвращается взглядом к столику Эльзы. А вот мужчину в плаще, который только что вошел, Поль узнает. Поль узнал его, как только тот появился в дверях. Полковник Тилден. Тилден здесь, в баре в сердце Манхэттена, сидит теперь рядом с Эльзой и ожив-

ленно с ней разговаривает, словно виделся с ней на прошлой неделе и на позапрошлой тоже.

Музыка смолкает. Поль встает и подходит к столику Эльзы. Она говорит:

— Сын у меня эстет, а дочь — дочь пока не решила.

Майлз Бантинг поднимает глаза на Поля.

— Смотрите, кто пришел! — говорит он.

— Поль, — говорит княгиня.

— Поль, — говорит Эльза.

— Потеснитесь, чтобы Полю было где сесть, — говорит княгиня Ксаверина, — и принесите еще одно кресло.

— Идем, — говорит Поль жене. — Идем, любимая, они все мертвецы. — Он проти-скивается мимо соседнего столика, чтобы добраться до Эльзиных соболей, набрасывает пальто ей на плечи и тянет за руку, поднимая на ноги. — Смерть — это наркотик, — говорит он, — ты к ней пристрастишься.

— Вы всегда твердили, что после войны переберетесь в Америку, — говорит полковник Тилден. — И перебрались. Не думал, что у вас это получится.

Эльза с легким смешком надевает пальто.

— Ты уходишь, Эльза? — говорит княгиня. — Не могу я тебя подвезти? Моя маши-

на приедет в половине одиннадцатого. Тебе куда нужно? На улицах сейчас небезопасно.

Поль ведет Эльзу к дверям, держа за руку. На выходе он задерживается забрать свое пальто. Пока он надевает пальто, она терпеливо ждет, улыбаясь только что покинутому столику с очень довольным видом. Поль берет ее под руку, и они выходят на Западную пятьдесят вторую улицу.

— Если пройдем до Пятой, там сможем поймать такси, — говорит Поль.

На углу Шестой авеню они останавливаются у светофора.

— Знаешь, по-моему, эти типы идут за нами, — говорит Эльза, даже не оглянувшись.

Поль оборачивается. Компания сгрудилась на тротуаре перед баром. В этот миг появляется «роллс-ройс» княгини Ксавериной, и Поль видит, как машина останавливается перед баром и выходит шофер. Княгиню со всеми ее нарядками втискивают внутрь и усаживают на заднем сиденье. Мужчины влезают гурьбой, не взглянув в направлении Поля. Шофер возвращается на свое место и ведет машину на запад по улице с односторонним движением в сторону Седьмой авеню.

Поль вновь поворачивается к Эльзе и берет ее под руку.

— Не думаю, чтобы они нас преследовали. Даже не посмотрели. Они уехали, — говорит он. Но снова останавливается поглядеть, свернет ли машина за угол на Седьмой авеню. Машина сворачивает.

Он берет Эльзу под руку.

— Не исключено, что они обогнут квартал, чтобы выехать нам навстречу, — говорит Поль. Светофор на Шестой авеню дает зеленый свет, и они быстро переходят улицу, он поддерживает ее за локоть, она весело подпрыгивает. На противоположном тротуаре она говорит:

— Конечно, они нас будут преследовать. — Но не оборачивается.

Не отпуская ее руки, Поль останавливается у залитого ярким светом портала.

— Можно сюда зайти и переждать. Здесь, похоже, какое-то ночное заведение, — говорит он.

Название заведения — «Куль личности» — высвечено розовато-лиловыми и зелеными огнями. За входом покрытая синим ковром лестница ведет в подвал; в ее конце мужчина в вечернем костюме принимает деньги.

Зеркальные стены отражают Эльзу и Польша в приглушенном розовом свете. Их направляют в гардероб, затем к капельдинеру, который распахивает перед ними залитую розовым светом блестящую дверь. Польша подталкивает Эльзу вперед следом за служащим. Их встречает взрыв красок, звуков и движения. Польша на секунду останавливается проморгаться, Эльза поворачивается и подзывает его кивком. Он подходит, и она говорит:

— Мое смертное тело может еще и танцевать.

— Хорошо, хорошо, — говорит Польша. — Будем танцевать.

8

— После войны, — произносит Польша, — мы с Эльзой намерены обосноваться в Америке.

На дворе поздняя весна сорок четвертого года. Польша в Лондоне с Эльзой, он только что вернулся из командировки в Соединенные Штаты — командировки из тех, в которые отправляют лишь незаменимых работников британских служб. Польша занимает в этих командировках второстепенное

положение, но он известен как эксперт по сербско-хорватским делам, и его неизменно привлекают советником, когда обсуждается положение на Балканах. Кроме того, он, еще будучи журналистом, однажды взял интервью у Тито, что обеспечило ему исключительное положение в этом отделе разведслужбы; более того, его истолкование политического курса Тито и предвидение его действий оказались на удивление точными. Поэтому Поль, к вящей зависти многих, уже в третий раз слетал в Нью-Йорк и вернулся в Англию на гидросамолете «Сандерленд» в позднюю военную весну сорок четвертого года.

Поль сидит на постели в лондонской гостинице, откинувшись на подушки и попивая виски, которым разжился на Бермудах, где приводнялся самолет. Эльза распечатывает пакет чудес, которые ей привез Поль. Достает подарки, какие отсутствуют в Англии или отпускаются по карточкам — упаковку чулок «Дюпон», коробку мыла «Ланвен», флакончик духов «Шанель № 5», белую блузку с рюшами, лилово-коричневый прозрачный шарфик, большую жестянку цейлонского чая, два пакетика калифорнийского изюма и сработанную под старину коро-

бочку для сахариновых таблеток. Все это, извлекаемое одно за другим, становится предметом рассматривания, улыбок и восторженного замирания.

Эльза укладывает сокровища в чемодан Поля. Через два часа они вечерним поездом уезжают за город.

Она их надежно укладывает. В дверь дважды стучат.

— Войдите, — говорит Эльза, не поднимая головы. Дверь приоткрывается, и в щель просовывается голова полковника Тилдена с жизнерадостной внеслужебной улыбкой. Эльза поднимает глаза.

— Ага, вернулись, — говорит он Полю, лаская взглядом бутылку виски.

— Принесете стаканчик для зубной щетки из ванной — получите свою порцию, — говорит Поль.

Тилден уходит и возвращается со стаканом. Эльза закончила с чемоданом, но ее сумка все еще открыта. Сверху лежат другие подарки. Тилден наливает себе в стакан виски и разбавляет водой из крана над раковиной. Он, подобно другим служащим из Комплекса, обычно останавливается в этой гостинице, бывая в Лондоне по делам. Сегодня в гостинице больше народа из Ком-

плекса, чем всегда, и все готовятся к возвращению по месту службы. Только что прошло совещание с работниками других разведслужб, а в таких случаях служащие из Комплекса на короткое время вступают между собой в дружеское сотрудничество, которое пропадает, стоит им вернуться в свою сельскую резиденцию и возобновить работу в более чем тесном контакте с немцами-коллаборационистами.

— Как там прошло? — говорит Тилден.

— После войны, — произносит Поль, — мы с Эльзой намерены обосноваться в Америке.

— Хорошая мысль, — говорит Тилден, усаживаясь в скрипучее плетеное кресло. — Жаль, что я уже не так молод.

Два стука в дверь.

— Учужали пойло, — говорит Тилден. Эльза открывает дверь, и в номер влетает Поппи Ксаверина в мешковатом шерстяном пальто и мешковатых штанах. В коридоре слышится голос, в ответ ему — смех.

— Стаканов нет, — говорит Эльза. — Приносите свои.

Поппи Ксаверина устраивается в плетеном кресле, которое явно реагирует на нагрузку. Полковник Тилден со стаканом в ру-

ке подпирает стену. В коридоре слышны удаляющиеся шаги, веселые голоса и снова шаги, сперва за дверью, и вот уже вся компания вваливается в номер — долговязый Майлз Бантинг с двумя стаканами в руках, за ним мужчина и женщина в форме офицеров британского флота. Поль охотно пускает бутылку по кругу. Они слышат, как примерно за милю от гостиницы глухо ухает бомба. Это «Фау-2», о ней не предупреждает сирена воздушной тревоги, она беззвучно прилетает и бьет в цель, уничтожая ее.

— Еще одна из этих, — говорит морской офицер.

— А по мне, без сирены даже лучше, — говорит Поппи. — Не нужно торопиться в подвал.

— При прямом попадании пиши пропало, — говорит Тилден.

Посредине его фразы из отдаленной части Лондона доходит эхо второго взрыва.

— Где-то в районе ветки на Тилбери, — говорит Майлз Бантинг.

Они удобно располагаются в купе поезда, который должен вот-вот отойти от перрона вокзала Сент-Панкрас. Улыбающаяся Поппи Ксаверина сидит у окна, рядом с ней —

разомлевшая Эльза. Поль последним толчком загоняет под лавку свой стоящий в проходе чемодан. Майлз Бантинг читает книгу об искусстве. Полковник Тилден — он сидит у прохода — говорит Полю:

— В Америке вас ждет хорошее место, ведь так?

— Отличное место. Колумбийский университет.

— Тем лучше для вас.

— И думаю, нам будет где жить. Вполне приятная квартира, принадлежит хорошим знакомым моей семьи. Они ее для нас сэберегут. Окна выходят на Ист-Ривер. Вы знаете Нью-Йорк?

— Хорошо знаю.

Состав отходит от перрона, и тут «Фау-2» прямым попаданием уничтожает хвостовые вагоны, где они едут, со всеми пассажирами.

— Ты тоже умер, — говорит Эльза. — Это одна из тех вещей, какие ты, Поль, не можешь понять.

— Не будь дурочкой, — говорит он. — Я хорошо помню, что стоял сбоку от рельсов, когда твое тело извлекали из-под обломков.

Я помню слишком много, мертвый столько не помнит.

Подсветка меняется, огни то ярче, то слабее, и при каждом мерцании делаются все приглушенней, пока наконец одно лишь тусклое розоватое свечение падает на круглую танцплощадку рядом с их столиком. Музыка замолкает. Официант приносит в ведерке шампанское и наполняет два бокала с такой сноровкой, будто видит в темноте.

— Нет, Поль, — говорит Эльза. — Это твое воображение работало само по себе.

Большая часть столиков пока пустует. Когда музыка возобновляется, Поль и Эльза танцуют в круге розоватого света, который переходит в оранжевый, затем в желтый и зеленый, синий и фиолетовый и вновь становится розоватым.

Они единственная пара на танцплощадке. Танцуют вместе, потом разделяются. На площадке появляется седой мужчина с партнершей много себя моложе. И он, и она невероятно элегантны, как два дамских пальца с дорогим маникюром. Волосы и худое ухоженное лицо мужчины блестят отраженным зеленым, затем желтым светом, как и его партнерши — платиновой блондинки с гладкой кожей. Их тени следуют по площад-

ке за ними, не соприкасаясь, изгибаясь по воле сотворивших их сущностей. Но тень Эльзы пересекает тень Поля. Она танцует отдельно, слегка раскачивается, ее бедра и ноги двигаются почти незаметно, но ее тень касается его тени. Блестящая элегантная пара возвращается за столик, но Эльза и Поль танцуют, пока не кончается музыка.

— Странно, но я ни капельки не устала, хотя последний раз танцевала бог знает когда, — говорит Эльза.

— Шесть с лишним лет тому назад, — говорит Поль, — мы последний раз танцевали вдвоем. Это было на вечеринке у Катерины. Не приснилось же мне все это!

— Катерина — не более чем обман твоего воображения, — говорит Эльза.

— Когда-то, может, была обманом, но не теперь. Смотри, кто пришел! — говорит Поль. — Быстро, Эльза, забирай сумочку. — Он набрасывает ей на плечи пальто и тащит за руку. — Появились-таки, — говорит он, бросая взгляд на входные двери, у которых метрдотель приветствует четверых гостей.

Поль торопит официанта со счетом и расплачивается, не спуская глаз с новоприбывших. Майлз Бантинг, Поппи Ксаверина, полковник Тилден, Гельмут Киль. Не-

похоже, чтобы они кого-нибудь преследовали. Поппи узнает Эльзу и, взмахнув руками, отправляет свои массивные тела в поход между затененными столиками.

Поль ведет Эльзу к выходу окольным путем. Майлз Бантинг их видит и подходит поближе.

— Поль, — говорит он, — неужели уходите?

Поль не отвечает. Эльза говорит:

— Людей маловато. Мертвое место.

Полковник Тилден подходит следом со словами:

— Ночная жизнь нигде не кипит. Спад. Видели промышленный индекс Доу-Джонса?

Поль теснит жену к дверям, забирает пальто и выводит ее, подталкивая сзади, на улицу.

— Не вижу во всем этом ничего смешного, — говорит он Эльзе и взмахом руки останавливает такси у тротуара.

— В том, что мужчина любит тебя так сердито, есть своя смешная сторона, — говорит она.

Его сердце бьется о доски гроба. «Выпустите!»

— Стоп! — говорит Поль водителю. — Мы выйдем здесь, — говорит он.

Эльза говорит:

— В это время в «Сент Реджисе»* нечего делать. Сейчас двенадцатый час ночи.

— Бар открыт, ресторан открыт, — говорит он. Он помогает ей выйти из машины, забирает у водителя сдачу. — Здесь мы не встретим никого из знакомых, — говорит он.

— Для этого места я неподходяще одета, — говорит Эльза, когда они входят в ночной ресторан.

Поль разговаривает с метрдотелем. Потом поворачивается к Эльзе и говорит:

— Нам нужно заказать столик. Мы не заказывали.

В зале полно элегантных едоков, многого в жизни достигших. Они разговаривают, заглушая музыку, или степенно танцуют.

— Может, подождем в баре? — говорит Поль.

— Не знаю. Выглядит как-то уныло.

— Мы подождем в баре, — говорит Поль метру, который, видимо, не склонен одобрить это решение.

Пересекая вестибюль гостиницы, они видят одетых по-вечернему Гарвена и мисс Армидж, выходящих из лифта.

*«Сент Реджис» — пятизвездочный отель на Манхэттене.

— Ну почему они выбрали именно эту гостиницу? — говорит Поль, словно пытается убедить самого себя. — Почему не другую? Должно быть, сошли с ума.

Гарвен их замечает, а следом за ним и мисс Армитидж. Они приближаются к Полю и Эльзе с радостным видом людей, наконец-то встретивших старых приятелей после долгой разлуки.

— Вы прекрасно выглядите, — говорит Поль мисс Армитидж.

Та застенчиво смотрит на Гарвена.

— Эльза, — говорит Гарвен, — мне бы хотелось с вами поговорить.

— Идемте в бар, — говорит Поль.

Но в баре полно народа, да и фреска на стене не в Эльзином вкусе.

— Давайте поедem в центр, — говорит Эльза. — Мне хочется танцевать.

— У нее сегодня выходной вечер, — объясняет Поль.

Однако они находят свободные места в общей комнате рядом с холлом.

— Должен вам сообщить, — говорит Гарвен, — что у нас с Анни любовь.

— Должен вам сообщить, — говорит Поль, — что гостиница «Сент Реджис» для этого не подходит.

— У нас отдельные номера, — говорит Анни.

— Мы также и профессиональные партнеры, — говорит Гарвен. — Через Анни я достигаю вас, Поль. Это вторичный ассоциативный процесс косвенного подхода. А через вас я имею косвенный подход к Эльзе третьей степени.

Эльза говорит Анни:

— Я считаю низким с вашей стороны использовать признания моего мужа в качестве пациента за все эти годы в собственных целях. Это неэтично.

— Ваше мнение в расчет не принимается, — заявляет Анни.

— Да нет у нее никаких моих признаний, — говорит Поль. — Она только думает, что есть.

— А раз нет признаний, — говорит Гарвен, — то нет и предательства. Анни в большей степени представляет собой ваше творение, Поль, поэтому, познавая Анни, я могу познавать и вас. А еще, как вы видите, я по тому же шаблону могу познавать Эльзу.

— Когда мы обречем достаточно познания, — говорит Анни, — первичного, вторичного и третьей степени, тогда мы по-настоящему сможем заняться лечением ва-

шей жены, Поль. Я располагаю новой методикой.

— Ей не требуется лечения, — говорит Поль. — Ее не существует.

— Ну уж нет, — говорит Гарвен, — это никуда не годится.

— Давай уйдем, Поль, — говорит Эльза.

— Миссис Хэзлет, — говорит Анни, — то, что вы сопротивляетесь лечению, вполне естественно. Все пациенты сопротивляются, все до единого. Однако уверяю вас, моя новая методика уже дает первоклассные результаты — клиенты выстраиваются в очередь, чтобы меня заполучить, а по телефону ко мне не пробиться. Так вот, по моей новой методике личность субъекта не вовлекается в процесс, поэтому стимул сопротивляться лечению исключен. Моя новая методика — строго психофизиологическая. Я определяю наличие в различных органах пациента психологических нарушений и лечу его строго на основе пораженного органа. В настоящий момент я лечу пациента, страдающего шизофренией поджелудочной железы. У меня есть пациент с гиперинтроспекцией мочевого пузыря, осложненной эйфорией печени. Сейчас я занимаюсь случаями маниакально-депрессивной почки, сердечного

суперэго, галлюциногенного психоза диафрагмы и сексуально-озабоченной селезенки. Широко распространены мании, связанные с половой сферой. Встречаются люди, страдающие эгоманией ногтей на ногах. Я могу лечить все, что угодно.

— А это напоминает мне, — говорит Гарвен, — что завтра утром я должен сходить к зубному врачу.

— А я — к моему адвокату, — говорит Эльза. — Вы, Гарвен, не озаботились предупредить меня об уходе, и я осталась без мажордома. Должна быть статья, по которой я имею право требовать возмещения за понесенный урон.

Она натягивает на плечо соболью шубку, а Поль грустно смотрит в холл, где только что появились новые лица.

— Ага, вот он, этот Киль, — говорит Гарвен. — А с ним княгиня Ксаверина и актер, он играл в пьесе вашего сына, как его?

— Майлз Бантинг, — говорит Поль, вставая. — Раньше он выглядел совсем иначе. А другой мужчина — полковник Тилден. Идем, Эльза.

Вновь прибывшие озираются, помогают Поппи справиться с ее накидками, а Поль и Эльза тем временем успевают от них удрать,

заскочив в лифт. Лифт останавливается, и они выходят следом за двумя мужчинами. Идут на оживленный гомон, доносящийся из-за створчатых дверей.

— За ними, мне кажется, — говорит Эльза, когда двери на мгновение распахиваются, — и происходит самое интересное.

Поль придерживает ее на пороге.

— Эльза, — говорит он, — неужели мы всю ночь так и будем бегать от твоих преследователей?

— Ты это заварил, — говорит она, — своими подозрениями, своими выдумками... Бедняга Киль, бедняга Киль, а Киль умер в тюрьме.

— А ты — в вагоне поезда.

— Как и ты, Поль, — говорит она. — Ты и сам это знаешь.

Группа из четырех пожилых людей покидает прием, бушующий за створчатыми дверями. Они учтиво огибают Эльзу и Поля, препирающихся перед входом.

— Значит, это был Тилден? — говорит он. — Неужели Тилден в конечном счете и был твоим любовником?

— Вот у него и спроси, — говорит она. — Спустись и спроси, пусть поднатужится, вдруг

да вспомнит. Они, по-моему, все еще ждут нас в холле.

— Или Майлз Бантинг? Ты из-за него плакала. Майлз?

— Я хочу сэндвич, — говорит она и тянется в комнату, хотя он держит ее за руку. — И хочу выпить.

— Найдем где поужинать, — говорит он. — А может, Поппи?

— Этого уже не узнать, — говорит Эльза, словно речь идет о каком-то дальнем знакомом. — Какая разница, если все мы умерли?

Он пропускает ее в двери и идет следом. В дальнем конце заполненной богатым людом комнаты накрыты большие столы. Подходит официант с подносом напитков. Эльза выбирает шампанское, Поль берет виски. Судя по всему, они пришли в числе самых последних, поскольку в дверях уже не встречают гостей и не выкликают их фамилии. Но вскоре к ним подходит невысокий седой мужчина и радостно здоровается.

— Проходите, проходите, я счастлив, что вы пришли. Спасибо за чудесный подарок, — говорит он, пожимая руку сперва Эльзе, затем Полю. — Мэри! — зовет он, и его высокая ясноглазая жена, чьи морщины выдают множество прожитых лет, мед-

ленно направляется к ним, раздвигая толпу руками и ступая строго по прямой. — Смотри, кто пришел, Мэри! — говорит старый джентльмен и вопросительно глядит на жену.

— Замечательно! — говорит та, целуя Эльзу. — Я не видела вас целую вечность. Спасибо за чудесный подарок. Он и вправду изумительный. Представляете... все эти люди. — Она смотрит на Поля, в ее ясных глазах стоят слезы.

— Мы припозднились, но вы знаете, как оно бывает, — говорит Эльза. — Сегодня особенный день, и мы просто не могли не прийти вас поздравить. — И она обращается к Полю, глядя на него в упор: — Ты только подумай, Поль, как это чудесно — золотая свадьба.

— Да, Поль, — говорит виновник торжества, — пятьдесят замечательных лет с Мэри. Скажу не кривя душой — пятьдесят замечательных лет супружества.

— Вот и прекрасно. За вас обоих, — говорит Поль. — Мэри, вы потрясающе выглядите.

— Александр всегда был прекрасным мужем, — говорит Мэри, — и прекрасным отцом.

— Александр, — говорит Эльза, — со времени нашего знакомства вы и на день не постарели. Как и Мэри.

Александр лучезарно улыбается Мэри.

— Эльза часто вас вспоминает. Мы не забыли, как вы были добры к нам, когда мы приехали в Америку, — говорит Поль.

— Эльза, — говорит Александр, уже не сомневаясь, что вскоре окончательно вспомнит, кто эти новые гости, — вот подходит наш внук Конрад. Вы помните Конрада?

Конрад уже тут как тут.

— Ну как же, Конрад, — говорит Эльза. — Конечно, мы его помним, но уверена, что он нас не вспомнит.

Конрад хихикает.

— Вы еще не успели перекусить? — говорит он.

Поль и Эльза неторопливо направляются к столам.

— Я бы отведала вон того салата с крабами, — говорит Эльза.

— Мне кажется, он был бизнесменом, — говорит Поль, обводя комнату взглядом.

Эльза берет тарелку и вилку.

— Узнаем, кто они такие, из завтрашних газет, — говорит она.

Они непринужденно прощаются с золотой свадьбой и уходят на гребне поцелуев и слез. В холле на первом этаже их преследователей не видно. Они выходят через вращающиеся двери, идут до отеля «Плаза» и направляются в ресторан «Дубовая комната».

— Вот и мы, — говорит Поппи, она сидит недалеко от входа. Мужчины встают, и Майлз Бантинг говорит:

— Поль, Эльза, мы заняли вам места.

Но Поль дает задний ход, они ловят такси на Пятой авеню, когда Майлз выходит на улицу следом за ними.

— В чем дело? — говорит он. — Почему вы убегаете?

— Мы были на золотой свадьбе, и у Поля развился психоневротический синдром: его тянет танцевать, — объясняет Эльза.

Поль впихивает ее на заднее сиденье такси, садится рядом, хлопает дверцей и говорит:

— В центр.

Машина с урчанием катит по ночным улицам.

Через некоторое время водитель ни с того ни с сего говорит:

— Вот шарахнуть бы по им атомной бомбой.

— Хоть сейчас, — соглашается Польш.

Они высаживаются у дискотеки под названием «Чувственный опыт», такси с ворчливым водителем отъезжает. Под порталом их поджидает неясная фигура с ножом в руке.

— Нас тебе не убить, — говорит Польш. — Мы уже мертвые.

— Следи за словами, Польш, ты можешь его напугать, — говорит Эльза.

И правда — в одурманенных, с расширенными зрачками глазах незнакомца, когда он надвигается на них лицом, возникает явный страх. Он сдавленно вскрикивает и валится на тротуар словно припадный. Из дверей выходит мужчина, смотрит на тело и заходит обратно. Эльза и Польш идут вверх по улице к другой дискотеке. Обернувшись, они видят, что полицейский патруль обнаружил упавшего и полицейские запикивают его на заднее сиденье.

— В нас определенно есть что-то такое, — говорит Эльза. Они поднимаются по лестнице в ночной клуб «Ролоффс».

Здесь они имеют несомненный успех. Сам Ролофф хочет подписать с ними контракт на номер в ночной программе. Наблюдательный юноша с копной лохматых волос умудряется заметить, вопреки оглушительной

музыке и мгновенным слепящим вспышкам многоцветных огней, что тень Эльзы пересекает в танце тень Поля.

— Гляньте, как пляшут их тени, — обращается он к танцующим. — Интересно, что у них там.

Вскоре Польш и Эльза остаются на танцполе одни, все вокруг едят их глазами в надежде разгадать источник фокуса. Те, что поближе, даже приседают заглянуть, что такое у нее под юбкой, из-за чего получается такой результат.

— Где она это прячет?

— Нет, посмотрите на руки, они тоже бросают тень.

— Это как-то связано с ним?

— Тогда что он делает?

Ролофф, хозяин заведения, выключает мигающие стробоскопические огни, так что помещение освещено теперь ровным светом двух боковых прожекторов. Тень Эльзы продолжает танцевать с тенью Поля. Польш пятится и со смехом отходит, позволяя ей танцевать одной.

— Все дело в этой ее тени, она падает не так, как у других.

Раздаются громкие аплодисменты, но Польш разом теряет веселье, замечая в толпе нетерпеливые лица Кили и Тилдена.

— Эльза, нам пора уходить.

Тщетно уговаривает их Ролофф подписать контракт на выступление в ночной программе.

— У вас определенно имеется что предложить, — говорит он.

Подходит Тилден.

— Поппи внизу в «роллсе». Ей тяжело подниматься, — говорит он.

— Пойдем лучше с ними, — говорит Эльза. — Нельзя же продолжать так до бесконечности.

— Мы всегда можем пойти домой, — говорит Поль, забирая в гардеробе их пальто. На лестнице Киль пытается загородить проход.

— Она так много танцевала, что теперь не прочитает шифра у нее на подметках, — говорит Киль.

Поль обходит его, Эльза идет следом.

— У меня болят ноги, — говорит она, зевая.

Им приходится миновать два квартала, чтобы найти такси. За это время «роллс-ройс» дважды огибает квартал, проезжая мимо. Каждый раз в окне появляется княгиня Ксаверина и умоляюще машет платочком.

— Можно подумать — они живые, — говорит Эльза.

— Невелика разница, — говорит Поль.

Они едут в «Артурс» в Ист-Сайде, потом возвращаются в центр — в «Стробоскоп». Время — за половину четвертого утра, и Поль, чтобы успокоиться, решает навестить Пьера.

— В это время он нас не впустит, — говорит Эльза.

— Он не станет прогонять мать с отцом, — говорит Поль.

В конце концов обозленный Пьер их впускает, запахивая халат на узкой груди. Его друг Перегрин, полностью одетый, работает с какими-то документами. При виде родителей Пьера он мигом собирает бумаги.

— Надеюсь, мы не помешали, — говорит Эльза, присаживаясь.

— Я как раз иду к автомату за сигаретами, — говорит Перегрин. Он складывает бумаги стопкой и уходит.

— Я спал, — говорит Пьер.

Комнату недавно обставили в восточном духе — китайские панели, лакированная мебель, ширма, расписанная плоскими белыми лепестками и розовыми птицами. Поль проводит длинными пальцами по изгибу статуэтки из слоновой кости.

— Ты существуешь? — спрашивает он.

— Фу, как вульгарно, — говорит Пьер.

— Потому что, — говорит Поль, — мы с твоей матерью погибли от бомбы весной тысяча девятьсот сорок четвертого года. Тебя не зачинали, и ты не рождался.

— Вообще-то это мое личное дело, — говорит Пьер, — или нет?

— Послушай, Поль, по-моему, он прав, — говорит Эльза. — Не нужно было являться в такой несуразный час.

Пьер улыбается:

— Нет, почему же? Просто очаровательно, что вы так вот взяли и появились. Я вовсе не против.

На улице они видят, как Перегрин пытается отвязаться от Поппи. Та удерживает его разговором, стоя на тротуаре у своего «роллса».

— Я хочу поговорить с матушкой Пьера, — говорит она. — Мы с ней подруги с незапамятных времен. Вы уж ей передайте, что я тут. — Трое сидящих в машине мужчин и шофер торжественно ждут.

— Не оборачивайся и не отвечай, — говорит Поль, выходя с Эльзой на улицу. Но Перегрин окликает:

— Тут одна дама хочет вас видеть, миссис Хэзлет.

— Не останавливайся, Эльза, — говорит Поль. — Мы вольны распоряжаться нашей собственной жизнью.

На углу они ждут, когда подъедет еще одно такси, и уезжают. На этот раз «роллс» едет прямо за ними.

— За нами едет машина, «роллс-ройс», — говорит Поль водителю, — мы хотим от нее оторваться.

Они проезжают через Центральный парк и быстро сбивают преследователей со следа. Поль договаривается с водителем, что тот подождет их у дома Катерины.

— Я спала, — говорит она. — Ты хочешь сообщить мне что-то хорошее, папа?

— Твой отец всего лишь хочет знать, живая ли ты, — говорит Эльза.

— Мог бы утром мне позвонить. Где вы были? Сейчас так поздно.

— Мы отправились в «L'Etoile»*, но там не было мест, и мы поехали в «Банановую шкурку». Начали в «Джимми Райанс». Потом попали на золотую свадьбу, уже не помню где. И еще в другие места.

— Тебе нужны деньги? — говорит Поль.

— Нашел чем шутить, — говорит она.

*«Звезда» (фр.).

Он достает чековую книжку и, устроившись на ручке кресла, кладет ее на колено и выписывает чек.

— Нам нужно еще кое-где побывать, — говорит он. — Идем, Эльза.

— В такое-то время? — говорит Катерина. Она смотрит на чек, складывает вдвое. Глядит на Эльзу. — Спасибо тебе или папе? — говорит она.

— Вероятно, ему, — говорит Эльза. — У меня никогда не было денег, это все выдумки.

— Шли бы вы лучше домой, — сонно говорит Катерина. — А то напугали, разбудили. Я уж в полицию хотела звонить. Нужно было предупредить, что придете, а то ведь неудобно могло получиться.

— Я твоему отцу так и говорила, — произносит Эльза, бросая на ходу взгляд на свое отражение в зеркале в передней. — Говорила, что это грубо.

— Мелли, — говорит Поль, — я знал, что вы еще не ложились. Вы, надеюсь, не возражаете.

— Я никогда не сплю ночью, — говорит Мелли. — Выпейте чего-нибудь. Угощайтесь.

— Эльза ждет.

— Где?

— В соседней комнате. Разговаривает с вашей сиделкой.

— Вот и хорошо.

Мелли — глубокая усохшая старуха. Но она подвижна и вся увешана браслетами и ожерельями. Ее волосы покрывает блестящая золотая пыльца, у нее длинные скрюченные пальцы. Она самый старый друг Поля в Нью-Йорке. Над камином в стиле Адама* висит полотно Тициана, которое она купила у семьи Поля в Черногории еще до войны. Ее коллекция живописи занимает ряд комнат в двухэтажной квартире Мелли на Парк-авеню.

— Мелли, вы помните, как в войну я наведывался в Нью-Йорк?

— Разумеется, помню.

Тогда она устроила его в Колумбийский университет и сохранила для него квартиру над Ист-Ривер.

— Наша квартира перегревается, Мелли.

— Тут уж ничего не поделаешь. Здание старое. Его снесут, как и все остальные.

* Роберт Адам (1728—1792) — шотландский архитектор, Адамов стиль — версия раннего классицизма с упором на изящный дизайн интерьеров.

- Мелли, вы настоящая?
- Конечно, настоящая, — говорит она, — и у меня хватит денег доказать это.
- Мне всякие мысли в голову лезут, — говорит он.
- Возможно, вы на чем-то зациклились, — говорит она. Ее браслеты позвякивают. — Принесите-ка коньяку, — говорит она. Ее пальцы тянутся к столику у кресла. Она берет блокнот со списком. Поль приносит поднос с коньяком и двумя стаканами.
- Эльза не захочет выпить с нами? Предложите ей составить компанию.
- Нет, она сказала, что лучше подождет. Думаю, ей не терпится вернуться домой.
- Значит, я вам кое-что расскажу, — говорит Мелли, — но чтобы лишь показать, живая я или нет. Я собираюсь устроить выставку картин из моего собрания, чтобы собрать деньги для музея «Метрополитен», и хочу всех видеть на открытии. Я послала телеграмму Трумэну. Отправила каблогранму Солженицыну, но он еще не ответил. Если он будет, то распоряжусь подавать водку с икрой, он, кажется, к ним привык. Я позвонила Пегги в Венецию и сказала: «Слушай, Пегги, нам нужно поговорить». Ее там ограбили, но потом я прочла в «Таймс», что

все вернули. Я послала телеграмму Бертольту Брехту, но он еще не ответил. Здесь у меня список тех, кто ответил. Тот еще список.

— Мелли, вам время обтираться, — говорит сиделка Мелли, появляясь в дверях с флаконом одеколона.

— Мне нужно на обтирание, — говорит Мелли. — Я ложусь спать только утром, но обтирание нужно делать в четыре часа.

Поль помогает ей подняться из кресла, сиделка подходит и берет ее под руку. Мелли медленно пересекает комнату. Она говорит на ходу:

— А что, чета Ротшильдов все так же приходит в четыре утра поить чаем из автофургона этих пьяниц в Бауэри?*

— По-моему, да, — говорит он.

— Я тут недавно вечером видела фильм — забыла название. Как он назывался, Ли-лиан?

— «Священная река», — говорит сиделка.

— Там у всех голые груди.

— Ягодицы, — говорит сиделка.

— А так похожи на груди, — говорит Мелли.

* Район Нью-Йорка, где после Второй мировой войны было много ночлежек.

* * *

— Как ноги? — говорит Польш.

— Не так уж плохо.

В свете утра они идут домой от Мелли. На Сорок шестой улице сворачивают на восток. Едут мусороуборочные машины, ранние рабочие спешат мимо по тротуару.

На каждом углу Польш смотрит налево и направо вдоль авеню.

— Поппи и ее команда, кажется, оставили нас в покое, — говорит он. — Интересно знать почему?

— Я буду рада прийти домой, — говорит Эльза.

Они на улице перед своим многоквартирным домом, смотрят на леса. Верхних этажей уже нет, нижняя половина дома представляет собой пустую коробку. Строительный грузовик стоит, ожидая начала первой рабочей смены. Утренний ветерок с Ист-Ривер уже поднимает пыль.

Эльза стоит в свете утра и читает объявление: новый жилой квартал возводится здесь на месте старого.

— Теперь мы хоть немного передохнем, — говорит Эльза.

С проезжей части улицы их окликают:

— Эльза, Польш, мы уже устали вас ждать.

Из окна «роллса» высовывается Поппи. Мужчины — все трое — спят: Киль рядом с шофером, Майлз Бантинг и Тилден — на заднем сиденье, откинув головы на пышную кожаную обивку салона.

— Мы отвезем вас назад. Поторопитесь, — зовет Поппи.

— Пойдем, Эльза, — говорит Поль, — мы можем вернуться с ними. Они и так уже долго ждали.

Она идет к машине, он следом, наблюдая, как при движении ее тень преданным облаком неведения послушно тянется за ней по тротуару.

Мюриэл Спарк: последние достоверности

К лику классиков шотландская писательница Мюриэл Спарк (1918—2006) была причислена литературной критикой еще при жизни. С первого же романа «Утешители» (1957) ее книги вызвали споры, и если их не всегда воспринимали с восторгом, то признание талантов автора оставалось неизменным. Романы Спарк охотно читали и читают по сей день. Знакомство с ее произведениями предусмотрено в Великобритании программами средней и высшей школы, она лауреат литературных премий, удостоена почетных званий и наград ряда университетов Великобритании и за ее пределами. С 1963 года Спарк состояла в Королевском литературном обществе, в 1967-м была награждена орденом Британской империи и в 1993-м возведена в рыцарское достоинство.

Писательница родилась в семье инженера Камберга, окончила школу для девочек в Эдинбурге. Выйдя замуж за учителя Сиднея Спарка, она взяла фамилию мужа и уехала с ним в Родезию (1937), но вскоре они развелись. В самом начале 1944 года Спарк вернулась в Англию и до конца войны служила в отделе контрпропаганды военной разведки Министерства иностранных дел. После войны работала для издательств и журналов, была главным редактором «Поэтического обозрения». Воспитанная в пресвитерианском вероисповедании, Спарк в 1954 году обратилась в католичество, что определило характер ее дальнейшего творчества. В 1963 году она переехала в Нью-Йорк, а в 1967-м обосновалась в Италии. Ее первая проза, рассказ «Серафим и Замбези» (1951) и зловещая, с элементами гротеска, притча «Птичка-“уходи”» (опубликована в одноименном сборнике 1958 г.), написана под влиянием жизни в Родезии. В последующих произведениях прослеживается опыт жизни автора в Лондоне, Шотландии, США, Франции, Италии... Умерла Мюриэл Спарк во Флоренции и была похоронена в городке Чивителла-делла-Кьяна, где провела последние тридцать девять лет.

Всю жизнь, начиная с девяти лет, Спарк писала стихи. Она по праву считала себя поэтом. Мир зрелой поэзии Спарк, сдержанной

в эмоциях и «поэтизмах», но напряженной в мысли и чувстве, — поистине конспект ее прозы: «Судьба, беседа, колокольный звон». Она изучала творчество английских писательниц XIX века и поэта-современника Джона Мейсфилда, опубликовала о них книги, чем снискала реноме серьезного литературоведа. Но к ее столетию четко установилось: прежде всего и в первую очередь она прозаик, мастер повествования, создававший собственные художественные миры.

Своеобразие прозы Спарк заявило о себе уже в ее первом романе, где фантастика и эксцентриада сдвигают действительность в сторону абсурда, и это становится сатирическим комментарием к изображаемому. Отсутствие личной жизни у религиозной шантажистки Джорджины Хогг демонстрируется буквально: засыпая, она исчезает, а вновь материализуется, лишь проснувшись. Героиня романа Каролина Роуз, пережившая нервный срыв, слышит голос, диктующий ее мысли на пишущую машинку, слышит стрекот самой машинки и решает, что это работает писатель, в чьем замысле фигурирует ее судьба. Она чувствует себя внутри и одновременно вне текста, пока не решает сама написать роман, персонажем которого ее заставили быть, изменив ход его действия по своему желанию. Трудно поверить, что этот образец постмодернистской

прозы был опубликован в 50-е годы прошлого века (на русском языке роман вышел в 2017 году в издательстве «Текст»).

В начале пути Спарк поддержали английские писатели-католики Ивлин Во и Грэм Грин, но, скорее всего, не как единоверца, а как многообещающего молодого автора. Все трое, нужно заметить, не любили распространяться о своей вере. Грин поправлял критиков: он не католический писатель, а пишущий католик. Alter ego Спарк — начинающая писательница, героиня романа «Умышленная задержка» (1981) — утверждает: «У меня было мое искусство, чтобы им заниматься, жизнь, чтобы жить ею, и вполне достаточно веры; а для всяких сообществ и индульгенций, постов, праздников и обрядов у меня просто не было ни времени, ни предрасположенности». Но вера действительно изменила ее взгляд на мир.

В вымышленной вселенной Спарк все соотнесено с точкой отсчета — четырьмя последними достоверностями, как они изложены в католическом «Начальном катехизисе» и приведены в эпиграфе к роману «Memento Mori» (1959): «Смерть, Страшный суд, Ад и Рай». Истины эти, по определению, предполагают бессмертие души и свободу выбора между добром и злом. Поэтому в книгах Спарк сопоставляются и противопоставляются два образа жизни:

в согласии с этими истинами, не обязательно осознанно религиозном, чаще житейски-интуитивном, — и существование даже не в опровержение этих истин, а так, словно их не было и нет. Из этого возникают гротески Спарк: правда оказывается причудливее вымысла, а бездуховная реальность, питающая смертные грехи убийства, гордыни, любострастия, зависти и иные, сплошь и рядом оборачивается абсурдом. Причем абсурд этот не хаотичен — он упорядочен, логичен, хотя и не всегда отвечает парадоксальной формуле Марка Твена: «Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел обязан держаться в рамках правдоподобия, а правда — нет».

История XX века подтверждает убеждение Спарк в том, что лишение человека свободы воли, то есть выбора между спасением и проклятием, — грех едва ли не страшнее человекоубийства. Она знала цену знаменитой максиме Франсуа де Ларошфуко «Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость». К теме манипулирования людьми и их сознанием она возвращалась с завидным постоянством, рисуя выразительные образы «манипуляторов» — личностей ущербных, отталкивающих, но наделенных определенной демонической силой. Такое манипулирование, как и убийство, воплощает в глазах писательницы конечную форму растления души и приобре-

тает под ее пером характер злой и беспощадной социальной сатиры, критики нравов, политических и идеологических систем и их практик, например фашизма («Мисс Джин Броди в расцвете лет», 1961) или бесстыжей политической коррупции («Аббатиса Круская», 1974). В своем восхитительно мудром и ехидном выступлении на церемонии награждения премией Рокфордского института за утверждение нравственной целостности на основе культуры (1993) она задалась риторическим вопросом и тут же ответила на него: «Что может быть лучше в борьбе с глупостью, вульгарностью, жестокостью и грубостью, чем осмеяние и сатира? Осмеяние — мощное и действенное оружие. В современном мире его следует изучать как выразительное средство честной литературы» (пер. С. Арестовой). Быть может, поэтому советские цензоры не очень придирались к Спарк, иной раз прощая ей жутковатый оттенок ее фантазмагорий.

На русский язык переведены почти все новеллы Спарк, эссе об авторе «Франкенштейна» Мэри Шелли и Эмили Бронте и четырнадцать романов из двадцати двух. Хотелось бы сказать, что переведены все значительные и знаковые ее книги, но со Спарк, как со многими классиками, всё не так просто. Абсолютная и сравнительная оценка тех или иных ее произведений менялась и при жизни, и после

смерти автора. Например, давно и необратимо признанный лучшей книгой Спарк роман «Мисс Джин Броди в расцвете лет» был при своем появлении довольно прохладно аттестован видным британским критиком, а впоследствии весьма успешным и ярким романистом Дэвидом Лоджем. Поэтому лучше сказать осторожно: и среди непереураченных романов Спарк, помимо «Ворот Мандельбаума», этого масштабного и проницательного художественного исследования проблем веры, искупления, расовой и национальной нетерпимости на Синае, остаются более чем достойные произведения.

Одну из таких лакун призван восполнить перевод романа «Теплица над Ист-Ривер» (1973). Каждый читатель, естественно, по-своему истолкует этот сложный текст и сюжет, способный привести на память строку Анны Ахматовой — «посмертное блуждание души». Идет ли тут речь о жаре Чистилища, каким оно видится католикам, или о мытарствах души после смерти тела, занимающих, по православному канону, сорок дней в земном представлении (но не в потустороннем исчислении)? Или о трудности постижения неотвратимости смерти — и о вере, дарующей ценность такому постижению? Мюриэл Спарк уже состоявшийся классик, однако какие-то вопросы о ее творчестве и смыслах ею рассказанного так и

останутся без полного и окончательного ответа. Разница в понимании этих смыслов никуда не денется. Может, оно и к лучшему.

При этом ее изображение в полный рост по-прежнему будет радовать посетителей Национальной портретной галереи Шотландии, а в Эдинбурге все так же будут показывать женскую школу Гиллеспы, в которую ходила девочка Мюриэл Камберг и с которой писательница Мюриэл Спарк слепила другую школу — ту, где пестовала избранных мисс Джин Броди. И Мюриэл Спарк будет не без юмора взирать на это. Сказано же в Библии — каждому по вере его. Так что она-то уж точно будет взирать.

Сомнений и неясностей здесь почему-то не возникает.

Содержание

ТЕПЛИЦА НАД ИСТ-РИВЕР	5
-----------------------------	---

В. Скороденко.

Мюриэл Спарк: последние достоверности.....	229
--	-----

Спарк М.

С71 Теплица над Ист-Ривер: роман / Мюриэл Спарк; пер. с англ. В. Скороденко. — Москва: Текст, 2019. — 237[3] с.

ISBN 978-5-7516-1513-0

Сотрудники Комплекса, британского центра контрпропаганды во время Второй мировой войны — англичане, пленные немцы, перемещенные лица, — загадочным образом включены в жизнь США то ли пятидесятих годов, когда еще был жив Бертольт Брехт, то ли конца семидесятых, когда Александр Солженицын уже находился в изгнании. Причудливые характеры, положения, обстоятельства жизни героев (да и живы ли они?) поглощают внимание читателя до последней строки романа классика английской литературы Мюриэл Спарк (1918—2006), мастера гротеска и глубоко верующей католички.

На русском языке роман выходит впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Мюриэл Спарк
ТЕПЛИЦА
НАД ИСТ-РИВЕР

Роман

16+

Редактор В. И. Генкин
Оформление серии Т. О. Семеновой
Корректор Т. В. Калинина
Художественный редактор К. Ш. Баласанова

Подписано в печать 20.08.19. Дата изготовления 03.09.19.
Формат 70 x 100/32. Усл. печ. л. 9.75. Тираж 3000 экз.
Заказ № К-7482.

Издательский дом «Текст»
125319 Москва, ул. Усиевича, д. 8
Тел.: +7 (499) 150 04 72
E-mail: textpubl@yandex.ru

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

По вопросам,
связанным с приобретением
книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел. +7 (495) 780 00 98
www.labyrinth.org

•

Заказ книг в интернет-магазине:
www.labyrinth.ru

